

СЕСИЛ СКОТТ ФОРЕСТЕР

ЛЕЙТЕНАНТ
ХОРНБЛАУЭР

РУКА СУДЬБЫ

The Big Book. Исторический роман

Сесил Скотт Форестер
**Лейтенант Хорнблауэр.
Рука судьбы**

«Азбука-Аттикус»

1941, 1950, 1952, 1953, 1962

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Форестер С.

Лейтенант Хорнблауэр. Рука судьбы / С. Форестер — «Азбука-Аттикус», 1941, 1950, 1952, 1953, 1962 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-20800-1

Сага об офицере Королевского флота Великобритании Горацио Хорнблауэре, прошедшем славный и трудный путь от простого мичмана до лорда и адмирала, – уникальное явление в мировой историко-авантюрной литературе. Миллионный круг почитателей, бесконечные тиражи, поистине мировое признание, выведшее писателя в классики жанра, кино- и телеверсии с участием таких известных актеров, как Грегори Пек, Кристофер Ли, и других звезд мирового кинематографа. Автор саги Сесил Скотт Форестер говорил о своем герое: «Он доставил мне бесчисленных друзей по всему миру. Таможенники читают мою фамилию и пропускают мой багаж, не досматривая. Он свел меня с адмиралами и принцессами, и я благодарен ему, честное слово, хотя и думаю часто, что лучше б ему этого не делать». Не каждому писателю настолько повезло с персонажем. Сага о Горацио Хорнблауэре оставила заметный литературный след. Книжный сериал Бернарда Корнуэлла о стрелке Шарпе создавался под влиянием Форестера. Патрик О'Брайен, отталкиваясь от книг знаменитой саги, написал многотомную эпопею о капитане Обри. Даже Гарри Гаррисон спародировал по-доброму образ героя Форестера в одном из своих рассказов («Капитан Гонарио Харпплейер»).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20800-1

© Форестер С., 1941, 1950, 1952, 1953,
1962

© Азбука-Аттикус, 1941, 1950, 1952,
1953, 1962

Содержание

Мичман Хорнблауэр	7
Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	34
Глава четвертая	45
Глава пятая	55
Глава шестая	64
Глава седьмая	82
Глава восьмая	95
Глава девятая	104
Глава десятая	116
Хорнблауэр и вдова Маккул	139
Лейтенант Хорнблауэр	149
I	149
II	153
III	160
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Сесил Скотт Форестер
Лейтенант Лейтенант
Хорнблауэр. Рука судьбы
(Четыре романа и два рассказа
из цикла «Горадио Хорнблауэр»)

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, послесловие, 1994, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Мичман Хорнблауэр

Роман

Глава первая

Равные шансы

Над Ла-Маншем бушевал январский штормовой ветер. Порывами налетал дождь, крупные капли громко стучали о брезентовые куртки дежуривших на палубе офицеров и матросов. Ветер дул так сильно и так долго, что даже в замкнутых водах Спитхеда военный корабль неуклюже кренился на беспокойной воде и с резкими толчками стопорился натянутыми якорными канатами. К кораблю приближалась лодка – гребли две дюжие женщины. Лодка бешено плясала на крутых волнах, то и дело зарываясь в них носом и оставляя за кормой густую пелену брызг. Женщина, сидевшая впереди, хорошо знала свое дело. Бросая быстрые взгляды через плечо, она не только вела лодку по курсу, но и направляла ее носом в самые большие волны, чтобы та не опрокинулась. Лодка медленно двигалась вдоль правого борта «Юстиниана». Когда она подошла к грот-руслению¹, ее окликнул вахтенный мичман.

– Так точно! – во весь голос крикнула загребная.

По старинной и странной флотской традиции такой ответ означал, что в лодке находится офицер. Вероятно, это относилось к съездившейся на корме фигуре, более походившей на прикрытую плащом грудю тряпья.

Все это наблюдал мистер Мастерс, вахтенный лейтенант; он укрывался с подветренной стороны кнехтов бизань-мачты. По команде вахтенного мичмана лодка подошла к грот-руслению и надолго скрылась из глаз, – видимо, офицер никак не мог подняться на борт. Наконец лодка вновь появилась в поле зрения Мастерса: женщины отвалили от корабля и ставили крошечный люгерный парус, под которым лодка, уже без пассажира, устремилась к Портсмуту, прыгая на волнах, как лошадь через препятствия. Когда она отошла, Мастерс заметил, что по шканцам приближаются двое. Новоприбывшего сопровождал вахтенный мичман; он указал на Мастерса и вернулся к грот-руслению. Мистер Мастерс прослужил на флоте до седых волос, имел счастье получить лейтенантский чин и давно понял, что капитаном не сделается никогда. Не сильно огорчаясь этим, он обратил свой ум на изучение окружающих.

Посему он внимательно разглядывал человека, который шел сейчас к нему. Худощавый юноша, почти мальчик, ростом чуть выше среднего; голенастые ноги в больших ботах, неуклюже выпирающие локти. Плохо подогнанная форма насквозь вымокла от брызг, из высокого воротника торчит тощая шея, лицо бледное, скуластое. Белое лицо – редкость на корабле, где люди быстро загорают до черноты, но у новичка оно было не просто белым; на впалых щеках отчетливо проступал зеленоватый оттенок. Юношу явно укачало в лодке. Черные глаза на бледном лице казались по контрасту дырами в листе бумаги – Мастерс с легким интересом отметил, что, несмотря на морскую болезнь, обладатель их пристально оглядывается вокруг, изучая новую обстановку. В глазах светилось непобедимое любопытство, которое не смогли заглушить ни робость, ни морская болезнь. Мистер Мастерс проницательно заключил, что юноше свойственны осторожность и дальновидность; он изучает новое окружение с тем, чтобы приготовиться к испытаниям. Так, наверное, смотрел на львов во рву библейский Даниил.

Темные глаза юноши встретились с глазами Мастерса, он остановился, смущенно поднял руку к полям промокшей шляпы. Потом открыл рот и хотел что-то произнести, но так и застыл

¹ Грот-руслень (и др. морские термины) – см. краткий морской словарь в конце книги.

в приступе робости, не произнес ни слова. Наконец он собрался с духом и выдал из себя заранее заготовленную фразу:

– Прибыл на борт, сэр.

– Ваше имя? – спросил Мастерс, напрасно прождав, что юноша представится сам.

– Г-Горацио Хорнблауэр, сэр. Мичман, – выговорил тот.

– Очень хорошо, мистер Хорнблауэр, – также официально ответил Мастерс. – Дэннаж ваш с вами?

Слова такого Хорнблауэр никогда не слышал, но у него хватило сообразительности догадаться, что оно значит.

– Мой рундук, сэр. Он... он у входного порта, – выговорил Хорнблауэр с легким колебанием – он знал, что поднялся на корабль через входной порт и что сундучок надо называть рундуком, но требовалось некоторое усилие, чтобы самому произнести эти слова.

– Я велю отнести его вниз, – сказал Мастерс, – и вам лучше отправиться туда же. Капитан на берегу, а первый лейтенант велел ни при каких обстоятельствах не беспокоить его до восьми склянок, так что советую вам, мистер Хорнблауэр, как можно скорее снять мокрую одежду.

– Да, сэр, – ответил Хорнблауэр и в тот же миг по лицу Мастерса понял, что употребил неправильное слово.

Прежде чем Мастерс успел сделать ему замечание, он исправился, с трудом веря, что люди произносят такие слова не только на сцене.

– Есть, сэр, – и после секундного раздумья снова поднес руку к полям шляпы.

Мастерс отсалютовал в ответ и обернулся к одному из посыльных, дрожавших под слабым укрытием фальшборта:

– Юнга! Проводите мистера Хорнблауэра в мичманскую каюту.

– Есть, сэр.

Хорнблауэр последовал за мальчиком к грота-люку. От морской болезни он едва держался на ногах, да еще чуть не падал всякий раз, как резкий ветер заставлял «Юстиниана» толчком натягивать якорный канат. Подойдя к люку, юнга скользнул вниз по трапу. Хорнблауэру пришлось уцепиться за поручни и с опаской спускаться сначала в полутьму нижней пушечной палубы, затем в сумрак твиндека. В ноздри ему ударили разнообразные и необычные запахи, в уши хлынули странные незнакомые звуки. У подножия каждого трапа юнга терпеливо ждал, в лице его читалось плохо скрываемое презрение. За последним спуском несколько шагов – Хорнблауэр окончательно потерял всякое представление о направлении и не знал, идут ли они к корме или к носу, – и они очутились в темной нише. Сальная свеча, воткнутая в медную пластину на круглом столе, лишь сгущала тени. За столом сидели человек шесть без сюртуков. Юнга исчез, оставив Хорнблауэра стоять, и прошло несколько секунд, прежде чем на него обратил внимание уса́тый мужчина, сидевший во главе стола.

– Говори, ужасное виденье, – произнес тот.

Хорнблауэра затошнило. Сказывалось путешествие в лодке, духота и вонь твиндека. Говорить было трудно, и он не знал, как выразиться.

– Меня зовут Хорнблауэр, – пробормотал он наконец.

– Здорово же тебе не повезло, – без тени сочувствия произнес другой мужчина.

Тут в ревящем мире за бортом корабля ветер резко сменил направление, слегка накренив «Юстиниана», повернул его и вновь рывком натянул якорные канаты. Хорнблауэру показалось, что мир перевернулся. Юноша закачался и покрылся потом, хотя весь дрожал от холода.

– Я полагаю, вы явились, – продолжал уса́тый, – чтобы пробиться в общество наиболее достойных людей. Еще один тупоголовый невежда явился осложнять жизнь тем, кому придется его учить. Посмотрите на него, – говорящий жестом призвал внимание компании, – только посмотрите. Последнее дурное приобретение нашего короля. Сколько вам лет?

– С-семнадцать, – выговорил Хорнблауэр.

– Семнадцать, – с подчеркнутым отвращением повторил усатый. – Чтобы стать моряком, вам надо было начать в двенадцать. Знаете разницу между топом и фалом?

Это вызвало у компании смех, характер которого был совершенно ясен смятенному уму Хорнблауэра. Он понял, что его осмеют независимо от того, скажет он «нет» или «да». Он выбрал нейтральный ответ.

– Это первое, что я посмотрю в «Кратком курсе навигации» Нори, – сказал он.

Тут корабль опять накренился, и Хорнблауэр полетел на стол.

– Джентльмены, – начал он жалобно, думая, как же ему выразиться.

– Господи! – воскликнул кто-то за столом. – Да его укачало!

– Укачало в Спитхехе! – с отвращением и злорадством произнес другой.

Но Хорнблауэру было все равно – некоторое время он не сознавал, что происходит. Нервное возбуждение последних дней, возможно, действовало на него сильнее, чем путешествие в лодке и качка на «Юстиниане». Тем не менее это означало, что к нему накрепко прилипло прозвище «мичмана, которого укачало в Спитхехе». Понятно, прозвище это не скрасило одиночество и тоску первых дней в Ла-Маншском флоте, который стоял тогда на якорях с подветренной стороны острова Уайт, добирая недостающую команду. Пролежав полчаса в гамаке, куда уложил его вестовой, Хорнблауэр пришел в себя и даже смог доложить первому лейтенанту.

Через несколько дней он уже ориентировался на корабле и не путался под палубами, не разбирая, где нос, а где корма (как в первые дни). Он научился различать лица других офицеров и не без труда усвоил, где должен находиться по боевому расписанию, во время вахты, когда убирают и когда ставят паруса. Он достаточно разобрался в своей новой жизни, чтобы понять: она могла быть много хуже, скажем, попади он на борт корабля, немедленно выходящего в открытое море. Это его не утешало; ему было тоскливо и одиноко.

Робкий от природы, он трудно сходилась с людьми, а вдобавок обитатели мичманской каюты оказались намного старше его – пожилые подштурманы с торговых судов, мичманы, из-за отсутствия покровительства или по неспособности сдать экзамены к двадцати-тридцати годам так и не ставшие лейтенантами. Поразвлекшись вначале насчет новичка, они вскоре перестали его замечать. Хорнблауэра это устраивало – он замкнулся в своей скорлупе и постарался привлекать как можно меньше внимания.

Ибо невесело было на «Юстиниане» в те мрачные январские дни. Капитан Кин (когда тот поднялся на борт, Хорнблауэр впервые увидел, какой торжественностью окружен капитан линейного корабля) был болен и склонен к меланхолии. У него не было ни славы, позволявшей иным капитанам набрать в команду добровольцев, ни ярких личных качеств, чтобы воодушевить тех угрюмых людей, которых время от времени приводили вербовщики.

Офицеры видели его редко и предпочли бы видеть еще реже. На Хорнблауэра, когда того пригласили в капитанскую каюту для первого разговора, он не произвел впечатления – пожилой человек, больной, с впалыми желтыми щеками, за столом, заваленным бумагами.

– Мистер Хорнблауэр, – произнес он официально. – Я рад случаю приветствовать вас на борту моего корабля.

– Да, сэр, – сказал Хорнблауэр.

Такой ответ больше подходил к ситуации, чем «Есть, сэр», а ничего другого, по-видимому, от младшего мичмана не ожидалось.

– Вам... дайте взглянуть... семнадцать? – Капитан Кин поднял листок, на котором излагалась короткая карьера Хорнблауэра.

– Да, сэр.

– Четвертое июля тысяча семьсот семьдесят шестого года, – задумчиво проговорил Кин, читая дату рождения Хорнблауэра. – Пять лет до моего назначения капитаном. К тому времени, как вы родились, я шесть лет служил лейтенантом.

- Да, сэр, – согласился Хорнблауэр. Добавлять что-нибудь было явно излишне.
- Сын доктора... Надо было выбрать в отцы лорда, если вы хотите делать карьеру.
- Да, сэр.
- Какое вы получили образование?
- Я дошел до греческого класса.
- Так что, вы разбираетесь не только в Цицероне, но и в Ксенофонте?
- Да, сэр. Но не очень хорошо, сэр.

– Лучше бы вы разбирались в синусах и косинусах. Лучше бы вы умели угадать порыв ветра, чтобы вовремя убрать брамсели. Абсолютные причастные обороты нам во флоте ни к чему.

- Да, сэр, – сказал Хорнблауэр.

Он совсем недавно узнал, что такое брамсель, однако мог бы сообщить капитану о неплохом знании математики. Тем не менее он промолчал – инстинкт и недавний опыт подсказывали не лезть с непрошеными сведениями.

– Что ж, выполняйте приказы, изучайте свое дело, и ничего плохого с вами не случится. Вот так.

- Спасибо, сэр, – сказал Хорнблауэр, ретируясь.

Однако капитанские слова тут же начали сбываться прямо противоположным образом. Плохое стало случаться с того самого дня, хотя Хорнблауэр исполнял приказы и усердно изучал свое дело. Все началось с того, что в мичманской каюте появился старший уорент-офицер Джон Симпсон. Хорнблауэр, сидевший вместе со всеми за столом, увидел дюжего красавца лет тридцати, который остановился у входа, совсем как сам Хорнблауэр несколько дней назад, и глядел на собравшихся.

- Привет, – сказал кто-то не слишком сердечно.

– Кливленд, друг мой смелый, – сказал новоприбывший, – убирайся-ка с этого места. Я собираюсь занять свое законное положение во главе стола.

- Но...

- Убирайся, кому сказано! – рявкнул Симпсон.

Кливленд недовольно подвинулся. Симпсон сел на его место и обвел пристальным взглядом мичманов, с любопытством уставившихся на него.

– Да, любезные собратья-офицеры, – сказал он. – Я вернулся в лоно семьи. Меня не удивляет, что все загрустили. Могу добавить: вы еще не так загрустите, когда я вами займусь.

- Но ваше назначение?... – осмелился спросить кто-то.

– Мое назначение? – Симпсон наклонился вперед и забарабанил пальцами по столу, вглядываясь в вопрошающие глаза мичманов. – Сейчас я отвечу на этот вопрос, но тот, кто рискнет задать его снова, пожалеет, что родился на свет. Эти тупоголовые капитаны из комиссии отказали мне в назначении. Они, видите ли, сочли, что мои математические познания недостаточно глубоки для навигатора. Так что исполняющий обязанности лейтенанта Симпсон вновь мичман Симпсон, к вашим услугам. Да будет с вами милость Божья.

В последующие дни могли возникнуть серьезные сомнения в Божьей милости, ибо с появлением Симпсона в мичманской каюте тихая тоска сменилась подлинными страданиями. Симпсон и прежде был изощренным тираном, а теперь, озлобленный и униженный провалом на экзаменах, стал тиранить подчиненных еще изощреннее. Он был слаб в математике, зато дьявольски силен в искусстве отравлять людям жизнь. Как старший в каюте, он был облечен достаточной властью; злой язык и злая воля обеспечили бы ему эту власть даже при бдительном и твердом первом лейтенанте, а первый лейтенант «Юстиниана» мистер Клэй таким не был. Дважды мичманы бунтовали против произвола Симпсона, но тот оба раза подавлял мятеж своими могучими кулаками: Симпсон с успехом мог бы выступать на ринге. Каждый раз на нем не оставалось ни ссадины, каждый раз его противник получал нагоняй и лишний наряд на

салинг от первого лейтенанта за синяк под глазом или разбитую губу. Мичманы задыхались от бессильного гнева. Даже подлизы и прихлебатели – а они, естественно, нашлись – ненавидели деспота.

Характерно, что больше всего возмущало не вымогательство – не ревизия чужих сундуков с конфискацией в свою пользу чистых рубашек, не присвоение лучших кусков мяса, даже не изъятие вожаемой порции спиртного. Это было понятно и извинительно, дай им власть, они и сами бы так делали. Но Симпсон проявлял чудовищный деспотизм, напомнивший Хорнблауэру, с его классическим образованием, о римских императорах-выродках. Симпсон заставил Кливленда сбрить усы, которыми тот невероятно гордился; он возложил на Хетера обязанность каждые полчаса, днем и ночью, будить Маккензи, так что не высыпались оба. И если Хетер пропускал хоть раз, доносчики тут же сообщали Симпсону.

Слабые места Хорнблауэра, как и всех остальных, он обнаружил очень скоро. Симпсон понял, что Хорнблауэр робок, и заставлял его декламировать всей мичманской каюте «Элегию на сельском кладбище» Грея. Симпсон со значительным видом клал на стол ножны от кортика, а прихлебатели толпой окружали Хорнблауэра. Тот знал, что стоит промедлить, как его разложат на столе и пустят в ход ножны. Удар плашмя был болезнен, удар острой стороной – мучителен, но страшнее боли было унижение. Вскоре Симпсон придумал более изощренную пытку, которую назвал «Процедура допроса». Хорнблауэра медленно и методически расспрашивали о детстве и родительском доме. Отвечать надо было на все вопросы, под угрозой ножен. Хорнблауэр мог вилять и уклоняться от прямого ответа, но рано или поздно настойчивый допрос исторгал из него какое-нибудь простое признание, повергавшее слушателей в бурное веселье. Видит бог, в одиноком детстве Хорнблауэра ничего стыдного не было, но юноши, тем более скрытные, как Хорнблауэр, – странные создания и часто стесняются того, на что другой не обратил бы внимания.

Испытание оставляло Хорнблауэра разбитым и больным; человек менее серьезный смог бы выпутаться из ситуации, разыгрывая шута, и даже приобрел бы некоторую популярность. Хорнблауэр в свои семнадцать был слишком серьезен, чтобы паясничать. Он сносил пытку, испытывая отчаяние, ведомое лишь семнадцатилетним. Он никогда не плакал на людях, но по ночам нередко проливал горькие мальчишеские слезы.

Он часто помышлял о смерти, еще чаще – о побеге. Потом рассудил, что дезертировать, может быть, страшнее, чем умереть, и вновь стал думать о смерти. Он – без друзей, одинокий, как может быть одинок лишь способный мальчик среди взрослых мужчин, – начал мечтать о самоубийстве. Чаще и чаще обдумывал он, как бы проще покончить счеты с жизнью.

Будь они в море, всем бы хватило дела и некогда было маяться дурью; даже на рейде энергичный капитан и первый лейтенант нашли бы чем занять команду от греха подальше. Однако, на беду Хорнблауэра, «Юстиниан» весь январь 1794 года стоял на якоре под командованием больного капитана и бездеятельного первого лейтенанта. Даже редкие периоды активности не шли на пользу Хорнблауэру.

Однажды мистер Боулз, штурман, проводил занятия по навигации для своих помощников и мичманов. Как на грех, капитан проходил мимо и заглянул в решения задачи, предложенной каждому отдельно. Болезнь сделала Кина язвительным, к тому же он не любил Симпсона. Бросив быстрый взгляд в записки старшего мичмана, Кин саркастически хмыкнул.

– Возрадуемся же, – сказал он. – Истоки Нила наконец обнаружены.

– Простите, сэр? – переспросил Симпсон.

– Ваш корабль, – произнес Кин, – насколько можно судить по вашим неграмотным каракулям, мистер Симпсон, находится в Центральной Африке. Посмотрим, каких еще *terrae incognitae* наоткрывали другие отважные первопроходцы.

Все было как в театре – в жизни таких совпадений не бывает. Хорнблауэр точно знал, что будет. Кин брал расчет за расчетом, дошел и до него. Результат Хорнблауэра оказался

единственно верным, все остальные прибавили поправку на рефракцию вместо того, чтобы вычесть, или неверно умножили, или, как Симпсон, вообще все перепутали.

– Поздравляю, мистер Хорнблауэр, – сказал Кин. – Вы можете гордиться, что единственный преуспели в этой толпе интеллектуальных гигантов. Вы, насколько мне известно, в два раза моложе Симпсона. Если вы удвоите ваши достижения к его возрасту, то оставите нас всех далеко позади. Мистер Боулз, я попрошу проследить, чтобы мистер Симпсон уделял больше времени занятиям математикой.

Капитан пошел по твиндеку неуверенной походкой смертельно больного человека, а Хорнблауэр сел, опустив глаза, не в силах встретить направленные на него взгляды, и понимая, что они означают. В тот миг он мечтал о смерти – даже молился о ней в эту ночь.

Через два дня Хорнблауэр оказался на берегу, к тому же под началом Симпсона. Обоим мичманам поручили сопровождать наземный десант, направленный вместе с такими же группами с других судов для вербовки. Вскоре ожидался вест-индский конвой. Большинство матросов с торговых кораблей будут завербованы, как только конвой войдет в Ла-Манш, остальные же, те, что поведут корабли до порта, постараются улизнуть и всеми правдами и неправдами укрыться от вербовщиков. Десанту предстояло оцепить берег, перекрыв пути к отступлению, и всех выловить. Но конвой еще не подавал сигналов, а необходимые приготовления были уже закончены.

– Жизнь прекрасна, – объявил Симпсон.

Высказывание для него необычное, но необычной была и обстановка. Он сидел в задней комнате таверны «Ягненок», удобно устроившись в одном кресле и положив ноги на другое, у ярко пылающего огня. Рядом стояла кружка пива с джином.

– За вест-индский конвой, – сказал Симпсон, прикладываясь к пиву, – чтобы ему задержаться подольше.

Симпсон был сама сердечность: пиво и тепло камина привели его в хорошее расположение духа, однако он выпил еще не столько, чтобы начать задираться. Хорнблауэр сидел по другую сторону камина, потягивал пиво без джина, разглядывал Симпсона и с удивлением отмечал, что впервые с прибытия на «Юстиниан» мучительное страдание отпустило, сменившись глухой тоской, похожей на стихающую боль от выдернутого зуба.

– Скажи тост, – обратился к нему Симпсон.

– За поражение Робеспьера, – робко произнес Хорнблауэр.

Тут дверь отворилась, и вошли еще два офицера, один – мичман, другой – с лейтенантским эполетом. Это был Чок с «Голиафа», начальник всех береговых вербовочных отрядов. Даже Симпсон подвинулся, освобождая старшему по званию место у огня.

– Конвоя все нет, – объявил Чок, потом внимательно поглядел на Хорнблауэра. – Кажется, я не имею удовольствия быть с вами знакомым.

– Мистер Хорнблауэр – лейтенант Чок, – представил Симпсон. – Мистер Хорнблауэр знаменит как мичман, которого укачало в Спитхед.

Хорнблауэра чуть не передернуло, когда Симпсон налепил на него этот ярлык. Чок из вежливости переменил разговор:

– Эй, слуга! Джентльмены выпьют со мной по стаканчику? Боюсь, ждать нам придется долго. Все ваши люди на местах, мистер Симпсон?

– Да, сэр.

Чок не умел сидеть сложа руки. Он прошелся по комнате, посмотрел в окно на дождь, представил своего мичмана – Колдуэлла. Вынужденное безделье заметно его тяготило.

– Сыграем в карты, чтобы убить время? – предложил он. – Отлично! Эй, слуга! Карты, стол и еще свечей.

Стол подвинули к огню, расставили стулья, принесли карты.

– Во что будем играть? – спросил Чок, обводя мичманов глазами.

Он был единственным лейтенантом среди них, и любое его предложение обладало немалым весом – остальные трое, естественно, молчали, ожидая, пока он выскажет свое мнение.

– Двадцать одно? Игра для идиотов. Лу? Игра для богатых идиотов. Тогда вист? Вот случай продемонстрировать наши скромные способности. Колдуэлл, насколько мне известно, знаком с азами игры. Мистер Симпсон?

Симпсон, при полном отсутствии математических способностей, очевидно, не мог хорошо играть в вист, но столь же очевидно не догадывался, что играет плохо.

– Как хотите, сэр, – сказал Симпсон.

Он любил азарт, а во что играть, ему было безразлично.

– Мистер Хорнблауэр?

– С удовольствием, сэр.

Это была не простая вежливость. Хорнблауэр прошел хорошую школу виста; после смерти матери он играл четвертым со своим отцом, пастором и женой пастора. Игра была его страстью. Он наслаждался точным подсчетом шансов, необходимостью одновременно проявлять смелость и осторожность. Радость, прозвучавшая в его голосе, заставила Чока вновь взглянуть на него. Чок, сам хороший игрок, тут же почувствовал в нем товарища.

– Отлично! – сказал он. – Мы можем сразу вытянуть карты и определить партнеров. Какие будут ставки, джентльмены? Шиллинг взятка и гинея роббер, или это многовато? Нет? Договорились.

Некоторое время играли спокойно. Хорнблауэру достался в партнеры Симпсон, потом Колдуэлл. Почти сразу же стало ясно, что Симпсон игрок никудышный, из тех, кто непременно идет с туза, а при четырех козырях – с одиночной карты. Однако им с Хорнблауэром пришли очень сильные карты, и первый роббер они выиграли. Затем Симпсон проиграл в паре с Чоком, им снова выпало играть вместе, и они опять проиграли. Симпсон торжествующе смотрел на хорошие карты и вздыхал, получив плохие, – очевидно, он принадлежал к тем невеждам, для которых вист – светская обязанность или даже грубый способ перераспределения денег, вроде бросания костей. Никогда ему не приходило в голову, что это священный ритуал, упражнение для ума. По мере того как он проигрывал все больше и больше, а слуга приносил и приносил джин, лицо его становилось все более багровым. Он не умел ни пить, ни проигрывать, так что даже подчеркнуто вежливый Чок не выдержал и выказал некоторое облегчение, когда в следующий раз оказался в паре с Хорнблауэром. Они легко выиграли следующий роббер; еще гинея с несколькими шиллингами перекечевала в тощий кошелек Хорнблауэра. Он один был в выигрыше, а Симпсон проиграл больше всех. Хорнблауэр совершенно забылся и воспринимал приглушенную брань Симпсона лишь как досадную помеху игре. Внезапно он осознал, что заплатит за сегодняшний успех будущими мучениями.

Еще раз вытянули карты, Хорнблауэру снова выпало играть с Чоком. Первую партию они выиграли. Потом дважды выиграли их противники. Симпсон ликовал. В следующую сдачу Хорнблауэр чересчур смело прорезал², наказав себя с партнером на две взятки, – Симпсон с довольной ухмылкой положил своего валета на десятку Хорнблауэра и тут обнаружил, что они с Колдуэллом все равно проиграли. Он с раздражением пересчитал взятки по второму разу, но их по-прежнему было только шесть. Хорнблауэр сдал и показал козыря. Симпсон зашел – как обычно с туза, лишив себя возможности перехватить ход. У Хорнблауэра были хорошие козыри и длинная трефа. Симпсон, что-то бормоча, разглядывал свои карты; невероятно, но он так и не усвоил, что, зайдя с туза, неизбежно вынужден будешь думать над следующим ходом. Наконец он решился и пошел. Хорнблауэр взял королем и тут же выложил козырного валета. К его радости, валет взял взятку, он пошел снова, и взятку взяла дама Чока. Чок пошел с козыр-

² Прорезывать – класть карту, будучи вторым или третьим игроком, ниже старшей на руке в надежде, что карты, могущие ее перебить, находятся у соседа справа. – *Здесь и далее примеч. перев.*

ного туза, и Симпсон с проклятием выложил короля. Чок пошел в трефу. У Хорнблауэра были в трефах марьяж и еще три карты, а Чок не зашел бы в трефу, будь она у него единственной. Хорнблауэр взял дамой: туз у Колдуэлла, если не у Чока. Хорнблауэр пошел с мелкой карты, все ответили в масть: Чок положил валета, а Колдуэлл – туза. Вышло восемь треф, а у Хорнблауэра их оставалось еще три, начиная с короля и десятки, – три верные взятки с козырями для перехвата хода. Колдуэлл пошел с бубновой королевы, Хорнблауэр положил свою единственную бубну, Чок взял тузом.

– Остальные мои, – сказал Хорнблауэр, кладя карты.

– Как это? – спросил Симпсон, державший короля бубен.

– Пять взятков, – резко ответил Чок. – Мы выиграли.

– А я разве больше не возьму? – не унимался Симпсон.

– Я перебиваю козырем бубны или червы и беру три в трефах, – объяснил Хорнблауэр.

Ему было ясно как дважды два, обычное окончание игры; он не понимал, что плохому игроку, вроде Симпсона, трудно запомнить колоду в пятьдесят два листа.

Симпсон бросил карты.

– Что-то вы слишком много знаете, – сказал он. – Вы знаете карты с рубашки.

Хорнблауэр сглотнул. Он понял, что наступает решительный миг. Еще секунду назад он просто с удовольствием играл в карты. Теперь перед ним вопрос о жизни и смерти. Вихрь мыслей промчался в голове юноши. Несмотря на теперешний уют, он явственно вообразил отчаянную тоску предстоящей жизни на «Юстиниане». Возникла возможность так или иначе покончить с этой тоской. Он вспомнил, что замышлял свести счеты с жизнью, и в сознании забрезжил план действий. Решение выкристаллизовалось.

– Это оскорбление, мистер Симпсон, – сказал он и обвел глазами Чока и Колдуэлла, вдруг ставших серьезными. Симпсон по-прежнему ничего не понимал. – Я требую сатисфакции.

– Сатисфакции? – поспешно произнес Чок. – Ну-ну. Мистер Симпсон просто погорячился. Я уверен, он объяснится.

– Меня обвинили в шулерстве, – сказал Хорнблауэр. – Тут так легко не объяснишься.

Он старался вести себя как взрослый, более того, как человек, сгорающий от возмущения. На самом деле возмущения он не испытывал, прекрасно понимая, в каком смятении рассудка Симпсон произнес свои слова. Но возможность представилась, и Хорнблауэр не собирался ее упускать. Теперь оставалось разыгрывать роль человека, которому нанесли смертельное оскорбление.

– Мало ли что можно сказать спьяну. – Чок твердо решил сохранить мир. – Мистер Симпсон, конечно, пошутил. Давайте потребуем еще бутылку и выпьем за дружбу.

– С удовольствием, – отвечал Хорнблауэр, подыскивая слова, которые сделали бы дело необратимым, – если мистер Симпсон немедленно, в вашем присутствии, попросит у меня извинений и признает, что говорил без оснований и в манере, недостойной джентльмена.

Говоря, он обернулся и с вызовом посмотрел Симпсону в глаза, метафорически размахивая красной тряпкой перед быком, чем и вызвал желаемый гнев.

– Извиниться перед тобой, молокосос! – взорвался Симпсон. В нем заговорили одновременно уязвленная гордость и опьянение. – Никогда, черт меня подери!

– Вы слышали, джентльмены? – произнес Хорнблауэр. – Мистер Симпсон отказывается извиняться и продолжает меня оскорблять. Мне остается одно – требовать сатисфакции.

Два последующих дня, до прибытия вест-индского конвоя, Хорнблауэр и Симпсон под началом Чока вели странную жизнь дуэлянтов, вынужденных общаться перед поединком. Хорнблауэр тщательно (как делал бы в любом случае) исполнял любые приказы Симпсона; тот отдавал их, явно смущаясь. За эти два дня Хорнблауэр отшлифовал свою первоначальную идею. У него было время подумать, пока он обходил доки в сопровождении морского патруля. Он спокойно все взвесил – а отчаявшийся семнадцатилетний мальчик иногда может быть

вполне объективен. Это было не сложнее, чем просчитывать шансы при игре в вист. Ничто не может быть хуже жизни на «Юстиниане», даже (это он решил давно) смерть. Здесь ему предоставляется возможность умереть легко, с дополнительным плюсом в виде шанса убить Симпсона. Тут мысли Хорнблауэра приняли другой оборот – идея, блеснувшая в мозгу, заставила его остановиться, так что патруль, не успев затормозить, налетел на него сзади.

– Простите, сэр, – сказал старшина.

– Ничего-ничего, – отвечал Хорнблауэр, глубоко погруженный в свои мысли.

Впервые он высказал свое предложение в беседе с Престоном и Данверсом, подштурманами, которых сразу по возвращении на «Юстиниан» пригласил в секунданты.

– Мы, конечно, согласны, – сказал Престон, с сомнением глядя на зеленого юнца. – Как вы собираетесь драться? Вы оскорбленная сторона и можете выбирать оружие.

– Я думал об этом с тех пор, как он меня оскорбил, – произнес Хорнблауэр, оттягивая время. Не так-то просто выложить подобную идею.

– Вы хорошо фехтуете? – спросил Данверс.

– Нет, – ответил Хорнблауэр.

По правде сказать, он ни разу не держал в руках шпаги.

– Тогда пистолеты, – сказал Престон.

– Симпсон, наверное, хороший стрелок, – предположил Данверс. – Я бы сам перед ним не встал.

– Полегче, – поспешил Престон, – не пугай его.

– Я не боюсь, – ответил Хорнблауэр. – Я сам об этом думал.

– Вы так спокойно говорите? – удивился Данверс.

Хорнблауэр пожал плечами:

– Может быть. Мне все равно. Но я думаю, шансы можно сблизить.

– Как?

– Их можно совсем уравнивать, – начал Хорнблауэр, беря быка за рога. – Нам дают два пистолета, один заряжен, другой – нет. Мы с Симпсоном выбираем, не зная, какой заряжен. Встаем в ярде³ друг от друга и по команде стреляем.

– Господи! – воскликнул Данверс.

– По-моему, так нельзя, – сказал Престон. – Это значит, что одного точно убьют.

– Для того и дуэль, – возразил Хорнблауэр. – Если условия честные, возражений быть не должно.

– А вы не струсите? – засомневался Данверс.

– Мистер Данверс... – начал Хорнблауэр, но Престон вмешался:

– Хватит нам одной дуэли в нашей команде. Данверс просто хотел сказать, что сам бы на такое не решился. Мы обсудим с Кливлендом и Хетером, посмотрим, что они скажут.

Через час предложенные условия дуэли стали известны всему кораблю. На беду Симпсона, у него не было на «Юстиниане» настоящих друзей. Секунданты Хетер и Кливленд не собирались отстаивать его интересы и, немного поломавшись для вида, приняли условия. Тиран мичманской каюты расплачивался за свою жестокость. В глазах некоторых офицеров читалось циничное удовольствие; часть офицеров и матросов смотрели на Хорнблауэра и Симпсона с тем любопытством, которое у некоторых вызывает смерть, – как если бы оба противника были приговорены к повешению. В полдень лейтенант Мастерс послал за Хорнблауэром.

– Капитан поручил мне провести расследование по поводу дуэли, мистер Хорнблауэр, – сказал он. – Мне поручено принять возможные меры к ее предотвращению.

– Да, сэр.

³ *Ярд* (и др. меры длины, веса и проч.) – см. таблицу мер в конце книги.

– Зачем настаивать на сатисфакции, мистер Хорнблауэр? Насколько я понимаю, дело в нескольких резких словах, произнесенных за вином и картами.

– Мистер Симпсон в присутствии двух офицеров с другого корабля обвинил меня в шулерстве.

Это было существенно. Свидетели – не члены корабельной команды. Если бы Хорнблауэр согласился счесть слова Симпсона руганью пьяного задиры, на них можно было бы не обращать внимания. Но при той позиции, которую Хорнблауэр занял, дело нельзя было замолчать, и Хорнблауэр это знал.

– Даже в таком случае сатисфакция возможна без дуэли.

– Если мистер Симпсон принесет мне извинения в присутствии тех же двух джентльменов, я буду удовлетворен.

Хорнблауэр знал, что Симпсон не трус. Он скорее умрет, чем принесет формальные извинения.

– Ясно. Насколько я понимаю, вы настаиваете на довольно необычных условиях дуэли?

– Такие прецеденты были, сэр. Как оскорбленная сторона, я имею право выбирать любые честные условия.

– Вы говорите, как крючоктвор, мистер Хорнблауэр.

Намека было достаточно. Хорнблауэр понял, что слишком много болтает, и решил впредь попридержать язык. Он стоял молча и ждал, чтобы Мастерс закончил разговор.

– Итак, вы твердо решили, мистер Хорнблауэр, продолжать это смертоубийственное дело?

– Да, сэр.

– В таком случае капитан велел мне лично присутствовать при дуэли ввиду необычных условий, на которых вы настаиваете. Должен поставить вас в известность, что попрошу секундантов это устроить.

– Да, сэр.

– Очень хорошо, мистер Хорнблауэр.

Мастерс разглядывал уходящего Хорнблауэра еще внимательнее, чем в первый раз. Он искал следов слабости или колебаний, вообще следов хоть каких-нибудь человеческих чувств – и не находил их. Хорнблауэр принял решение, взвесил все за и против и логически рассудил, что, хладнокровно избрав путь действий, глупо поддаваться эмоциям. Условия дуэли, на которых он настаивал, были математически наиболее благоприятны. Если он когда-то мечтал умереть, лишь бы избавиться от тирании Симпсона, предпочтительней равный шанс избежать ее, оставшись в живых. Далее, если Симпсон – лучший стрелок и фехтовальщик (а так оно наверняка и есть), равные шансы опять-таки математически наиболее благоприятны. Нечего жалеть о выбранном пути.

Математические выкладки были безупречны, но Хорнблауэр с удивлением обнаружил, что математика – еще не все. В тот жуткий вечер он несколько раз цепенел, вспоминая, что завтра утром придется поставить на карту жизнь. Один шанс из двух, что его убьют, сознание его прервется, тело остынет, а мир, как ни трудно поверить, будет существовать уже без него. Мысль эта повергала Хорнблауэра в дрожь. Времени для размышлений было предостаточно, ибо дуэльный кодекс, предписывавший противникам избегать друг друга до поединка, принуждал его к уединению, насколько возможно уединиться на переполненной палубе «Юстиниана». Этой ночью он вешал гамак в подавленном состоянии духа, чувствуя необычайную усталость; когда он раздевался в промозглом твиндеке, его знобило. Он завернулся в одеяло, мечтая расслабиться в тепле, и не смог. Задремывая, он тут же просыпался в тревоге, вертелся с боку на бок, слушая, как корабельный колокол отбивает каждые полчаса, и все сильнее стыдился своей трусости. В конце концов он даже порадовался, что завтра его жизнь зависит от

чистой случайности. Будь он вынужден положиться на твердость руки или глаза после такой ночи, можно было бы считать себя мертвецом.

Рассуждение позволило ему уснуть. Последние два-три часа он проспал и проснулся неожиданно – его тряс Данверс.

– Пять склянок, – сказал тот. – Через час рассвет.

Хорнблауэр выскользнул из гамака и стоял в рубашке. В темноте под палубой он с трудом различал собеседника.

– Номер первый позволил нам взять тендер, – сказал Данверс. – Мастерс, Симпсон и вся компания ушли на баркасе. Вот и Престон.

Еще одна фигура замаячила в темноте.

– Адский холод, – сказал Престон. – В такое гадкое утро выходить не хочется. Нельсон, чай где?

Слуга появился с чаем, когда Хорнблауэр натягивал панталоны. Хорнблауэра трясло от холода – чашка, которую он взял, застучала о блюдо. Это его взбесило. Но чай был кстати, и он жадно выпил.

– Еще чашку, – сказал он, гордясь, что может думать о чае в такую минуту.

Когда они спустились в тендер, было еще темно.

– Отваливай! – крикнул рулевой, и шлюпка отошла от корабля.

Пронизывающий ветер наполнил повисший люгерный парус; тендер направился к двум огням, горевшим на причале.

– Я заказал в «Георге» наемный экипаж, – сказал Данверс. – Будем надеяться, это он.

Экипаж ждал их. Возница был относительно трезв и, несмотря на ночные возлияния, более или менее управлялся со своей лошадью. Когда они устроились и зарыли ноги в солому, Данверс вытащил фляжку.

– Хлебните, Хорнблауэр, – предложил он. – Сегодня вам твердая рука не понадобится.

– Нет, спасибо, – ответил Хорнблауэр. Его пустой желудок решительно не желал спиртного.

– Они приедут раньше нас, – заметил Престон. – Когда мы подошли к причалу, я видел, что баркас шел назад.

По дуэльному этикету противники должны прибыть на место поединка отдельно; для возвращения понадобится только одна шлюпка.

– И костоправ с ними, – сказал Данверс. – Бог весть зачем он там сегодня нужен.

Он хохотнул и с запоздалой вежливостью подавил смех.

– Как вы, Хорнблауэр? – спросил Престон.

– Нормально, – ответил Хорнблауэр, с трудом удержавшись, чтобы не добавить: «Нормально, когда не ведутся такие разговоры».

Экипаж поднялся на холм и остановился у лужайки. Другой экипаж стоял в ожидании, его фонарь казался желтым на фоне разгорающейся зари.

– Вот и остальные, – сказал Престон.

В неярком свете можно было различить несколько человек – они стояли на промерзшей земле у кустов можжевельника.

Подходя, Хорнблауэр увидел стоящего поодаль Симпсона. Тот был бледен и нервно сглатывал, как, впрочем, и он сам. Мастерс подошел к ним, как обычно с любопытством разглядывая Хорнблауэра.

– Пришло время, – сказал он, – покончить с этой ссорой. Наша страна воюет. Надеюсь, мистер Хорнблауэр, вы согласитесь сохранить жизнь для королевской службы и не настаивать больше на дуэли.

Хорнблауэр взглянул на Симпсона. Данверс ответил за него:

– Готов ли мистер Симпсон загладить обиду?

– Мистер Симпсон готов выразить сожаление о случившемся.

– Ответ неудовлетворительный, – сказал Данверс. – Он не содержит необходимых извинений, сэр.

– Что скажет ваш принципал? – настаивал Мастерс.

– Принципал не должен говорить в таких обстоятельствах, – сказал Данверс, оглядываясь на Хорнблауэра.

Тот кивнул. Все это было неизбежно, как поездка в повозке палача, и столь же мучительно. Возврата быть не может – Хорнблауэр ни минуты не думал, что Симпсон извинится, а без этого дело надо было доводить до кровавого конца. Один шанс из двух, что через пять минут его не будет в живых.

– Итак, вы настаиваете, джентльмены, – сказал Мастерс. – Я вынужден буду сообщить об этом в своем рапорте.

– Мы настаиваем, – сказал Престон.

– Тогда остается лишь перейти к этому прискорбному делу. Я поручил пистолеты доктору Хепплуайту.

Он повернулся и повел их к другой группе – Симпсону, Хетеру, Кливленду и доктору Хепплуайту. Доктор держал пистолеты за дуло, по одному в каждой руке. Он был толстый, с красным лицом запойного пьяницы. Даже сейчас он улыбался пьяной улыбкой и слегка покачивался.

– Молодые дуралии не передумали? – спросил он.

Все должным образом проигнорировали столь неуместное здесь и сейчас замечание.

– Итак, – сказал Мастерс, – вот пистолеты. Оба, как видите, заправлены порохом, но один заряжен, другой не заряжен в соответствии с условиями. Вот у меня гиней, которую я предлагаю бросить для определения порядка выбора оружия. Теперь, джентльмены, определит ли монета непосредственно, кому из ваших принципалов достанется какой пистолет? Скажем, если выпадет решка, мистеру Симпсону вот этот? Или кто угадает монету, будет выбирать оружие? Я хочу исключить всякую возможность подтасовки.

Хетер, Кливленд, Данверс и Престон обменялись неуверенными взглядами.

– Пусть кто угадает, выберет, – сказал наконец Престон.

– Хорошо, джентльмены. Говорите, мистер Хорнблауэр.

– Решка, – сказал Хорнблауэр, когда монета блеснула в воздухе.

Мастерс поймал ее и прижал ладонью.

– Решка, – сказал он, поднимая ладонь и предъявляя монету сгрудившимся секундантам. – Выбирайте, пожалуйста.

Хепплуайт протянул Хорнблауэру два пистолета, в одном жизнь, в другом смерть. Какой выбрать? Лишь чистая случайность могла ему помочь. Хорнблауэр с усилием протянул руку.

– Я возьму этот, – сказал он.

На ощупь оружие было совсем холодное.

– Я выполнил все, что от меня требовалось, – произнес Мастерс. – Теперь приступайте вы, джентльмены.

– Возьмите этот, Симпсон, – сказал Хепплуайт. – А вы поосторожней со своим, мистер Хорнблауэр. Вы опасны для общества.

Врач все еще улыбался, явно радуясь, что кто-то другой подвергается смертельной опасности, а он сам – ничуть. Симпсон взял протянутый пистолет и встретился с Хорнблауэром глазами. В них не было никакого выражения.

– Дистанцию отмерять не надо, – говорил Данверс. – Место тоже безразлично. Здесь достаточно ровно.

– Очень хорошо, – сказал Хетер. – Станьте здесь, мистер Симпсон.

Престон подозвал Хорнблауэра – тот только что отошел в сторону: трудно было притворяться бодрым и спокойным. Престон взял его за плечо и поставил перед Симпсоном, почти вплотную – достаточно близко, чтобы почувствовать запах спиртного.

– Последний раз, джентльмены, – сказал Мастерс громко, – призываю вас помириться.

Никто не ответил, и в мертвой тишине Хорнблауэру казалось, что всем слышен бешеный стук его сердца. Тишину прервало восклицание Хетера:

– Мы не договорились, кто подаст команду!

– Давайте попросим мистера Мастерса, – сказал Данверс.

Хорнблауэр не смотрел вокруг. Он глядел прямо на серое небо над правым ухом Симпсона – смотреть тому в лицо он не мог и не знал, куда глядит Симпсон. Конец знакомого ему мира близился, – возможно, скоро он получит пулю в сердце.

– Я скомандую, если вы не против, джентльмены, – услышал он голос Мастерса.

Серое небо ничего не выражало – он глядит на мир в последний раз, а кажется, будто глаза у него завязаны. Мастерс снова заговорил.

– Я скажу «раз, два, три», – объявил он, – с такими вот промежутками. С последним словом вы можете стрелять, джентльмены. Готовы?

– Да, – раздался голос Симпсона у самого уха Хорнблауэра.

– Да, – произнес Хорнблауэр. Он слышал свой собственный голос как бы со стороны.

– Раз, – сказал Мастерс.

Хорнблауэр почувствовал у ребер дуло и поднял свой пистолет.

В эту секунду он решил не убивать Симпсона и продолжал поднимать пистолет, стараясь направить его Симпсону в плечо. Хватит и легкой раны.

– Два, – сказал Мастерс. – Три. Стреляйте!

Хорнблауэр нажал на спуск. Послышался щелчок, из затвора пистолета поднялось облачко дыма. Порох взорвался, и все – пистолет был не заряжен. Он знал, что сейчас умрет. Через долю секунды раздался второй щелчок, и облачко дыма поднялось из пистолета Симпсона на уровне его сердца. Они стояли оцепенев, не понимая, что произошло.

– Осечка, клянусь Богом! – воскликнул Данверс.

Секунданты столпились вокруг них.

– Дайте мне пистолеты, – сказал Мастерс, вынимая оружие из ослабевших рук. – Заряженный еще может выстрелить.

– Который был заряжен? – спросил Хетер, сгорая от любопытства.

– Вот этого лучше не знать, – ответил Мастерс, быстро перекладывая пистолеты из руки в руку.

– Как насчет второго выстрела? – спросил Данверс.

Мастерс поглядел на него прямо и непреклонно.

– Второго выстрела не будет, – сказал он. – Честь удовлетворена. Оба джентльмена прекрасно выдержали испытание. Никто теперь не осудит мистера Симпсона, если тот выразит сожаление о случившемся, и никто не осудит мистера Хорнблауэра, если он примет это заявление.

Хепплуайт расхохотался.

– Видели бы вы свои лица! – гремел он, хлопая себя по ляжке. – Важные, как коровьи морды!

– Мистер Хепплуайт, – сказал Мастерс, – вы ведете себя недостойно. Джентльмены, экипажи ждут нас, тендер у причала. Я думаю, к завтраку мы все, включая мистера Хепплуайта, будем в лучшей форме.

На этом все могло бы закончиться. Бурное обсуждение необычной дуэли в эскадре со временем стихло, однако имя Хорнблауэра знали теперь все, и не как «мичмана, которого

укачало в Спитхед», но как человека, хладнокровно выбравшего равные шансы. Однако на «Юстиниане» говорили другое.

– Мистер Хорнблауэр просит разрешения с вами поговорить, – сказал первый лейтенант мистер Клэй, рапортуя как-то утром капитану.

– Пришлите его, как уйдете, – сказал Кин и вздохнул.

Через десять минут стук в дверь возвестил о приходе крайне рассерженного молодого человека.

– Сэр! – начал Хорнблауэр.

– Я догадываюсь, что вы хотите сказать, – промолвил Кин.

– Когда я дрался с Симпсоном, пистолеты были не заряжены!

– Верно, Хепплуайт проболтался, – сказал Кин.

– Насколько я понимаю, сэр, это было сделано по вашему приказу.

– Вы совершенно правы. Я отдал такой приказ мистеру Мастерсу.

– Вы допустили непростительную бесцеремонность, сэр! – сказал Хорнблауэр и по-детски запнулся на длинных словах.

– Может быть, и так, – спокойно отозвался Кин, по обыкновению перекладывая бумаги на столе.

Спокойствие ответа ошарашило Хорнблауэра. Он пролепетал несколько бессвязных слов.

– Я спас жизнь для королевской службы, – продолжал Кин, подождав, пока он смолкнет, – молодую жизнь. Никто не пострадал. С другой стороны, вы с Симпсоном доказали свою смелость. Вы теперь знаете, что можете стоять под огнем, знают об этом и другие.

– Вы затронули мою честь, сэр, – начал Хорнблауэр приготовленную заранее речь. – Есть лишь одно средство смыть оскорбление!

– Успокойтесь, пожалуйста, мистер Хорнблауэр. – Кин с гримасой боли откинулся в кресле. – Я должен напомнить вам об одном полезном флотском правиле: младший офицер не может вызвать на дуэль старшего. Причины понятны – иначе слишком легко было бы продвигаться по службе. Вызов младшего старшему – преступление, подлежащее трибуналу.

– Ох, – слабо выговорил Хорнблауэр.

– Теперь один полезный совет, – продолжал Кин. – Вы дрались на дуэли и с честью выдержали испытание. Это хорошо. Никогда не деритесь снова – это еще лучше. Некоторые дуэлянты, как ни странно, входят во вкус, словно попробовавшие крови тигры. Они никогда не бывают хорошими офицерами и никогда не пользуются любовью команды.

Вот когда Хорнблауэр понял, что большая часть того возбуждения, с которым он вошел в капитанскую каюту, относилась к предвкушению вызова. Это могла быть отчаянная жажда опасности – и всеобщего внимания. Кин ждал ответа, но отвечать было нечего.

– Я понял, сэр, – сказал Хорнблауэр.

Кин снова пошевелился в кресле.

– Я хотел поговорить с вами еще об одном деле, мистер Хорнблауэр. У капитана Пелью⁴ на «Неустанном» есть мичманская вакансия. Капитан Пелью любит играть в вист, а хорошего четвертого партнера на корабле нет. Мы с ним согласились положительно рассмотреть вашу просьбу о переводе, если вы такую просьбу подадите. Я не сомневаюсь, что честолюбивый молодой офицер ухватится за возможность служить на фрегате.

– На фрегате! – воскликнул Хорнблауэр.

⁴ Эдвард Пелью (1757–1833) – 1-й виконт Эксмут, британский флотский офицер, прославившийся исключительными талантами и отвагой. С 1794 года – коммодор Западной эскадры фрегатов, с 1804-го – контр-адмирал, затем главнокомандующий Средиземноморским флотом.

Все знали о славе и удачливости Пелью. Продвижение по службе, известность, призовые деньги – на все это мог рассчитывать офицер под командованием Пелью. Конкурс на «Неустанный» должен быть огромный, такая возможность представляется раз в жизни. Хорнблауэр готов был радостно согласиться, но его остановили другие соображения.

– Вы очень добры, сэр, – сказал он. – Не знаю, как вас благодарить. Но вы приняли меня мичманом, и я, конечно, должен остаться с вами.

Истощенное лицо обреченного человека осветилось улыбкой.

– Не многие сказали бы так, – произнес Кин. – Но я буду настаивать, чтобы вы приняли предложение. Я не проживу столько, чтобы по достоинству оценить вашу верность. Этот корабль не место для вас. Корабль с бесполезным капитаном – не перебивайте меня, – измотанным первым лейтенантом, старыми мичманами. Вам надо быть там, где есть возможность продвигаться вперед. Советую вам принять приглашение капитана Пелью, я забочусь о благе службы, а мне так будет спокойнее.

– Есть, сэр, – ответил Хорнблауэр.

Глава вторая

Груз риса

Волк проник в овечье стадо. Непокойные серые воды Бискайского залива, на сколько видел глаз, были усеяны белыми пятнышками кораблей. Несмотря на сильный бриз, все корабли несли до опасного много парусов. Все, кроме одного, пытались уйти от погони. Исключением был фрегат его величества «Неустанный» под командованием сэра Эдварда Пелью. В Атлантике, за сотни миль отсюда, разыгрывалась великая битва⁵. Линейные корабли решали спор: Англии или Франции властвовать над морями. Здесь, в заливе, французский конвой подвергся нападению хищника. Судно, которое тот настигал, становилось его жертвой.

Фрегат неожиданно появился с подветренной стороны, сразу перерезав пути к отступлению. Теперь неповоротливые торговые суда вынуждены были лавировать против ветра. Все они везли провизию, столь необходимую революционной Франции, чью экономику совершенно разрушили политические катаклизмы; никому не хотелось попасть в английскую тюрьму. Фрегат настигал корабль за кораблем – один-два выстрела, и новенький трехцветный флаг, трепеща на ветру, слетал с гафеля. Поспешно спускалась шлюпка с призовой командой, чтобы отвести захваченное судно в английский порт, а фрегат бросался за новой жертвой.

На шканцах «Неустанного» капитан Пелью кипел злостью из-за каждой вынужденной задержки. Корабли конвоя, подняв все паруса, разбегались в разные стороны, и часть их, если упустить время, могла скрыться. Пелью не ждал обратно свои шлюпки: после сдачи судна он просто посылал туда офицера с вооруженным отрядом, а как только призовая команда отваливала, вновь расправлял грот-марсель и бросался за следующей жертвой.

Бриг, который они сейчас преследовали, не торопился сдаваться. Не раз гремела длинная девятифунтовая⁶ носовая пушка «Неустанного»: в беспокойном море трудно точно прицелиться в спешащий, надеясь на чудо, бриг.

– Отлично, – сказал Пелью. – Он сам напрашивается. Ну так получай.

Наводчики погонных орудий сменили цель и стреляли теперь по самому кораблю, а не по его курсу.

– Да не в корпус же, черт побери! – заорал Пелью. Один снаряд поразил бриг в опасной близости от ватерлинии. – По мачтам!

Следующий выстрел случайно или благодаря хорошему расчету был куда удачнее. Топенанты фор-марса-рея лопнули, зарифленный парус полетел вниз, рей накренился, корабль привелся к ветру. «Неустанный» лег в дрейф рядом с ним, готовый дать бортовой залп. При этой угрозе флаг пополз вниз.

– Что за бриг? – крикнул Пелью в рупор.

– «Мари Галант» из Бордо, – переводил офицер рядом с Пелью ответ французского капитана. – Двадцать четыре дня как из Нового Орлеана с грузом риса.

– Рис! – сказал Пелью. – Вернемся домой, я его продам за кругленькую сумму. Водоизмещение тонн двести. Команда не больше двенадцати. Понадобится четыре человека призовой команды и мичман.

Он огляделся, словно ища вдохновения перед следующим приказом:

– Мистер Хорнблауэр!

– Здесь, сэр!

⁵ «Славное первое июля» – сражение между британскими и французскими военными кораблями 25 апреля – 1 июля 1794 г., закончившееся победой англичан.

⁶ То есть стреляющая девятифунтовыми ядрами.

– Возьмите четверых из команды тендера и высаживайтесь на бриг. Мистер Сомс даст вам наши координаты. Отведите судно в любой английский порт, какой сможете, там доложите о себе и ждите указаний.

– Есть, сэр.

Хорнблауэр находился на боевом посту у правой шканцевой каронады, потому, наверное, и привлек внимание Пелью. На боку у него был кортик, за поясом – пистолет. Думать надо было быстро, так как Пелью заметно нервничал. Корабль подготовлен к бою, значит его рундук служит частью операционного стола, оттуда ничего не достать – придется отправляться как есть. Тендер лавировал возле кормы «Неустанного». Хорнблауэр подбежал к борту и окликнул его, стараясь, чтобы голос звучал как можно взрослее. По команде лейтенанта тендер повернулся носом к фрегату.

– Вот ваши широта и долгота, мистер Хорнблауэр, – сказал штурман мистер Сомс, протягивая листок бумаги.

– Спасибо. – Хорнблауэр сунул листок в карман.

Он неуклюже перелез на бизань-руслень и поглядел вниз на тендер. Сильно качало, корабль и шлюпка одновременно почти зарывались носом в море. Просвет между ними был ужасающе велик. Бородатый матрос на носу тендера с трудом зацепился за бизань-руслень длинным багром. Хорнблауэр секунду колебался – он хорошо знал свою неловкость. Вся книжная премудрость бесполезна, когда надо прыгать с корабля в шлюпку. Но прыгать было необходимо: сзади кипел от нетерпения Пелью, команда шлюпки, да и всего корабля смотрела на Хорнблауэра. Лучше прыгнуть и убиться, лучше прыгнуть и сделать из себя посмешище, но нельзя задерживать корабль. Ждать – хуже всего, прыгнуть – какая-то надежда. Быть может по команде Пелью, рулевой «Неустанного» дал носу корабля немного приподняться над водой. Диагональная волна прошла под кормой «Неустанного», так что нос тендера поднялся как раз в тот миг, когда корма корабля немного опустилась. Хорнблауэр собрался с духом и прыгнул. Ноги его коснулись планширя. Он качнулся, но тут бородатый матрос ухватил его за сюртук, и Хорнблауэр не рухнул назад, а полетел вперед. Даже крепкая матросская рука не смогла его удержать. Он свалился вверх ногами на гребцов второй банки, врезался в них, чуть не потерял сознание от удара о мощные плечи и с трудом встал.

– Извините, – пробормотал он матросам, смягчившим его падение.

– Ничего, сэр, – сказал ближайший – настоящий морской волк, татуированный и с косичкой. – Вы совсем легонький.

Командующий тендером лейтенант смотрел на него с кормы.

– Я попрошу вас направиться к бригу, сэр, – сказал Хорнблауэр.

Лейтенант scomандовал тендеру развернуться. Хорнблауэр тем временем пробирался на корму.

К своему приятному изумлению, он не встретил ухмылок или плохо скрываемой насмешки. Высаживаться на маленькую шлюпку с большого фрегата непросто даже в спокойном море, – возможно, каждый из команды хоть раз да летал головой вперед, а не в традициях флота (как понимали эти традиции на «Неустанном») смеяться над теми, кто старается по мере сил.

– Вы принимаете бриг? – спросил лейтенант.

– Да, сэр. Капитан велел мне взять четырех ваших матросов.

– Тогда вам лучше взять марсовых, – произнес лейтенант, оглядывая такелаж брига. Фор-марса-рей опасно накренился, а кливер-фал ослаб настолько, что парус громко хлопал на ветру. – Вы знаете, кого взять, или мне для вас выбрать?

– Буду премного обязан, сэр.

Лейтенант выкрикнул четыре имени, четыре человека откликнулись.

– Не давайте им спиртного, и все будет в порядке, – сказал лейтенант. – Следите за французской командой. Если провороните, не успеете глазом моргнуть, как они захватят судно и вы окажетесь во французской тюрьме.

– Есть, сэр, – сказал Хорнблауэр.

Тендер качался рядом с бригом, между ними пенилась вода. Татуированный моряк быстро поторговался с соседом по банке и сунул в карман пачку табаку – подобно Хорнблауэру, матросы оставляли свои пожитки на корабле. Он прыгнул на грот-руслень, за ним другой. Они остановились и поджидали, пока Хорнблауэр проберется по качающейся шлюпке. Он задержался на передней банке, осторожно балансируя. Грот-руслень брига был куда ниже бизань-русленя «Неустанного», но на сей раз надо было прыгать вверх. Один из матросов поддержал Хорнблауэра под руку.

– Подождите, сэр, – сказал он. – Приготовьтесь. Теперь прыгайте, сэр.

Хорнблауэр, подобравшись как лягушка, бросил свое тело на грот-руслень, ухватился руками за ванты, однако ноги скользнули, бриг накренился, и он очутился по пояс в воде, выпуская из рук ванты. Тут поджидавшие матросы ухватили его под мышки и втащили на борт. Двое других последовали за ним. Хорнблауэр повел свою команду по палубе.

Первый же человек, которого он увидел, сидел на крышке люка, запрокинув голову и припав губами к бутылке, указывающей доньшком в небеса. Вокруг люка сгрудились еще несколько человек, бутылок тоже было несколько, одна переходила из рук в руки. Когда Хорнблауэр подходил, корабль накренился, и пустая бутылка прокатилась мимо его ног в шпигат. Еще один француз, с развевающимися на ветру седыми волосами, встал для приветствия, постоял немного, собираясь с духом, словно тщился сообщить что-то чрезвычайно важное и никак не находил нужных слов.

– Годдэм инглиш, – выдавил он наконец и, удовольствовавшись сказанным, плюхнулся на крышку люка, затем повалился плашмя и пристроился спать, уронив голову на руки.

– Они неплохо провели время, сэр, клянусь Богом, – произнес матрос рядом с Хорнблауэром.

– Нам бы так, – сказал другой.

Рядом с крышкой люка стоял ящик, на четверть заполненный тщательно запечатанными бутылками. Матрос вынул одну и принялся с любопытством ее разглядывать. Хорнблауэру не надо было вспоминать предупреждение лейтенанта – за короткое пребывание в вербовочном отряде он сам имел возможность наблюдать склонность британских моряков к пьянству. Если позволить, через час его отряд будет пьянее французов. Хорнблауэру представилась жуткая картина: он с покаленным судном и пьяной командой дрейфует в Бискайском заливе.

– Ну-ка поставь! – потребовал он.

От волнения его семнадцатилетний голос дал петуха, как у четырнадцатилетнего, и матрос замялся, держа бутылку в руках.

– Поставь ее, слышал? – произнес Хорнблауэр в отчаянии.

Его первое независимое командование: необычные условия и возбуждение подстегнули живой темперамент, в то же время рассудок подсказывал, что, если не послушаются сейчас, не будут слушаться и дальше. Пистолет был за поясом, и Хорнблауэр положил руку на рукоять. Едва ли ему хватило бы духу выстрелить (даже если бы порох не намок, как горько подумал он, вспоминая об этом позже), но матрос, с сожалением взглянув на бутылку, поставил ее на место. Инцидент исчерпан, надо действовать дальше.

– Отведите их на бак, – приказал Хорнблауэр, – и запирайте в носовой каюте.

– Есть, сэр.

Почти все французы могли идти, их погнали перед собой, но четырех пришлось тащить за шиворот.

– Вставать, мусью, – сказал один из матросов. – Сюда ходить.

Он, очевидно, полагал, что так иностранцам будет понятнее. Приветствовавший их француз проснулся и, поняв, что его тащат на бак, вырвался и повернулся к Хорнблауэру.

– Я есть офицер. – Он указал на себя. – Я с ними не ходить.

– Уберите его! – сказал Хорнблауэр. Не хватало ему только спорить о пустяках.

Он подтащил ящик к борту корабля и выбросил бутылки в море. Видимо, то было какое-то особое вино, и французы решили его выпить, чтобы не оставлять англичанам. Хорнблауэра это не заботило: британский моряк может напиться как казенным ромом, так и марочным кларетом. Он закончил раньше, чем последний француз скрылся в носовой каюте; осталось еще время оглядеться. Он осматривал разрушения, причиненные выстрелом, но свист ветра и непрерывное хлопанье кливера мешали думать спокойно. Все паруса повисли, бриг подпрыгивал, наклоняясь кормой, пока оставленный без присмотра штурвал не разворачивал его, и тогда он терял ветер и резко останавливался, как заартачившаяся лошадь. Математический ум Хорнблауэра приобрел уже немалый опыт по балансу косых парусов на хорошо управляемом судне. Здесь равновесие было нарушено, и Хорнблауэр принялся за задачу о приложении сил к плоской поверхности.

Тут вернулись его матросы. Одно, по крайней мере, было ясно: опасно нависший формарса-рей может в любой момент оторваться и натворить бед. Корабль надо правильно положить в дрейф, и Хорнблауэр уже догадывался, как это сделать. Он сформулировал команду как раз вовремя, чтобы никто не заметил его колебаний.

– Брасопить реи к левому борту, – скомандовал он. – К брасам, ребята.

Матросы послушались, Хорнблауэр бросился к штурвалу. Он несколько раз стоял у руля, осваивая морскую науку под руководством Пелью, но уверенности в себе так и не приобрел. Рукояти показались рукам совсем чужими – он на пробу робко повернул штурвал. Но все оказалось просто. С развернутыми задними реями бриг сразу пошел лучше, рукояти подсказывали чутким пальцам, корабль вновь стал логичной конструкцией. Мозг Хорнблауэра завершил решение задачи о действии руля одновременно с чувствами, решившими ее эмпирически. В этих условиях штурвал можно спокойно закрепить. Он опустил стропку на рукоять и отступил на несколько шагов. «Мари Галант» шла ровно.

Итак, моряки не усомнились в его компетентности, но, разглядывая перепутанный клубок на стенге, Хорнблауэр не имел ни малейшего представления, что с ним делать. Однако его подчиненные – опытные моряки, – возможно, они десятки раз исправляли подобные повреждения. Первое (и единственное), что надо сделать, – довериться их опыту.

– Кто из вас самый бывалый моряк? – Он старался говорить короче, чтобы не дрожал голос.

– Мэтьюз, сэр, – сказал кто-то наконец, указывая большим пальцем на татуированного матроса с косичкой, того самого, на которого Хорнблауэр свалился в тендере.

– Очень хорошо. Я назначаю вас старшиной, Мэтьюз. Приступайте сейчас же и уберите это безобразие на носу.

Момент был для Хорнблауэра критический, но Мэтьюз спокойно козырнул.

– Есть, сэр, – ответил он, будто так и надо.

– Сначала займитесь кливером, пока он совсем не измочалился, – добавил Хорнблауэр, заметно осмелев.

– Есть, сэр.

– Приступайте.

Матросы отправились на нос, а Хорнблауэр на корму. Он вынул подзорную трубу из стропки на полуяте и оглядел горизонт. Видны были несколько кораблей. Ближайшие под всеми парусами, какие могли нести, спешили в Англию – то были призы. Дальше по ветру виднелись марсели «Неустанного», преследующего остатки конвоя. Медленных и неповоротливых он уже настиг, и каждая следующая добыча отнимала все больше времени. Скоро бриг

останется один в открытом море, в трех сотнях миль от Англии. Три сотни миль – два дня пути при попутном ветре. Но что, если ветер переменится?

Хорнблауэр положил трубу. Матросы трудились на корме, а он спустился вниз и осмотрел офицерские каюты: две одноместные (видимо, для капитана и помощника), двухместная для боцмана и кока (или плотника). Он нашел кладовую над ахтерпиком, опознав ее по разнообразным припасам; дверь моталась из стороны в сторону, связка ключей торчала в замке. Теряя все, французский капитан вынес ящик вина и не потрудился даже закрыть дверь. Хорнблауэр запер замок и опустил ключи в карман. На него внезапно нахлынуло одиночество – неизбежное одиночество командира. Он поднялся на палубу. При виде его Мэтьюз заспешил на корму и козырнул:

- Простите, сэр, но нам понадобятся гардели, чтобы снова подвесить рей.
- Очень хорошо.
- У нас рук не хватает, сэр. Можно мне нескольких мусью взять?
- Если вы с ними управитесь. И если кто-нибудь из них достаточно трезв.
- Небось управлюсь, сэр. Что с трезвыми, что с пьяными.
- Очень хорошо. Приступайте.

Тут-то Хорнблауэр с горьким отвращением к себе вспомнил, что порох в его пистолете наверняка отсырел. Какой позор хвататься за пистолет, не перезаряженный после кульбита в маленькой лодке! Пока Мэтьюз шел на нос, Хорнблауэр опрометью бросился вниз. В капитанской каюте он видел ящик с пистолетами, фляжку с порохом и мешочек пуль. Он зарядил оба пистолета, а в свой заново насыпал пороха на полку, как раз к тому времени, когда из носовой каюты, подталкивая французов, появились матросы. Хорнблауэр расположился на полуяуте, широко расставил ноги, сложил руки за спиной и попытался принять уверенный и независимый вид. После часа тяжелой работы гардели приняли вес рея и паруса. Рей был подвешен, парус поставлен.

Когда работа приближалась к концу, Хорнблауэр очнулся и вспомнил, что сейчас надо будет указывать курс. Он снова бросился вниз, достал карты, измерители и параллельную линейку. Из кармана он извлек мятый клочок бумаги с координатами, который так небрежно сунул в карман в преддверии более неотложной задачи – перебраться с «Неустанного» в тендер. Хорнблауэр с огорчением подумал, как непочтительно обошелся тогда с этим клочком бумаги. Он начал осознавать, что, хотя флотская жизнь и представляется переходом из крайности в крайность, на самом деле она – одна сплошная крайность, так что, даже разбираясь с одной чрезвычайной ситуацией, нужно продумывать, как поступить в следующей. Он склонился над картой, рассчитывая местоположение и прокладывая курс. Ему стало неуютно при мысли, что это не упражнение под ободряющим руководством мистера Сомса, а вопрос его жизни и репутации. Он проверил выкладки, выбрал курс и записал на бумажке, чтобы не забыть.

Так что когда фор-марса-рей подвесили на место, пленных загнали в носовую каюту и Мэтьюз вопросительно посмотрел на Хорнблауэра, ожидая дальнейших приказаний, тот был готов их отдать.

- Мы пойдем на фордевинд, – сказал он. – Мэтьюз, поставьте кого-нибудь к рулю.

Сам он встал к брасам. Ветер был умеренный, и Хорнблауэр чувствовал, что под этими парусами его люди смогут вести корабль.

- Какой курс, сэр? – спросил рулевой.

Хорнблауэр полез в карман за листком бумаги.

- Норд-ост-тень-норд, – прочел он.

– Есть норд-ост-тень-норд, сэр, – отвечал рулевой, и «Мари Галант» устремилась к Англии.

Спускалась ночь, и по всему горизонту не было видно ни одного корабля. Хорнблауэр знал, что они сразу за горизонтом, но мысль эта не скрашивала его одиночества. Столько надо

делать, столько помнить, и вся ответственность ложится на его неокрепшие плечи. Пленных надо задраить в носовой каюте, поставить вахту, даже простая задача найти кремень и огниво, чтобы зажечь нактоузный фонарь, требовала внимания. Поставить на носу впередсмотрящего – пусть заодно приглядывает за пленными; другой матрос у руля. Двое пусть поспят сколько смогут – ставить и убирать любой парус придется авралом. Скудный ужин – вода из бачка и сухари из кладовой. Постоянно следить за погодой. Хорнблауэр в темноте мерил шагами палубу.

– А вы почему не спите, сэр? – спросил рулевой.

– Я лягу позже, Хантер, – отвечал Хорнблауэр, стараясь не подать виду, что такая мысль просто не пришла ему в голову.

Он понимал, что совет разумный, и попытался ему последовать. Спустившись в каюту, Хорнблауэр бросился на капитанскую койку, но заснуть, конечно, не смог. Когда впередсмотрящий заорал в люк, чтобы двое других матросов (они спали в соседней каюте) сменили первых на вахте, он не удержался, встал и вышел на палубу посмотреть, все ли в порядке. Убедившись, что на Мэтьюза можно положиться, Хорнблауэр заставил себя вернуться вниз, но не успел лечь, как новая мысль бросила его в дрожь. Все самодовольство улетучилось, сменившись крайней озабоченностью. Он бросился на палубу и направился к Мэтьюзу, сидевшему на корточках у недгедсов:

– Ничего не сделано, чтобы проверить, не набирает ли корабль воды. – Он быстро подбирал слова, чтобы не обвинить Мэтьюза и одновременно, в целях поддержания дисциплины, не брать вину на себя.

– Верно, сэр, – отвечал Мэтьюз.

– Одно из ядер с «Неустанного» попало в бриг, – продолжал Хорнблауэр. – Насколько оно повредило судно?

– Точно не знаю, сэр, – отвечал Мэтьюз. – Я был тогда на тендере.

– Надо будет посмотреть, как только рассветет, – сказал Хорнблауэр. – А сейчас хорошо бы замерить уровень воды в льяле.

Сказано было смело. В течение краткого обучения на «Неустанном» Хорнблауэр узнал обо всем понемногу, поработав по очереди с начальником каждого подразделения. Однажды он вместе с плотником замерял высоту воды в льяле – вопрос, сможет ли он найти его на чужом корабле.

– Есть, сэр, – без колебаний отвечал Мэтьюз и зашагал к кормовой помпе. – Вам понадобится свет, сэр. Я сейчас принесу.

Он принес фонарь и осветил лотлинь, висевший возле помпы, так что Хорнблауэр сразу его признал. Сняв лотлинь, Хорнблауэр вставил тяжелый трехфутовый стержень в отверстие льяла и вовремя вспомнил вынуть его и убедиться, что он сухой. Потом спустил линь, вытравливая понемногу, пока стержень не стукнул о дно корабля. Он вытащил линь, Мэтьюз приподнял фонарь. Хорнблауэр с замиранием сердца поднес к свету стержень.

– Ни капли, сэр, – сказал Мэтьюз. – Сухой, как вчерашняя кружка.

Хорнблауэр был приятно удивлен. Всякий корабль немного да течет – даже на «Неустанном» помпы работали ежедневно. Он не знал, следует ли считать эту сухость явлением удивительным или из ряда вон выходящим. Ему хотелось выглядеть многозначительным и непроницаемым.

– Гм, – само пришло нужное слово. – Очень хорошо, Мэтьюз. Сверните линь обратно.

Мысль, что «Мари Галант» не набирает воды, помогла бы ему заснуть, если бы ветер резко не переменялся и не усилился сразу же по его возвращении в каюту. Неприятные новости принес забарабанивший в дверь Мэтьюз.

– Мы не сможем держать курс, сэр, – заключил он свой рассказ. – И ветер становится порывистым.

– Очень хорошо, сейчас поднимусь. Свистать всех наверх, – сказал Хорнблауэр с резкостью, которую можно было бы объяснить внезапным пробуждением, если бы она не была попыткой скрыть внутреннее волнение.

С такой маленькой командой Хорнблауэр не решался и в малой мере позволить погоде застать себя врасплох. Он вскоре убедился, что все надо делать загодя. Ему пришлось встать к штурвалу, пока четыре матроса взяли рифы на марселях и все надежно принайтовили. Это заняло полночи, и к концу работы стало окончательно ясно, что ветер дует с севера и «Мари Галант» не может больше идти курсом норд-норд-ост. Хорнблауэр оставил штурвал и спустился к картам. Те лишь подтвердили его пессимистические расчеты: этим галсом они не пройдут Уэссан на ветре. При такой нехватке матросов он не мог идти вперед в надежде, что ветер переменится: все, что он читал и слышал, предупреждало об опасности подветренного берега. Оставалось поворачивать. С тяжелым сердцем он вернулся на палубу:

– Поворот через фордевинд!

Хорнблауэр старался подражать голосу мистера Болтона, третьего лейтенанта на «Неустанном».

Они благополучно повернули бриг и пошли в бейдевинд на правом галсе. Теперь они, без сомнения, удалялись от опасных берегов Франции, но при этом уходили и от родных берегов. Никакой надежды за два дня добраться до Англии. Никакой надежды Хорнблауэру поспать.

За год до поступления на флот Хорнблауэр брал уроки у нищего французского эмигранта: французский язык, музыка, танцы.

Вскоре несчастный эмигрант обнаружил у своего питомца полное отсутствие слуха и полную неспособность к танцам. Чтобы оправдать свою плату, он решил сосредоточиться на языке. Большая часть пройденного накрепко осела в цепкой памяти Хорнблауэра. Он никогда не думал, что это ему когда-нибудь пригодится, однако вышло совсем наоборот. На заре французский капитан потребовал разговора. Он немного говорил по-английски, но Хорнблауэр (стоило преодолеть робость и выдать несколько неуверенных слов), к приятному изумлению, обнаружил, что по-французски они могут объясняться лучше.

Капитан жадно попил из бачка. Он был, естественно, небрит и после двенадцати часов в задраенной носовой каюте, куда его втолкнули мертвецки пьяным, выглядел плачевно.

– Мои люди голодны, – сказал капитан.

– Мои тоже, – отвечал Хорнблауэр. – Я тоже.

Говоря по-французски, трудно не жестикулировать. Он указал на своих матросов, потом постучал себя в грудь.

– У меня есть кок, – сказал капитан.

Потребовалось время, чтобы обговорить условия перемирия. Французам разрешается выйти на палубу, кок на всех приготовит обед, на то время, что эти послабления допущены, французы обязуются не принимать попыток к захвату корабля.

– Хорошо, – сказал наконец капитан и, как только Хорнблауэр отдал необходимые приказания и французов выпустили, оживленно принялся обсуждать с коком предстоящий обед.

Вскоре над камбузом поднялся веселый дымок.

Лишь тогда капитан взглянул на серое небо, на зарифленные марсели, посмотрел на нактоуз и компас.

– Встречный ветер для курса на Англию, – заметил он.

– Да, – кратко отвечал Хорнблауэр. Он не хотел, чтобы француз догадался о его отчаянии и трепете.

Капитан внимательно прислушался к движениям судна у них под ногами.

– Что-то она тяжело идет, вам не кажется? – спросил он.

– Возможно, – отвечал Хорнблауэр.

«Мари Галант» была ему незнакома, как, впрочем, и любой другой корабль, поэтому он не имел своего мнения, но и невежества обнаруживать не хотел.

– Она не течет? – спросил капитан.

– Воды нет, – отвечал Хорнблауэр.

– А! – сказал капитан. – Но в льяле воды и не будет. Мы же рис везем, вы должны помнить.

– Да, – сказал Хорнблауэр.

В тот миг, когда до него дошел смысл сказанного, он с трудом смог сохранить невозмутимый вид. Рис впитывает каждую каплю воды, проникшую в корабль, так что обнаружить течь, замеряя уровень воды в льяле, невозможно – но каждая капля уменьшает плавучесть корабля.

– Один выстрел с вашего проклятого фрегата попал нам в корпус, – сказал капитан. – Вы, конечно, осмотрели повреждение?

– Конечно, – смело соврал Хорнблауэр.

Однако, как только ему удалось поговорить с Мэтьюзом, тот сразу нахмурился.

– Куда попало ядро, сэр? – спросил он.

– Куда-то с левой стороны, ближе к носу.

Они с Мэтьюзом свесили головы через борт.

– Ничего не видать, сэр, – сказал Мэтьюз, – спустите меня за борт на булине, может, я что увижу, сэр.

Хорнблауэр готов был уже согласиться, но передумал.

– Я сам спущусь за борт, – сказал он.

Ему некогда было разбираться, что его к этому побудило. Отчасти он хотел видеть собственными глазами, отчасти – твердо усвоил, что нельзя отдавать приказ, который не готов выполнить сам; но главное, он хотел наказать себя за преступное упущение. Мэтьюз и Карсон обвязали его булинем и спустили за борт. Хорнблауэр повис рядом с бортом над пенящимся морем. Корабль накренился, и море поднялось навстречу – он в одно мгновение промок до нитки. Когда корабль наклонялся, Хорнблауэра отбрасывало от борта и тут же с размаху швыряло о доски. Матросы, державшие линь, медленно двигались к корме, давая ему возможность внимательно осмотреть весь борт над ватерлинией. Пробоины нигде не было, о чем Хорнблауэр и сообщил Мэтьюзу, втащившему его на палубу.

– Видать, она под ватерлинией, сэр. – Мэтьюз сказал вслух то, о чем Хорнблауэр думал. – Вы уверены, что ядро попало, сэр?

– Да, уверен, – резко отвечал Хорнблауэр.

Волнение, недостаток сна и чувство вины до предела напрягли его нервы: он мог или говорить резко, или разрыдаться. Но он уже знал, что делать дальше, – решился еще тогда, когда его втаскивали на борт.

– Мы положим ее в дрейф на другой галс и попробуем снова, – сказал он.

На другом галсе судно накренилось на другую сторону, и пробоина, если она есть, будет не так глубоко под водой. Хорнблауэр стоял, ожидая, пока корабль развернется; с него ручьями текла вода. Ветер был холодный и резкий, но он дрожал не от холода, а от волнения. Крен корабля помог ему крепче уцепиться за борт. Матросы вытравливали веревку, пока его ноги не закрепились о наросшие на борт ракушки. Волоча его вдоль борта, матросы подошли к корме. Сразу за фок-мачтой Хорнблауэр обнаружил, что искал.

– Стой! – закричал он, пытаясь не выдать охватившее его отчаяние. – Ниже! Еще два фута.

Теперь он был по плечи в воде, и при наклоне корабля волны на секунду сомкнулись над его головой, как мгновенная смерть. Здесь, на два фута ниже ватерлинии (даже при этом галсе), она и была – рваная уродливая дыра, почти квадратная, шириной в фут. Хорнблауэру послышалось даже, что бушующее море с бульканьем втягивается в нее, хотя ему могло и почудиться.

Он закричал, чтобы поднимали. Мэтьюз с нетерпением ждал, что он расскажет.

– Два фута под ватерлинией? – переспросил Мэтьюз.

– Бриг шел круто к ветру и накренился вправо, когда мы в него попали. Все равно он, видать, как раз тогда и задрал нос. Вдобавок теперь он осел еще глубже.

Это было главное. Что бы они ни делали, как бы ни накренили судно, пробоина останется под водой. А на другом галсе она будет еще глубже, давление воды – еще больше, на теперешнем же галсе они идут к Франции. А чем больше они наберут воды, тем глубже осядет бриг, тем сильнее будет давление воды. Надо как-то залатать течь. Как это делается, Хорнблауэру подсказало изучение книг по мореходству.

– Нужно подвести под пробоину пластырь, – объявил он. – Зовите французов.

Чтобы сделать пластырь, из паруса, пропуская через него огромное количество полураспущенных веревок, изготавливают что-то вроде очень толстого ворсистого ковра. Затем парус опускают под днище корабля и подводят к пробоине. Ворсистая масса плотно втягивается в дыру, задерживая воду.

Французы не очень торопились помогать. Корабль был теперь не их, плыли они в английскую тюрьму, и даже смертельная опасность не могла их расшевелить. Потребовалось время, чтобы достать запасной брамсель (Хорнблауэр чувствовал: чем плотнее парусина, тем лучше) и заставить французов нарезать, расплести и размочалить веревки. Французский капитан стоя наблюдал, как они трудятся, сидя на корточках.

– Пять лет я провел на плавучей тюрьме в Портсмуте, – сказал он. – Во время прошлой войны.

Хорнблауэр мог бы и посочувствовать, однако думал о другом, да к тому же промерз до костей. Он не только намеревался вновь препроводить капитана в английскую тюрьму, но и в этот самый миг замыслил спуститься в капитанскую каюту и присвоить кое-что из его теплой одежды.

Внизу Хорнблауэру показалось, что звуки – скрипы и стоны – стали громче. Судно шло легко, почти дрейфовало, и все же переборки трещали и скрипели, как в шторм. Он отбросил эту мысль, сочтя ее плодом перевозбужденного воображения, однако к тому времени, как он вытерся, немного согрелся и облачился в лучший капитанский костюм, сомнений уже быть не могло: корабль стонал, как тяжелобольной.

Он поднялся на палубу посмотреть, как идет работа. Не прошло и нескольких секунд, как один из французов, потянувшись за новой веревкой, остановился и уставился на палубу. Он прикоснулся к палубному пазу, посмотрел вверх, поймал взгляд Хорнблауэра и подозвал его. Хорнблауэр не притворялся, будто понимает слова, – жест был достаточно красноречив. Паз немного разошелся, из него выпирала смола. Хорнблауэр наблюдал странное явление, ничего не понимая, – паз разошелся на протяжении не более двух футов, остальная палуба казалась достаточно прочной. Нет! Теперь, когда его внимание обратили, он увидел, что еще кое-где смола черными полосками выпирает между досками. Ни его маленький опыт, ни его обширное чтение объяснений не давали. Но французский капитан тоже во все глаза смотрел на палубу.

– Господи! – сказал он. – Рис! Рис!

Французского слова «рис» Хорнблауэр не знал, но капитан топнул ногой по палубе и указал на доски.

– Груз! – объяснил он. – Груз увеличивается в объеме.

Мэтьюз стоял рядом с ними и, не зная ни слова по-французски, сразу все понял.

– Я верно расслышал, что бриг полон риса, сэр? – спросил он.

– Да.

– Тогда это он. В него попала вода, вот он и пухнет.

Так оно и было. Рис, впитывая воду, способен увеличить объем в два и даже в три раза. Груз разбухал и раздвигал корабельные швы. Хорнблауэр вспомнил неестественные скрипы и стоны. Это было ужасно – он оглянулся на зловещее море в поисках вдохновения и поддержки

и не нашел ни того ни другого. Несколько секунд прошло, прежде чем он смог говорить, сохраняя достоинство, приличествующее флотскому офицеру в минуту опасности.

– Чем скорее мы подведем парус под пробоину, тем лучше, – сказал Хорнблауэр. Трудно было ждать, что голос его прозвучит вполне естественно. – Поторопите французов.

Он повернулся и зашагал по палубе, чтобы успокоиться и дать мыслям прийти в порядок, но француз следовал за ним по пятам, болтливый, как советчики Иова.

– Я говорил, мне кажется, что судно идет тяжело, – произнес он. – Оно глубже осело.

– Идите к черту, – сказал Хорнблауэр по-английски. Он не мог вспомнить французского эквивалента.

Тут же он почувствовал под ногами сильный толчок, словно по палубе снизу ударили молотом. Корабль разваливался на куски.

– Поторопитесь с парусом! – заорал он на работающих и тут же рассердился на себя – его тон явно выдавал недостойное волнение.

Наконец было прошито пять квадратных футов паруса. Через кренгельсы пропустили веревки и парус потащили на нос, чтобы опустить под бриг и подвести к пробоине. Хорнблауэр снял одежду, не из заботы о чужой собственности, а из желания сохранить ее сухой.

– Я спущусь и посмотрю на месте, – сказал он. – Мэтьюз, приготовьте булинь.

Голому и мокрому, Хорнблауэру казалось, будто ветер пронизывает его насквозь; борт корабля, о который он ударялся при качке, сдирал кожу; волны, проходящие под кораблем, били его с неистовым безразличием. Но он проследил, чтобы прошитый парус подошел куда нужно, и с удовлетворением наблюдал, как ворсистая масса встала на место, засосалась в пробоину и глубоко втянулась. Он мог не сомневаться, что течь запечатана крепко. Он крикнул. Матросы вытащили его наверх и теперь ждали дальнейших приказов. Хорнблауэр стоял голый, одурев от холода, усталости и недосыпа, и заставлял себя принять следующее решение.

– Положите ее на правый галс, – сказал он наконец.

Если бриг затонет, не важно, произойдет это в ста или в двухстах милях от Франции; если нет, он хотел находиться подальше от подветренного берега и неприятеля. Правда, пробоина будет глубже под водой, а значит, и давление выше, но все равно так лучше. Французский капитан, видя приготовления к повороту, шумно запротестовал. При таком ветре другим галсом они легко доберутся до Бордо. Хорнблауэр, дескать, рискует их жизнью. В затуманенном мозгу Хорнблауэра, помимо его воли, созрел перевод чего-то, что он хотел сказать раньше. Теперь он смог это высказать.

– *Allez au diable*⁷, – произнес он, натягивая плотную шерстяную рубашку француза.

Когда он просунул голову в воротник, капитан продолжал возмущаться, да так громко, что у Хорнблауэра возникли новые опасения. Он отправил Мэтьюза к пленным, проверить, нет ли у них оружия. При обыске не обнаружилось ничего, кроме матросских ножей, но Хорнблауэр из предосторожности велел конфисковать и их. Одевшись, он занялся своими тремя пистолетами, перезарядил их и заново заправил порохом. С тремя пистолетами за поясом вид у него был пиратский, словно он еще не вышел из возраста детских игр. Однако Хорнблауэр чувствовал, что может прийти время, когда французы попытаются восстать, а три пистолета – не так уж много против двенадцати отчаявшихся людей, у которых под руками куча тяжелых предметов, вроде кофель-нагелей и тому подобного.

Мэтьюз ждал его с озабоченным видом.

– Сэр, – сказал он, – прошу прощения, но она мне не нравится. Она оседает и открывается, я точно уверен. Вы уж простите, сэр, что я так говорю.

Внизу Хорнблауэр слышал, что доски корабля все так же трещат и жалуются: швы на палубе расходились все шире. Напрашивалось простое объяснение: рис, разбухая, раздвинул

⁷ Идите к черту (фр.).

корабельные швы под водой, так что пластырь устранил лишь малую течь. Вода продолжает поступать, груз пухнет, корабль раскрывается, как облетающий цветок. Корабли строятся, чтобы выдерживать удары извне, ничто в их конструкции не рассчитано на сопротивление внутреннему давлению. Швы будут расходиться все шире и шире, а вода проникать все дальше и дальше в груз.

– Смотрите сюда, сэр, – неожиданно сказал Мэтьюз.

В ярком дневном свете маленькая серая тень заскользила вдоль шпигата, потом еще и еще. Крысы! Что-то страшное творилось внизу, раз они вылезли средь бела дня, бросив уютные гнезда в обильной пище – грузе. Давление, наверное, огромное. Хорнблауэр почувствовал новый толчок под ногами – еще что-то разошлось. У него оставалась одна, последняя, карта.

– Я выброшу за борт груз, – сказал Хорнблауэр. Никогда в жизни не произносил он таких слов, только читал. – Приведите пленных и приступайте.

Задраенный люк заметно выгнулся наружу, клинья вышибло, одна планка с треском от тела и встала торчком.

Когда французы подняли крышку, из люка полезло что-то коричневое: внутреннее давление выталкивало мешок с рисом.

– Цепляйте тали и тащите наверх, – сказал Хорнблауэр.

Мешок за мешком поднимался из трюма, иные рвались, обрушивая на палубу водопад риса, но это было не важно. Другие матросы тащили мешки к левому борту и сбрасывали в вечно голодное море. После трех первых мешков стало труднее: груз спрессовался намертво. Двоим пришлось спуститься, чтобы освобождать мешки с помощью рычага и поправлять канаты. Два француза, на которых указал Хорнблауэр, заколебались – мешки могли быть не все плотно прижаты друг к другу, а трюм качающегося корабля, где груз может обрушиться и похоронить заживо, место весьма опасное, – но Хорнблауэру было сейчас не до чьих-то страхов. Он только нахмурил брови, и французы поспешно спустились в люк. Час за часом шла титаническая работа, матросы за талями обливались потом и изнемогали от усталости, и тем не менее они должны были время от времени сменять тех, кто внизу. Мешки спрессовались слоями, вжались в днище и в палубу сверху, так что, разобрав их непосредственно под люком, пришлось растаскивать каждый пласт в отдельности. Когда под люком расчистили небольшое пространство и забрались глубже в трюм, то сделали неизбежное открытие: нижние ярусы мешков намокли, их содержимое разбухло и мешковина лопнула. Вся нижняя часть трюма была забита мокрым рисом, извлечь который можно было лишь совковыми лопатами и подъемниками. Мешки верхних ярусов дальше от люка были плотно прижаты к палубе: чтобы выворотить их и подтащить к люку, требовались неимоверные усилия.

Хорнблауэр глубоко погрузился в эту проблему, но его отвлек, тронув за локоть, Мэтьюз.

– Не пойдет так, сэр, – сказал Мэтьюз, – осадка быстро увеличивается.

Хорнблауэр подошел к борту и поглядел вниз. Сомнений быть не могло. Он сам осматривал корпус снаружи и прекрасно помнил расстояние до ватерлинии, еще более точную отметку давал подведенный под корабельное днище прошитый парус. Бриг осел на целых шесть дюймов – и это после того, как они выбросили за борт не менее пятидесяти тонн риса. Бриг течет, как корзина: вода, проникая в разошедшиеся швы, жадно впитывается рисом.

Хорнблауэр почувствовал боль в левой руке и, посмотрев вниз, обнаружил, что, сам того не замечая, до боли сжал ограждение. Он отпустил руку и поглядел вокруг, на садящееся солнце и мерно вздымающееся море. Он не хотел сдаваться, не хотел признавать поражение. Французский капитан подошел к нему.

– Сумасшествие, – сказал он. – Безумие. Мои люди падают от усталости.

Хорнблауэр видел, как над люком Хантер линьком понукает французов, – линек так и мелькал. Эти французы много не наработают. Тут «Мари Галант» тяжело поднялась на волне и перевалилась на другой бок. Даже Хорнблауэр, при всей своей неопытности, видел непово-

ротливость и зловещую медлительность ее движений. Бригу не долго оставаться на плаву, а сделать надо так много.

– Я начну приготовления к тому, чтобы покинуть судно. – Говоря, он выпятил подбородок: пусть ни французы, ни матросы не догадываются о его отчаянии.

– Есть, сэр, – сказал Мэтьюз.

Шлюпка на «Мари Галант» была закреплена на ростр-блоках позади грот-мачты. По команде Мэтьюза матросы бросили поднимать груз и поспешно принялись укладывать в лодку пищу и воду.

– Прошу прощения, сэр, – произнес Хантер рядом с Хорнблауэром, – но вам надо найти себе теплую одежду, сэр. Я как-то провел десять дней в открытой лодке, сэр.

– Спасибо, Хантер, – сказал Хорнблауэр.

Позаботиться надо было о многом. Навигационные приборы, карты, компас – а сможет ли он пользоваться секстаном в качающейся шлюпке?

Элементарная предусмотрительность требовала, чтобы они взяли столько пищи и воды, сколько выдержит шлюпка, но – Хорнблауэр с опаской озирает несчастное суденышко – семнадцать человек все равно ее перегрузят. Тут придется положиться на французского капитана и на Мэтьюза.

Моряки встали к талям, сняли шлюпку с ростр-блоков и спустили на воду с подветренного борта. «Мари Галант» зарылась носом в волну, не желая на нее взбираться: зеленая вода накатилась на нос и побежала по палубе к корме, пока корабль не наклонился лениво и она не стекла в шпигаты. На счету была каждая минута – душераздирающий треск снизу говорил, что груз по-прежнему разбухает и давит на переборки. Среди французов началась паника, они с громкими криками бросились в шлюпку. Французский капитан взглянул на Хорнблауэра и последовал за ними; два британских моряка уже были внизу, удерживая лодку.

– Вперед, – сказал Хорнблауэр ожидавшим его Мэтьюзу и Карсону. Он – капитан, его долг – последним оставлять корабль.

Бриг погрузился уже так глубоко, что не составило никакого труда шагнуть в лодку с палубы; британские моряки на корме подвинулись, освобождая Хорнблауэру место.

– Берите румпель, Мэтьюз, – сказал Хорнблауэр. Он сомневался, что сможет управлять перегруженной лодкой. – Отваливай!

Лодка и бриг разошлись; «Мари Галант» с закрепленным штурвалом встала носом по ветру и на секунду замерла. Потом резко накренилась, едва не черпнув воду шпигатом правого борта. Следующая волна прокатилась по палубе, заливая открытый люк. Потом судно выпрямилось – палуба почти вровень с морем – и ровно-ровно погрузилось под воду. Волны сомкнулись над ним, медленно исчезли мачты. Еще несколько мгновений паруса виднелись сквозь зеленую воду.

– Затонула, – сказал Мэтьюз.

Хорнблауэр смотрел, как тонет его первое судно. Ему доверили «Мари Галант», поручили отвести ее в порт, а он не справился, не справился со своим первым самостоятельным заданием. Он пристально смотрел на заходящее солнце, надеясь, что никто не заметит его слез.

Глава третья

Расплата за ошибку

Заря занималась над беспокойными водами Бискайского залива, освещая маленькую шлюпку на его бескрайних просторах. Шлюпка была набита битком: на носу сгрудилась команда затонувшего брига «Мари Галант», в середине сидели капитан и его помощник, на корме – мичман Горацио Хорнблауэр и четверо английских моряков, составлявшие некогда призовую команду брига. Хорнблауэр мучился морской болезнью – его нежный желудок кое-как привык к движениям «Неустанного», но не вынес фокусов маленькой, резво плясавшей на волнах шлюпки. Кроме того, он замерз и бесконечно устал после второй бессонной ночи – его рвало до самого утра, – и в подавленном состоянии, вызванном морской болезнью, мысли вновь и вновь возвращались к гибели «Мари Галант». Если б только он раньше догадался заделывать пробоину! Любые оправдания отменялись с порога. Да, матросов было так мало, а дел так много: стеречь французскую команду, устранять повреждение такелажа, прокладывать курс. Да, то что «Мари Галант» везла рис, способный впитывать влагу, сбило его с толку, когда он вспомнил-таки замерить высоту воды в льяле. Да, все так, но факт остается фактом: он потерял судно, свое первое судно. В собственных глазах он оправдаться не мог.

Французы проснулись на заре и теперь болтали, как стая сорок. Мэтьюз и Карсон рядом с Хорнблауэром зашевелились, разминая затекшие ноги.

– Завтрак, сэр? – спросил Мэтьюз.

Все это напоминало игры, в которые одинокий мальчик Горацио Хорнблауэр играл в детстве. Он садился в пустое корыто и воображал себя потерпевшим кораблекрушение. Тогда он делил раздобытый на кухне кусок хлеба или какую-нибудь другую еду на двенадцать частей и тщательно их пересчитывал. Каждой порции должно было хватить на день, но из-за здорового мальчишеского аппетита дни получались очень короткими, минут по пять каждый, – достаточно было постоять в корыте, посмотреть из-под руки, не идет ли помощь, потом, не обнаружив ее, сесть обратно, посетовать на тяжелую жизнь потерпевшего кораблекрушение и решить, что прошла еще одна ночь и пора съесть кусочек быстро тающего запаса. Так и сейчас под наблюдением Хорнблауэра французский капитан и его помощник раздали всем по жесткому сухарю, потом каждому по очереди налили кружку воды из небольшого бочонка под банкой. Но, сидя в корыте, маленький Хорнблауэр при всем своем живом воображении даже не подозревал ни о мучительной морской болезни, ни о холоде, ни о тесноте. Не знал, как больно без движения сидеть тощим задом на жестких досках кормовой банки; никогда в своей детской самоуверенности не думал, как тяжело лежит бремя ответственности на плечах старшего морского офицера в возрасте семнадцати лет.

Хорнблауэр потрянул с себя воспоминания недавнего детства, чтобы заняться более насущными проблемами. Серое небо, насколько мог судить его неопытный глаз, не предвещало перемены погоды. Он послунывил и поднял палец, глядя на компас, чтобы определить направление ветра.

– Ветер отходит чуток позападнее, сэр, – сказал Мэтьюз, повторявший его движения.

– Именно, – согласился Хорнблауэр, поспешно вспоминая недавние уроки обращения с компасом.

Курс, чтобы пройти Уэссан на ветре, был норд-ост-тень-норд, это он помнил. Как бы круто они ни положили шлюпку, круче чем восемь румбов к ветру она не пойдет. Всю ночь они дрейфовали на плавучем якоре, потому что слишком северный ветер не позволял взять курс на Англию. Восемь румбов от норд-ост-тень-норд будет норд-вест-тень-вест, а сейчас ветер был даже чуть западнее. В крутой бейдевинд они пройдут Уэссан на ветре, даже с некоторым

запасом на случай непредвиденных обстоятельств, держась подальше от подветренного берега, как и подсказывали Хорнблауэру книги по навигации и собственный здравый смысл.

– Мы поставим парус, Мэтьюз, – сказал Хорнблауэр.

Рука его по-прежнему сжимала сухарь, который отказывался принимать непокорный желудок.

– Есть, сэр.

Хорнблауэр окликнул французов, сгрудившихся на носу. Им и без его ломаного французского было ясно, что надо поднимать плавучий якорь, но в тесной, перегруженной шлюпке это не так просто. Мачта была уже установлена, и люгерный парус готов к подъему. Два француза, осторожно балансируя, выбрали фал, и парус поднялся на мачту.

– Хантер, берите шкот, – скомандовал Хорнблауэр. – Мэтьюз, к румпелю. Положите шлюпку в крутой бейдевинд на левый галс.

– Есть в крутой бейдевинд на левый галс, сэр.

Французский капитан со своего места на середине судна внимательно наблюдал за происходящим. Он не понял последнего, решающего приказа, но смысл дошел до него достаточно быстро, когда шлюпка развернулась и установилась на левом галсе, направляясь в сторону Англии. Он вскочил, громко протестуя.

– Ветер в сторону Бордо, – произнес он, размахивая руками. – Мы добрались бы туда завтра же. Почему мы идем на север?

– Мы идем в Англию, – сказал Хорнблауэр.

– Но... но мы будем добираться неделю! Неделю, если ветер останется попутным. Шлюпка... она слишком перегружена. Мы не выдержим шторма. Вы сошли с ума.

Хорнблауэр знал, что капитан скажет, уже когда тот вскочил, и потому не трудился вникать в его доводы. Он слишком устал и слишком страдал от морской болезни, чтобы вступать в споры на чужом языке. Он попросту не обращал на капитана внимания. Ни за что на свете он не повернет шлюпку к Франции. Его морская карьера только началась, и пускай она подпорчена уже гибелью «Мари Галант», Хорнблауэр не собирался долгие годы гнить во французской тюрьме.

– Сэр! – сказал капитан.

Помощник присоединился к его протестам, потом они обернулись к команде и объяснили, что происходит. Матросы сердито зашевелились.

– Сэр! – начал капитан снова. – Я требую взять курс на Бордо.

Он двинулся было в сторону Хорнблауэра, кто-то из французов начал вытаскивать отпорный крюк – оружие, достаточно опасное. Хорнблауэр вынул из-за пояса пистолет и направил на капитана. Тот, увидев дуло в четырех футах от своей груди, отпрянул назад. Хорнблауэр левой рукой вытащил второй пистолет.

– Возьмите, Мэтьюз, – сказал он.

– Есть, сэр, – послушно отвечал Мэтьюз, затем, выдержав почтительную паузу, добавил: – Прошу прощения, сэр, может, вам стоит взвести курок?

– Да, – отвечал Хорнблауэр в отчаянии от своей забывчивости.

Он со щелчком взвел курок. Угрожающий звук заставил капитана еще острее ощутить опасность: в качающейся шлюпке взведенный и заряженный пистолет смотрел ему в живот. Он в отчаянии замахал руками.

– Пожалуйста, – взмолился он, – направьте пистолет в другую сторону.

– Эй, ты, отставь! – громко закричал Мэтьюз: французский моряк пытался незаметно отдать фал.

– Стреляйте в каждого, кто покажется вам опасным, Мэтьюз, – сказал Хорнблауэр.

Он так стремился принудить их к повиновению, так отчаянно хотел сохранить свободу, что лицо его исказил звериный оскал. Никто, глядя на этого молодого офицера, не усомнился

бы в его решимости. Он не остановится ни перед чем. Третий пистолет оставался у Хорнблауэра за поясом, и французы понимали, что при попытке мятежа не меньше четверти их погибнет прежде, чем удастся одолеть англичан, и капитан знал, что погибнет первым. Выразительно размахивая руками – он не мог отвести глаз от пистолета, – капитан велел своим людям прекратить сопротивление. Ропот стих, и француз стал молить.

– Пять лет я провел в английской тюрьме во время прошлой войны, – говорил он. – Давайте договоримся. Поплывем во Францию. Когда мы доберемся до берега – где вы захотите, сэр, – мы высадимся, а вы сможете продолжать путь. Или высадимся все вместе, а я употреблю все мое влияние, чтобы вас и ваших людей отправили в Англию по картели, без обмена или выкупа. Клянусь.

– Нет, – сказал Хорнблауэр.

До Англии проще добраться отсюда, чем от Бискайского побережья Франции, что же до остального, Хорнблауэр достаточно слышал о новом французском правительстве, вынесенном революцией на вершину власти, чтобы не сомневаться: они не отпустят пленных по ходатайству капитана торгового судна. А опытных моряков во Франции мало, его задача – не дать этим двенадцати вернуться.

– Нет, – повторил он в ответ на очередные уговоры капитана.

– Может, двинуть ему в челюсть, сэр? – спросил Хантер.

– Нет, – снова сказал Хорнблауэр, но французский капитан видел жест и догадался о его смысле.

Капитан смолк и угрюмо опустил голову, однако тут же поднял ее при виде взведенного пистолета, по-прежнему лежавшего у Хорнблауэра на колене. Дуло все так же смотрело капитану в живот. Во сне палец может нажать на спуск.

– Сэр, – сказал он, – умоляю вас, уберите пистолет. Это опасно.

Взгляд Хорнблауэра был холоден и безучастен.

– Уберите, прошу вас. Я не буду мешать вам командовать шлюпкой. Я обещаю.

– Вы клянетесь?

– Да, клянусь.

– А они?

Капитан с жаркими объяснениями повернулся к своей команде. Те нехотя согласились.

– Они тоже клянутся.

– Очень хорошо.

Хорнблауэр начал убирать пистолет за пояс и едва вспомнил поставить его на предохранитель, как раз вовремя, чтобы не прострелить себе живот. Все погрузилось в апатию. Шлюпка ритмично вздымалась и опускалась, что было куда приятнее, чем резкие толчки на плавучем якоре. Желудок Хорнблауэра постепенно успокоился. Юноша две ночи не спал. Голова его клонилась на грудь, потом он постепенно привалился к Хантеру и мирно уснул, а шлюпка, подгоняемая свежим ветром, держала прямой курс на Англию.

Проснулся он в конце дня, когда одеревенелый от усталости Мэтьюз вынужден был уступить руль Карсону. Потом они по очереди несли вахту, один у шкота, другой у руля, в то время как двое других пытались немного отдохнуть. Хорнблауэр нес свою вахту у шкота, за румпель не брался, особенно ночью, – он знал, что у него не хватит сноровки управлять шлюпкой, руководствуясь лишь ощущением ветра на щеке и румпеля в руках.

Только после завтрака на следующий день – уже почти в полдень – они заметили парус. Первым увидел его один из французов, его возбужденный крик поднял остальных. Три прямых паруса возникли на горизонте с наветренной стороны и начали быстро приближаться, так что всякий раз, как шлюпка поднималась на волне, было видно все больше парусов.

– Что о нем думаете, Мэтьюз? – спросил Хорнблауэр.

Вся лодка гудела от оживленного французского говора.

– Точно не скажу, сэр, но что-то он мне не нравится, – с сомнением произнес Мэтьюз. – При таком бризе у него должны стоять брамсели, да и нижние прямые паруса тоже, а их нет. Да и форма его кливера мне не нравится, сэр. Как бы он не оказался французом, сэр.

Мирное судно, конечно, должно нести все возможные паруса. Это их не несло. Значит, оно преследует какие-то воинственные цели. Однако и в таком случае больше шансов, что оно английское, чем французское, даже здесь, в Бискайском заливе. Хорнблауэр пристально вглядывался: небольшое суденышко, хотя и с полным парусным вооружением, с гладкой верхней палубой, на вид быстроходное. Теперь временами был виден и корпус с одним рядом пушечных портов.

– Как пить дать, француз, сэр, – сказал Хантер. – Капер, наверное.

– К повороту через фордевинд! – скомандовал Хорнблауэр.

Они развернулись и взяли курс прямо от корабля. Но на войне, как в джунглях, бежать – значит спровоцировать погоню и нападение. Корабль поднял нижние прямые паруса и брамсели, обогнал шлюпку на полкабельтова и лег в дрейф, отрезав им путь к отступлению. Возле леера столпились любопытные – большая команда для такого маленького судна.

Шлюпку окрикнули, и слова были французскими. Английские моряки разразились проклятиями, французский капитан радостно вскочил и отвечал, а французская команда подвела шлюпку к судну.

Красивый молодой человек в лиловом сюртуке с галуном приветствовал Хорнблауэра, когда тот ступил на борт.

– Добро пожаловать, сударь, на борт «Пики», – сказал он по-французски. – Я – Невиль, капитан этого капера. А вы?

– Его британского величества фрегата «Неустанный» мичман Хорнблауэр, – был ответ.

– Мне кажется, вы не в духе, – сказал Невиль. – Умоляю вас, не принимайте так близко к сердцу превратности войны. Вы можете располагаться на судне, до прибытия в порт, со всеми возможными удобствами. Прошу вас, чувствуйте себя как дома. Вот, к слову, эти пистолеты за поясом. Они, наверное, вам изрядно мешают. Позвольте мне избавить вас от лишней тяжести.

С этими словами он аккуратно извлек пистолеты у Хорнблауэра из-за пояса, еще раз пристально оглядел его и продолжал:

– Ваш кортик, сударь. Будьте так любезны, одолжите его мне. Уверяю вас, при расставании я его верну. А пока вы здесь, на борту, боюсь, как бы обладание оружием, которое осторожность советует счесть смертельным, не толкнуло вас в юношеской горячности на какое-нибудь безрассудство. Тысяча благодарностей. Теперь, если позволите, я покажу приготовленное для вас помещение.

Отвесив церемонный поклон, он повел Хорнблауэра вниз. Под двумя палубами – вероятно, фута на два ниже ватерлинии – располагался большой пустой твиндек, полутемный и едва проветриваемый люками.

– Наша невольничья палуба, – небрежно пояснил Невиль.

– Невольничья? – переспросил Хорнблауэр.

– Да. Здесь во время плавания находились рабы.

Хорнблауэру все сразу стало ясно. Невольничье судно можно легко и быстро превратить в каперское. Оно несет достаточно пушек, чтобы отразить любую атаку во время рейдов по африканским рекам, оно быстроходнее обычного торгового судна и потому, что не нуждается в большом трюме, и потому, что скорость крайне желательна при перевозке такого скоропортящегося груза, как рабы. Оно вмещает большую команду, а также много провизии и воды, необходимых для долгого плавания в поисках призов.

– Из-за последних событий, о которых вы, сударь, вероятно, наслышаны, наш рынок в Сан-Доминго для нас закрыт⁸, – продолжал Невиль, – и для того, чтобы «Пика» продолжала оправдывать вложенные в нее средства, мне пришлось сделать из нее капер. К тому же ввиду деятельности Комитета общественного спасения Париж сейчас куда более нездоровое место, чем даже западное побережье Африки, и я решил сам возглавить экспедицию. Тем паче что для того, чтобы вложенные в каперское дело средства приносили доход, требуются целеустремленность и твердость.

Лицо Невилья на мгновение приобрело выражение суровой решимости, но тут же смягчилось, изобразив все ту же ничего не значащую любезность.

– Дверь в той переборке, – сказал Невиль, – ведет в помещение, отведенное мной для пленных офицеров. Здесь, как видите, ваша койка. Прошу вас располагаться как дома. Если корабль вступит в бой, что, надеюсь, будет случаться часто, люки наверху задраят. В остальное время можете перемещаться вполне свободно. Все же считаю нужным добавить, что любая безрассудная попытка со стороны пленных помешать работе или благосостоянию корабля вызовет глубокое неудовольствие команды. Они, понимаете ли, служат за долю в прибыли, рискуя при этом жизнью и свободой. Поэтому не удивлюсь, если всякого, кто неосторожно подвергнет опасности их свободу и дивиденды, попросту выкинут за борт.

Хорнблауэр заставил себя ответить – нельзя было показать, что от расчетливой жестокости последних слов он едва не потерял дар речи.

– Я понял.

– Замечательно. Могу ли я еще чем-нибудь быть полезен?

Хорнблауэр обвел взглядом пустое помещение, освещенное тусклым светом качающейся масляной лампы, – здесь ему предстояло томиться в одиночном заключении.

– Могу я попросить что-нибудь почитать? – спросил он.

Невиль на минуту задумался:

– Боюсь, тут есть только специальная литература. Могу дать вам «Принципы навигации» Гранжана, «Руководство по морскому делу» Лебрена и еще что-нибудь в том же роде, если вы полагаете, что сможете разобрать тот французский, на котором они написаны.

– Я попытаюсь, – сказал Хорнблауэр.

Наверное, было к лучшему, что он получил такую трудную пищу для ума. Усилие, требовавшееся для того, чтобы одновременно читать по-французски и осваивать морское дело, занимало его мысли в те кошмарные дни, когда «Пика» рыскала по морю в поисках добычи. Большую часть времени французы попросту не замечали Хорнблауэра – ему пришлось добиваться встречи с Невилем, чтобы заявить протест по поводу использования четырех британских моряков на тяжелой работе у помпы. Из спора, если это вообще можно было назвать спором, он вышел проигравшим: Невиль холодно отказался обсуждать эту тему. Хорнблауэр вернулся к себе с горящими щеками и красными ушами; как всегда, после моральной встряски сознание своей вины вернулось к нему с новой силой.

Если бы он раньше заделал эту пробоину! Более сообразительный офицер так бы и поступил. Он потерял корабль, драгоценный приз «Неустанного», и оправдания ему нет. Иногда Хорнблауэр заставлял себя взглянуть на дело спокойно. Профессионально он, возможно – да почти наверняка, – не будет наказан за свое упущение. Мичмана с призовой командой из четырех матросов на борту двухсоттонного брига, подвергшегося артиллерийскому обстрелу фрегата, не будут серьезно винить за то, что бриг с ним затонул. Но в то же время Хорнблауэр знал, что виноват, пусть даже отчасти. Если это невежество – нет оправданий невежеству. Если

⁸ Революционный Конвент запретил работорговлю. Однако решающую роль сыграл не этот, не поддержанный властями на местах запрет, а британская блокада французских колоний. Тогда многие французские работорговцы стали пиратами или каперами.

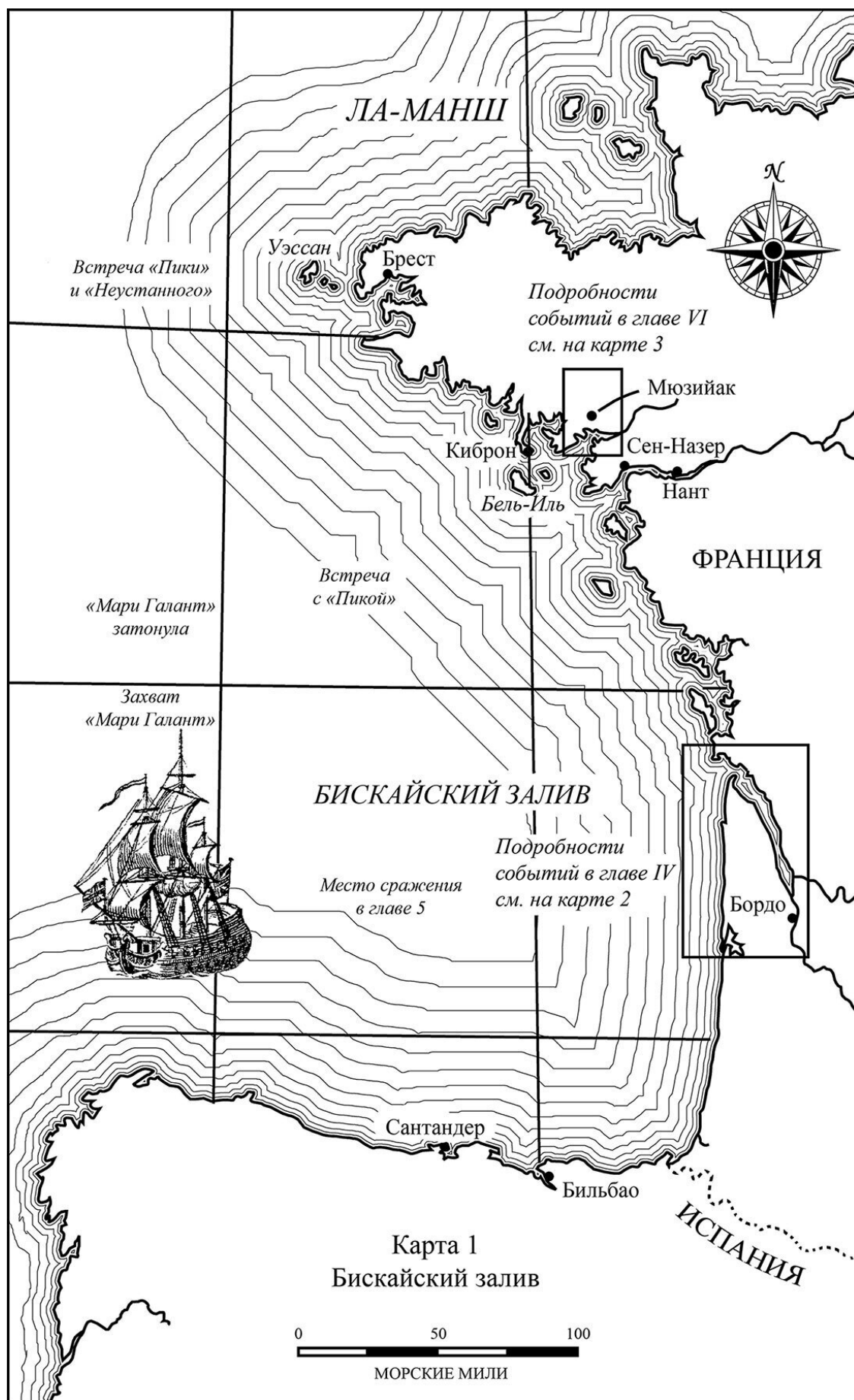
он за другими многочисленными заботами не вспомнил о пробоине, это некомпетентность, и нет оправдания некомпетентности. Он вновь и вновь перебирал события того дня, погружаясь в пучину отчаяния и презрения к себе, и некому было его утешить. Хуже всего был день его рождения, день, когда ему исполнилось восемнадцать. Восемнадцать лет, и он бесславный пленник в руках французского капера! Его самоуважение упало до самой низкой отметки.

«Пика» разыскивала добычу у входа в Ла-Манш, и трудно найти более яркое свидетельство необъятности морских просторов, чем то, что даже здесь, на пересечении самых оживленных морских путей, они день за днем не встречали ни единого паруса. «Пика» двигалась по сторонам треугольника, сначала на северо-запад, потом на юг, потом под малыми парусами на северо-восток. На каждом салинге стояло по впередсмотрящему, но они не видели ничего, кроме волн до самого горизонта. Так продолжалось до того утра, когда пронзительный крик с фор-брам-стенги-салинга привлек внимание всех на палубе, в том числе и Хорнблауэра, одиноко стоявшего на шкафуте. Невиль от штурвала задал вопрос впередсмотрящему, и Хорнблауэр благодаря своим недавним штудиям смог перевести ответ. С наветренной стороны появился парус; через минуту впередсмотрящий сообщил, что корабль изменил курс и движется к ним.

Это кое-что означало. В военное время купеческое судно предпочитает держаться подальше от незнакомцев, особенно если оно с наветренной стороны, то есть в большей безопасности. Капитан, решивший оставить столь выгодную позицию, либо готов драться, либо страдает поистине смертельным любопытством. Отчаянная надежда овладела Хорнблауэром: военный корабль – благодаря морскому господству Англии – гораздо скорее окажется английским, чем французским. А как раз в этих местах курсирует «Неустанный», отслеживая французских каперов и торговые суда, замыслившие прорвать блокаду. В сотнях миль отсюда их высадили на борт «Мари Галант». Тысяча против одного, отчаянно убеждал себя Хорнблауэр, что увиденный корабль – не его «Неустанный». Однако – не сдавалась надежда – то, что корабль изменил курс, уменьшает соотношение до десяти к одному. Меньше чем до десяти к одному.

Он поглядел на Невилля, пытаясь проникнуть в мысли француза. «Пика» быстроходна и маневренна, путь к отступлению по ветру свободен. То, что корабль повернул к ним, подозрительно, однако известны случаи, когда вест-индийцы – самые богатые призы, – пользуясь своим сходством с линейными кораблями, проявляли смелость и отпугивали опасного врага. Для человека, мечтающего заполучить приз, искушение было большое. По приказу Невилля подняли все паруса, готовясь к бегству или нападению, и «Пика» в крутой бейдевинд двинулась к незнакомому кораблю. Прошло совсем немного времени, и, когда «Пика» поднялась на волне, Хорнблауэр с палубы различил далеко на горизонте маленькое белое пятнышко, не больше рисового зерна. К нему подбежал Мэтьюз, красный и разгоряченный:

– Старина «Неустанный», сэр. Ей-богу! – Он вскочил на леер, уцепился за ванты и стал пристально вглядываться из-под руки. – Да! Он самый, сэр! Они ставят бом-брамсели. Мы будем на борту к вечернему грогу!

Тут же подбежал французский старшина и за штаны стащил Мэтьюза с его наблюдательного пункта, потом пинками и ударами отправил обратно на бак. Через минуту Невиль уже командовал повернуть корабль через фордевинд и брать курс прямо от «Неустанного». Потом он позвонил к себе Хорнблауэра:

– Ваш бывший корабль, если я не ошибаюсь?

– Да.

– Какова его максимальная скорость?

Хорнблауэр поглядел Невилью в глаза.

– Не стройте из себя героя, – произнес Невиль, улыбаясь тонкими губами. – Несомненно, я могу вынудить вас сообщить мне все, что пожелаю. Я знаю способы. Но, к счастью для вас, мне это не понадобится. Ни один корабль на свете – а тем более неуклюжий фрегат его британского величества – не догонит «Пику», идущую с полным ветром. Вы в этом скоро убедитесь.

Он зашагал к гакаборт, встал и принялся внимательно глядеть в подзорную трубу. Так же внимательно всматривался Хорнблауэр невооруженным глазом.

– Видите? – спросил Невиль, протягивая трубу.

Хорнблауэр взял ее, не столько чтобы подтвердить свои наблюдения, сколько желая поближе взглянуть на родной корабль. Он тосковал по дому, отчаянно тосковал по «Неустанному». Нельзя было отрицать, однако, что тот быстро отставал. Его брамсели уже исчезли из виду, оставались только бом-брамсели.

– Через два часа мы оторвемся окончательно, – сказал Невиль, отбирая трубу и с резким стуком ее складывая.

Он оставил Хорнблауэра, в тоске стоявшего у гакаборта, и гневно обрушился на рулевого – тот вел корабль недостаточно ровно. Хорнблауэр слушал ругательства, не вслушиваясь; ветер бил ему в лицо, раздувая волосы; внизу пенился след корабля. Так Адам мог смотреть на затворенные райские врата. Хорнблауэр вспомнил темную духоту мичманской каюты, запахи и потрескивание, холодные ночи, пробуждение по команде «Свистать всех наверх!», хлеб с жучками и деревянную говядину; он жаждал их с безнадежной тоской неосуществимого желания. Свобода исчезала за горизонтом. Однако не эти личные чувства побудили его действовать. Быть может, они обострили его ум, но подвигло его чувство долга.

Невольничья палуба была пуста; как обычно, все матросы находились на боевых постах. За переборкой стояла его койка, на ней лежали книги, сверху раскачивалась масляная лампа. Ничто не вдохновляло его. В следующей переборке располагалась еще одна запертая дверь. Она вела во что-то вроде боцманской кладовой, дважды Хорнблауэр видел ее открытой, когда оттуда выносили краску и что-то еще в таком роде. Краска! Это навело его на мысль: он перевел взгляд с запертой двери на масляную лампу, потом обратно, шагнул вперед, вынимая из кармана складной нож, но тут же отступил назад, ругая себя. Дверь не была обшита, но состояла из двух прочных древесных плит и двух толстых поперечных брусев. Замочная скважина тоже ничего не давала. Уйдет много часов, пока он одолеет эту дверь перочинным ножом, а на счету каждая минута.

Сердце лихорадочно билось, но еще лихорадочней работал мозг. Хорнблауэр снова огляделся. Дотянулся до лампы и качнул ее – почти полная. Какую-то секунду он медлил, собираясь с духом, потом быстро принялся за дело. Безжалостной рукой он вырвал страницы из «*Principes de navigation*»⁹ Гранжана, скомкал их, получившиеся комочки сложил у двери. Сбросив сюртук, стянул через голову синюю шерстяную фуфайку, длинными сильными пальцами разорвал ее вдоль и стал выдергивать нитки, пытаясь распустить. Вытащив несколько ниток, он решил не терять больше времени, бросил фуфайку на бумагу и снова огляделся вокруг. Матрас на койке! Господи, он же набит соломой! Разрезав ножом материю, Хорнблауэр при-

⁹ «Принципы навигации» (фр.).

нялся охапками вытаскивать содержимое. Солома слежалась в плотный ком, но он растряс ее так, что получилась куча почти по грудь. Это даст такой огонь, какой ему надо. Хорнблауэр остановился, заставляя себя мыслить ясно и логично, – именно горячность и непродуманность погубили «Мари Галант», а теперь он тратил время на эту фуфайку. Хорнблауэр продумал всю последовательность действий. Из страницы «*Manuel de Matelotage*»¹⁰ он сделал длинный бумажный жгут и зажег от лампы. Потом вылил жир – лампа была горячая, и жир совсем расплавился – на комки бумаги, на палубу, на основание двери. Прикосновение жгута воспламенило бумажный комок, огонь быстро побежал дальше. Дело было сделано бесповоротно. Он бросил солому на пламя, потом в неожиданном приступе безумной силы вырвал койку из креплений, сломав ее при этом, и швырнул обломки на солому. Огонь уже бежал по ней. Хорнблауэр кинул лампу на кучу, схватил сюртук и выскочил из каюты. Он хотел было закрыть дверь, но передумал – чем больше воздуха, тем лучше. Нырнув в сюртук, он взбежал по трапу.

На палубе Хорнблауэр сунул дрожащие руки в карманы и заставил себя с безразличным видом прислониться к лееру. От возбуждения накатила слабость. Время шло, возбуждение не спадало. Важна каждая минута до того, как пламя обнаружат. Французский офицер с торжествующим смехом что-то говорил, указывая за гакаборт, – очевидно, о том, что «Неустанный» остался позади. Хорнблауэр печально улыбнулся в ответ, потом подумал, что улыбка тут неуместна, и попытался изобразить мрачную гримасу. Дул свежий ветер, так что «Пика» едва могла нести все паруса незарифленными. Хорнблауэр ощущал его дыхание на горящих щеках. Все на палубе оказались необычайно заняты: Невиль наблюдал за рулевым, время от времени поглядывая вверх, убедиться, все ли паруса работают в полную силу; матросы стояли у пушек, двое вместе со старшиной бросали лаг. Господи, долго ли еще он протянет?

Вот оно! Комингс ахтерлюка как-то искажился, заколебался в дрожащем воздухе. Через него идет горячая струя. А там не намек ли на дым? Точно! В этот момент поднялась тревога. Громкий крик, топот ног, резкий свист, барабанный бой, пронзительный возглас: «*Au feu! Au feu!*»¹¹

Четыре Аристотелевы стихии – земля, воздух, вода и огонь – извечные враги моряка, но ни подветренный берег, ни шторм, ни волна не так опасны, как пожар на деревянном судне. Старое дерево, покрытое толстым слоем краски, загорается легко и горит быстро. Паруса и просмоленный такелаж вспыхивают, как фейерверк. А в трюме многие тонны пороха ждут первой возможности разорвать моряков в куски. Хорнблауэр смотрел, как пожарные отряды один за другим включаются в работу, помпы втащили на палубу, подсоединили шланги. Кто-то пробежал на корму с сообщением для Невилля – очевидно, доложить о месте возникновения пожара. Невиль выслушал сообщение и, прежде чем выкрикнуть приказания посыльному, бросил быстрый взгляд на прислонившегося к лееру Хорнблауэра. Из люка уже валил густой дым: по приказу Невилля матросы бросились в отверстие сквозь дымовую завесу. Дыма становилось все больше и больше; подхваченный ветром, он клубами плыл в сторону носа, – видимо, дым валил и из корабельных бортов по ватерлинии.

Невиль с искаженным от злобы лицом зашагал к Хорнблауэру, но его остановил крик рулевого. Тот, не выпуская из рук штурвала, ногой указывал на световой люк каюты. Под ним мелькали языки пламени. Пока они смотрели, стекло вывалилось, и в отверстие полыхнуло пламя. Склад краски, вычислял Хорнблауэр (он был теперь спокоен и позже, вспоминая, сам дивился своему спокойствию), должно быть, прямо под каютой и полыхает изо всех сил. Невиль посмотрел вокруг, на море и небо, и в бешенстве ухватился за голову. Первый раз в жизни Хорнблауэр видел, как человек буквально рвет на себе волосы. Однако Невиль овладел собой. По его приказу принесли еще одну помпу, четверо матросов встали к рукояткам,

¹⁰ «Руководство по морскому делу» (фр.).

¹¹ «Пожар! Пожар!» (фр.)

и – клац-клац-клац-клац – стук помпы слился с ревом огня. Тонкая струя воды полилась в световой люк. Другие матросы выстроились в цепочку и принялись черпать воду из моря и передавать ведрами – толку от этого было еще меньше, чем от помпы. Снизу раздался глухой рокот взрыва. У Хорнблауэра перехватило дыхание – он ждал, что корабль разорвет на куски. Но больше взрывов не последовало: то ли треснула пушка, то ли рванул бочонок с водой. Тут цепочка матросов, передававших воду, неожиданно разорвалась: под ногами одного из них палубный паз разверзся широкой алой ухмылкой, из которой тут же вырвалось пламя. Кто-то из офицеров схватил Невилья за руку и горячо с ним спорил. Хорнблауэр видел, как Невиль в отчаянии сдался. Матросы засуетились, убирая фор-марсель и фок, другие бросились к грота-брасам. Штурвал повернулся, и «Пика» встала против ветра.

Перемена была разительная, хотя поначалу больше кажущаяся, чем подлинная: поскольку ветер дул теперь в другую сторону, рев огня был не так слышен на баке. Тем не менее выигрыш был заметный: огонь, вспыхнувший у кормы, теперь относился ветром не вперед, а, напротив, на уже полусгоревшую древесину. Несмотря на это, вся кормовая часть пылала; рулевой вынужден был бросить штурвал, пламя охватило бизань и полностью уничтожило ее – только что тут был парус, а в следующую секунду лишь обгорелые клочья свисали с гафеля. Однако теперь остальные паруса были вне опасности, а торопливо поставленный бизань-трисель удерживал «Пику» в положении кормой вперед. Вот тут Хорнблауэр, глядя вперед, снова увидел «Неустанного». Фрегат мчался к ним на всех парусах; когда «Пика» поднималась, Хорнблауэр видел белый бурун под его бушпритом. Капитуляция была неизбежна – «Пика», при ее размерах, не устояла бы под натиском такой батареи пушек, не будь она даже повреждена огнем. В кабельтове с наветренной стороны «Неустанный» лег в дрейф, шлюпки с него спустили еще до окончания маневра. Пелью видел дым, понял, из-за чего «Пика» легла в дрейф, и успел подготовиться. Оба баркаса несли на носу, там, где иногда устанавливались каронады, по помпе. Они зашли «Пике» в корму и без лишних разговоров принялись поливать ее струями воды. Команды двух гичек сразу бросились на корму и включились в схватку с огнем, но Болтон, третий лейтенант, заметив Хорнблауэра, на секунду остановился.

– Господи! – воскликнул он. – Вы-то как тут очутились?

Ответа он дожидаться не стал. Осмотревшись в поисках капитана, он зашагал к Невилью, чтобы принять капитуляцию, глянул вверх, убедился, что там все в порядке, и принялся за тушение пожара. Пламя удалось одолеть главным образом потому, что сгорело почти все, что могло гореть.

«Пика» выгорела на несколько футов от гакаборта до самой воды, так что с палубы «Неустанного» являла собой странное зрелище. Однако сейчас она вне опасности, при благоприятных условиях ее можно будет с некоторым трудом довести до Англии, починить и вновь спустить на воду.

Главное, однако, не то, что ее можно спасти, главное, что она больше не причинит вреда британской торговле. Об этом говорил Хорнблауэру сэр Эдвард Пелью, когда мичман поднялся на борт «Неустанного» и доложил капитану. Пелью велел начать с того момента, когда призовая команда высадилась на борт «Мари Галант». Как Хорнблауэр и предполагал – возможно, этого-то он и боялся, – Пелью спокойно отнесся к потере приза. Перед сдачей бриг был поврежден артиллерийским обстрелом, и никто теперь не узнает, каков был размер ущерба. Пелью не стал на этом задерживаться. Хорнблауэр пытался спасти судно, но из-за малочисленности команды не преуспел – в тот момент никак нельзя было выделить ему большей команды. Пелью не считал Хорнблауэра виновным. Опять-таки, главное – Франция не получила груз «Мари Галант»; то, что Англия могла бы им воспользоваться, – дело десятое. Точно то же самое, что в случае с «Пикой».

– Как вовремя она загорелась, – заметил Пелью, глядя на лежащую в дрейфе «Пикку»: вокруг нее суетились шлюпки, но над кормой поднимались лишь тонкие струйки дыма. – Она

уходила от нас, мы бы через час потеряли ее из виду. У вас есть какие-нибудь предположения, как такое могло случиться, мистер Хорнблауэр?

Хорнблауэр, естественно, ждал вопроса и был к нему готов. Сейчас надо было отвечать честно и скромно получить заслуженную похвалу, упоминание в «Вестнике», может быть даже – назначение исполняющим обязанности лейтенанта. Но Пелью не знал всех подробностей гибели брига, а если бы и знал, мог неправильно их оценить.

– Нет, сэр, – сказал Хорнблауэр. – Я думаю, это было случайное самовозгорание в рундуке с краской. Других объяснений я не нахожу.

Он один знал о своей преступной халатности, один мог определить меру наказания и выбрал эту. Только так мог он очиститься в собственных глазах. Хорнблауэр испытал огромное облегчение и ни капли сожаления.

– Все равно это была большая удача, – задумчиво произнес Пелью.

Глава четвертая

Человек, которому было плохо

На сей раз волк рыскал вокруг овчарни. «Неустанный» загнал французский корвет «Папийон» в устье Жиронды и теперь искал возможность его атаковать. «Папийон» стоял на якоре под прикрытием береговых батарей. Капитан Пелью смело повел фрегат в мелкие воды и подошел настолько близко, что батареи открыли предупредительный огонь. Пелью долго и внимательно разглядывал корвет в подзорную трубу. Потом сложил ее, повернулся на каблуках и приказал отвести «Неустанного» от опасного подветренного берега – за пределы видимости. Этим маневром он надеялся усыпить бдительность французов. Ибо Пелью не собирался оставлять их в покое. Если удастся захватить или потопить корвет, французы не просто лишатся военного корабля, способного причинить вред британской торговле, – им придется усилить береговую охрану в этом месте, ослабив ее в другом. Война состоит из яростных ударов и контрударов, и даже сорокапушечный фрегат, если направить его умелой рукой, может нанести чувствительный удар.

Мичман Хорнблауэр прохаживался по подветренной стороне шканцев (это скромное место он занимал в качестве младшего вахтенного офицера), когда к нему приблизился мичман Кеннеди. Кеннеди широким жестом снял шляпу и склонился в церемонном поклоне, которому некогда обучил его учитель танцев: левая нога вперед, шляпа касается правого колена. Хорнблауэр включился в игру, прижал шляпу к животу и трижды быстро согнулся пополам. Благодаря врожденной неловкости он мог без особых усилий пародировать торжественную важность.

– Досточтимейший и достохвальнейший сеньор, – начал Кеннеди, – я несу вам приветствия капитана сэра Эдварда Пелью и нижайшую просьбу вышеупомянутого капитана к вашему степенству присутствовать у него за обедом в восемь склянок слепополуденной вахты.

– Мое почтение сэру Эдварду, – при упоминании этого имени Хорнблауэр глубоко поклонился, – и передайте ему, что я снизойду до краткого визита.

– Я уверен, что капитан будет бесконечно польщен, – сказал Кеннеди, – и передам ему свои поздравления вместе с вашим великодушным согласием.

Обе шляпы еще более изысканно качнулись в воздухе, но тут молодые люди заметили, что с наветренной стороны на них смотрит вахтенный офицер мистер Болтон. Поспешно нахлобучив шляпы, они приняли вид, более приличествующий офицерам, получившим патент от короля Георга.

– Что капитан задумал? – спросил Хорнблауэр.

Кеннеди приложил палец к носу.

– Если б я знал, я заслуживал бы пары эполет, – сказал он. – Что-то затевается. Я полагаю, мы скоро узнаем что. До тех пор нам, мелким пташкам, надлежит резвиться, не подозревая о своей участи. Ну что ж, смотрите, чтоб корабль не опрокинулся.

Однако за обедом в большой каюте «Неустанного» не было заметно никаких признаков того, что что-то замышляется. Пелью во главе стола изображал любезного хозяина. Старшие офицеры – два лейтенанта, Экклс и Чадд, и штурман Сомс – свободно беседовали на различные темы. Хорнблауэр и другой младший офицер, Мэллори, мичман с двумя годами выслуги, молчали, как и полагается мичманам. Это, кстати, позволяло им не отвлекаться от еды, значительно превосходившей все, что подавалось в мичманской каюте.

– Ваше здоровье, мистер Хорнблауэр, – сказал Пелью, поднимая бокал.

Хорнблауэр попытался изящно поклониться. Он осторожно отхлебнул вино: пьянел он легко, а пьяным быть не любил.

Стол освободили, и офицеры некоторое время ждали, что же сделает Пелью.

– Ну, мистер Сомс, – сказал капитан, – давайте посмотрим карту.

Это была карта устья Жиронды с отметками глубин; кто-то карандашом нанес на нее положение береговых батарей.

– «Папилон», – сэр Эдвард не затруднял себя французским произношением, – находится здесь. Мистер Сомс отметил его положение.

Пелью указал на карандашный крестик глубоко в устье реки.

– Вы, джентльмены, отправитесь на шлюпках и вытащите его оттуда.

Так вот оно что! Операция по захвату вражеского судна.

– Командовать будет мистер Экклс. Я попрошу его изложить свой план.

Седой первый лейтенант, с удивительно юными голубыми глазами, оглядел собравшихся.

– Я возьму баркас, – сказал он. – Мистер Сомс – тендер. Мистер Чадд и мистер Мэллори будут командовать первой и второй гичками, мистер Хорнблауэр – яликом. На всех шлюпках, кроме той, которой командует мистер Хорнблауэр, будет по второму младшему офицеру.

Для ялика с командой в семь человек это и не нужно. На баркасе и на тендере будет от тридцати до сорока человек на каждом, на гичках по двадцать: Пелью отправлял в рейд почти половину команды.

– Корабль военный, – объяснил Экклс, угадав мысли других офицеров. – Не торговый. По десять пушек с каждого борта и большая команда.

Ближе к двум сотням, чем к сотне, – серьезный противник для ста двадцати британских моряков.

– Но мы нападём на них ночью и захватим врасплох, – сказал Экклс, снова читая их мысли.

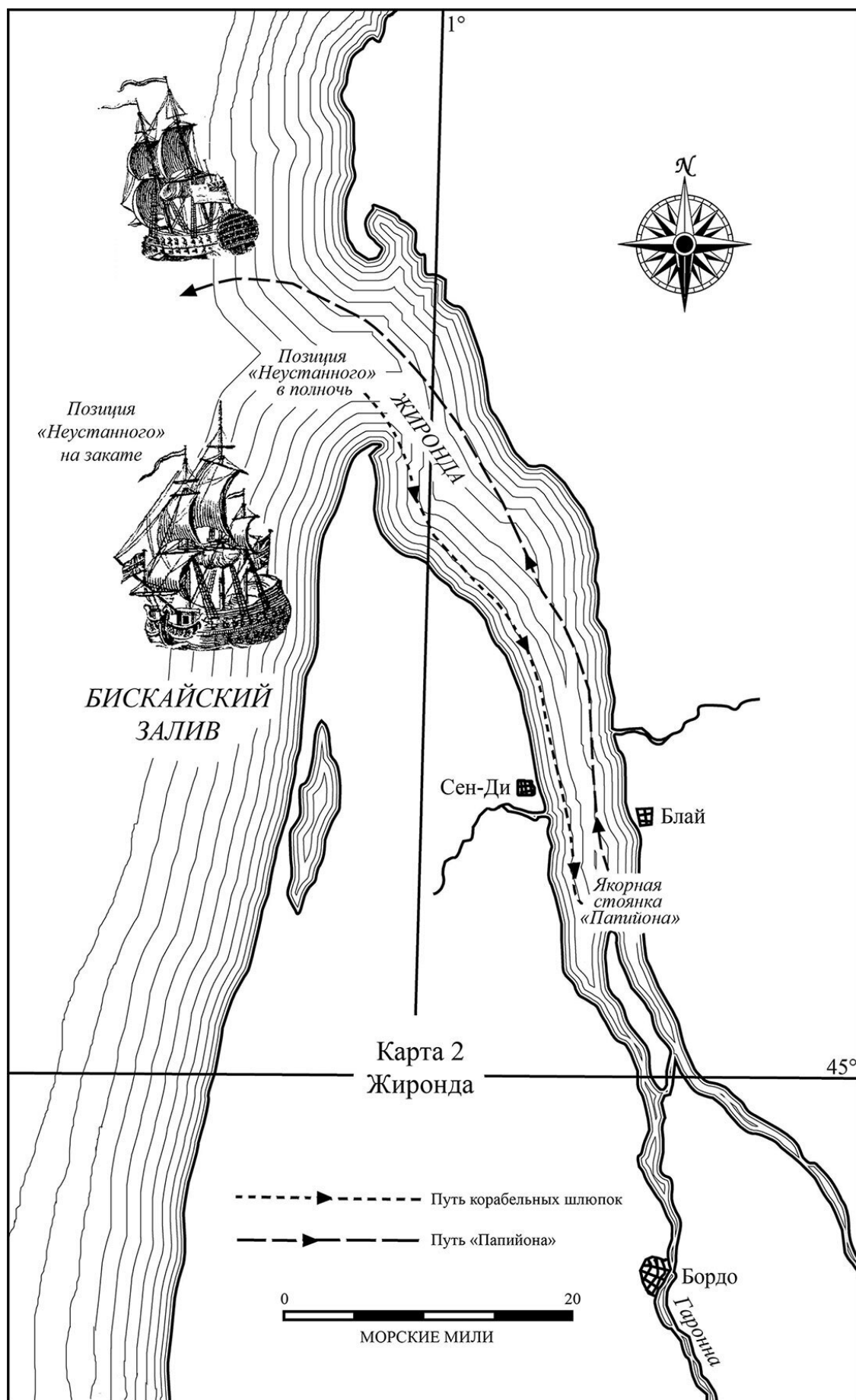
– Внезапность, – вставил Пелью, – более чем половина успеха, как вы знаете, джентльмены. Извините, что перебил вас, мистер Экклс.

– Сейчас, – продолжал Экклс, – мы вне пределов видимости. Лягушатники думают, что мы ушли совсем. Завтра после захода мы подойдем как можно ближе к берегу. Самый высокий прилив в четыре пятьдесят, рассвет в пять тридцать. Атака начнется в четыре тридцать, так что подвахтенные успеют поспать. Баркас подойдет с правой раковины, тендер – с левой, гичка мистера Мэллори – с левой скулы, гичка мистера Чадда – с правой. Мистер Чадд должен будет перерубить якорный канат, как только завладеет баком, а команды других шлюпок, по крайней мере, достигнут юта.

Экклс оглядел командиров трех больших шлюпок. Все трое кивнули, Экклс продолжал:

– Мистер Хорнблауэр в ялике подождет, пока атакующие закрепятся на палубе. Тогда он высадится на грот-руслень, с правого или с левого борта, как сочтет нужным, и тут же поднимется по грот-вантам, не обращая внимания на то, что происходит на палубе. Он должен отдать грот-марсель и быть готовым по команде выбрать шкоты. Я сам или мистер Сомс в случае моей гибели либо смертельного ранения пошлет двух матросов к штурвалу. Течение вынесет нас из устья, а «Неустанный» будет поджидать сразу за пределами досягаемости береговых батарей.

– Есть замечания, джентльмены? – спросил Пелью.

Тут-то Хорнблауэру и следовало заговорить – не раньше и не позже. Слушая Экклса, он ощутил липкий тоскливый страх. Марсовый из него был никудышный. Он не обладал ни обезьяньей ловкостью, ни сноровкой опытного моряка, боялся высоты и очень не любил лазить по реям. В темноте ему было неуютно даже на реях «Неустанного», и мысль о необходимости взбираться на мачту совершенно незнакомого корабля повергала его в ужас. Он чувствовал себя абсолютно непригодным к исполнению возложенной на него задачи и должен был немедленно сообщить о своей непригодности. Однако он упустил момент – слишком уж спокойно остальные офицеры приняли план. Хорнблауэр взглянул на их уверенные лица. Никто не обращал внимания, и ему страшно не захотелось выделяться. Он сглотнул, даже открыл рот, но никто по-прежнему на него не смотрел, и возражения замерли у него на губах.

– Очень хорошо, джентльмены, – сказал Пелью. – Мистер Экклс, переходите к подробностям.

Теперь было поздно. Экклс, разложив карту, показывал курс среди мелей и илистых отмелей Жиронды, пространно разъяснял положение береговых батарей и связь между Кордуанским маяком и расстоянием, на которое «Неустанный» сможет подойти при свете дня. Хорнблауэр слушал, пытаясь сосредоточиться вопреки своим страхам. Экклс закончил, и Пелью отпустил офицеров, сказав напоследок:

– Теперь, джентльмены, вы знаете свои обязанности и можете приступать к подготовке. Солнце садится, а дел у вас много. Назначить команду шлюпок, проследить, чтоб все были вооружены, чтоб шлюпки были снабжены всем необходимым на случай непредвиденных обстоятельств. Каждому объяснить, что от него потребуется.

Хорнблауэру пришлось к тому же попрактиковаться в подъеме на грот-ванты и продвижении вдоль грот-марса-рея. Он проделал это дважды, заставляя себя совершить трудный подъем по путенс-вантам, которые отходят от грот-мачты вверх, так что несколько футов приходится взбираться под отрицательным углом. Все это давалось ему с большим трудом, двигался он медленно и неуклюже. Встав на ножной перт, Хорнблауэр двинулся к ноку рея. Перт крепился к нокам рея и висел в четырех футах ниже его. Чтобы отдалить удерживающие парус сезни, надо было, держась за рей, поставить ноги на перт и переступать по нему, сжимая рей под мышками, что Хорнблауэр и проделал дважды, перебарывая тошноту, которая то и дело накатывала при мысли о стофудовой пропасти под ногами. Наконец, нервно сглатывая, он перехватил руки на брас и заставил себя соскользнуть на палубу – это будет самый удобный путь, когда придет время выбирать шкоты на марселе. Спуск был долгий и опасный.

Хорнблауэр вспомнил, как, впервые увидев матросов на мачте, подумал, что подобный трюк в цирке вызвал бы у публики восторженные ахи и охи. Он спустился на палубу, совершенно не удовлетворенный собой. Его преследовала навязчивая картина: когда приходит время повторить этот трюк на «Папийоне», он не удерживается, срывается и летит вниз головой – несколько кошмарных секунд в воздухе и, наконец, громкий удар. А ведь успех операции зависит от него (как, впрочем, и от всех остальных): если вовремя не отдать марсель, корвет не наберет скорости, необходимой для управления рулем, сядет на одну из бесчисленных мелей в устье реки и будет с позором захвачен французами, половина команды «Неустанного» попадет в плен или будет перебита.

На шкафуте выстроилась для осмотра команда ялика. Хорнблауэр проверил, чтобы все весла были как следует обмотаны, у каждого матроса был с собой пистолет и абордажная сабля, убедился, что все пистолеты на предохранителе и преждевременный выстрел не выдаст нападающих. Он распределил, кому из матросов что делать при отдаче марселя, и подчеркнул, что гибель кого-нибудь из них может внести в намеченный план непредвиденные изменения.

– Я первый поднимусь по вантам, – сказал Хорнблауэр.

Иначе никак нельзя. Он должен идти первым – этого от него ждали. Более того, скажи он по-другому, это вызвало бы разговоры – и осуждение.

– Джексон, – продолжал Хорнблауэр, обращаясь к рулевому, – вы покинете лодку последним и примете командование в случае моей гибели.

– Есть, сэр.

Поэтическое «гибель» обычно употреблялось вместо прозаического «смерть», и, только произнеся это слово, Хорнблауэр осознал его ужасный смысл.

– Все ясно? – отрывисто спросил он. От напряжения голос прозвучал резко.

Все кивнули, за исключением одного матроса.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Хэйлс, молодой человек, сидевший загребным. – Я что-то плоховато себя чувствую.

Хэйлс был смуглый, хрупко сложенный юноша. Говоря, он выразительно приложил руку ко лбу.

– Не тебе одному худо, – припечатал Хорнблауэр.

Остальные хохотнули. Мысль о высадке на незнакомый корвет в самом логове врага, да еще под дулами береговых батарей, вполне может вызвать отвращение у человека робкого. Наверняка большая часть назначенных в вылазку матросов испытывали нечто подобное.

– Я не то хотел сказать, сэр, – обиженно сказал Хэйлс. – Совсем не то.

Но Хорнблауэр и все остальные уже не обращали на него внимания.

– Придержи язык, ты! – рявкнул Джексон.

Человек, который, узнав об опасном поручении, объявляет себя больным, не заслуживает ничего, кроме нареканий. Хорнблауэр почувствовал жалость, смешанную с презрением. Сам он был слишком труслив даже для того, чтобы отговориться, – слишком боялся, что о нем скажут другие.

– Вольно, – сказал Хорнблауэр. – Когда вы понадобится, я за вами пошлю.

Оставалось ждать несколько часов, пока «Неустанный» проберется поближе к берегу. Лот кидали постоянно, и Пелью лично руководил продвижением фрегата. Хорнблауэр, несмотря на волнение и страх, восхищался, с каким удивительным умением капитан темной ночью вел большой корабль через коварные воды. Процесс настолько приковал внимание Хорнблауэра, что прекратилась даже мучившая его мелкая дрожь: Хорнблауэр был из тех, кто не перестанет наблюдать и учиться даже на смертном одре. К тому времени, как «Неустанный» достиг той точки в устье реки, где предстояло спускать шлюпки, Хорнблауэр немало узнал о практическом применении принципов прибрежной навигации и не меньше об организации операции по захвату судна; кроме того, путем самоанализа он узнал очень много о психологии людей, готовящихся к вылазке.

Когда пришла пора спускать шлюпку на чернильно-черную воду, Хорнблауэр уже полностью овладел собой. Он сохранял невозмутимый вид, и голос, которым он приказал отваливать, прозвучал тихо и твердо. Хорнблауэр взялся за румпель. Ощущение твердого деревянного бруса в руках успокаивало: он давно привык сидеть на кормовой банке, положив руку на румпель. Матросы медленно взмахнули веслами.

Ялик неспешно двинулся за темными силуэтами четырех больших шлюпок: времени в запасе было достаточно. Прилив вынесет их в устье. Хорошо, что не надо торопиться, ведь с одной стороны от них батареи Сен-Ди, с другой – крепость Блай; сорок больших пушек полностью простреливают устье, и ни одна из пяти шлюпок, а уж тем более ялик не выдержат и одного выстрела.

Хорнблауэр внимательно следил за идущим впереди тендером. Вся ответственность за то, чтоб провести шлюпки по коварному речному руслу, лежала на Сомсе; Хорнблауэру оставалось лишь следовать за ним – до тех пор, пока не придет время отдавать грот-марсель. Его снова затрясло.

Хэйлс, тот матрос, который плохо себя чувствовал, сидел загребным. Хорнблауэр видел, как впереди ритмично движется его силуэт. Не обращая внимания на Хэйлса, он пристально

вглядывался в идущий впереди тендер, как вдруг неожиданная заминка вернула его внимание в шлюпку. Загребной пропустил гребок и сбил с ритма всех шестерых гребцов. Послышался тихий стук падающего предмета.

– Думай, что делаешь, Хэйлс, черт тебя побери, – прошептал Джексон, рулевой.

Вместо ответа Хэйлс издал крик, к счастью негромкий, и упал на ноги Джексону и Хорнблауэру, брыкаясь и дергаясь.

– Вот сволочь, – сказал Джексон. – У него припадок.

Судороги продолжались. Из темноты послышался укоризненный шепот.

– Мистер Хорнблауэр, – Эклс пытался вложить в шепот все свое раздражение, – вы что, не можете заставить своих людей помолчать?

Чтобы сказать это, Эклс подвел баркас к самому борту ялика. Крайняя необходимость соблюдать тишину особенно подчеркивалась отсутствием обычных ругательств. Хорнблауэр мог вообразить язвительный выговор, ожидающий его завтра прилюдно на шканцах. Он открыл было рот, чтобы объясниться, но вовремя сообразил, что участники ночной вылазки не оправдываются под пушками крепости Блай.

– Есть, сэр, – прошептал он, и баркас вернулся в хвост флотилии, ведомой тендером.

– Возьмите его весло, Джексон, – зашептал он рулевому.

Встав, он своими руками оттащил брыкающееся тело с прохода, освобождая Джексону путь.

– Полейте его водичкой, сэр, – хрипло посоветовал Джексон. – Вот и черпак рядом.

Морская вода – универсальное лекарство моряка, его панацея. Учитывая, как часто матросы не только ходят в мокрых бушлатах, но и спят в мокрых постелях, они должны бы вообще никогда не болеть. Однако Хорнблауэр не стал трогать эпилептика. Тот уже почти не дергался, и Хорнблауэр решил не греметь черпаком. Жизнь более чем сотни людей зависит сейчас от тишины. Они уже вошли в устье и были на расстоянии пушечного выстрела от береговых батарей – а первый же выстрел поднимет на ноги команду «Папийона», и та будет готова встать к фальшборту и отбить атаку, готова расстрелять шлюпки пушечными ядрами, засыпать их градом картечи.

Шлюпки тихо скользили по воде. Сомс на тендере задавал медленный темп: лишь изредка требовалось несколько гребков, чтоб поддержать скорость, необходимую для управления шлюпками. Сомс мастерски знал свое дело: он выбрал темный проток между глинистыми отмелями, непроходимый для больших судов. Для измерения глубины у него был двадцатифутовый шест – измерять им быстрее, чем лотом, и гораздо тише. Минуты бежали быстро, однако ночь была еще совсем темна. Напрягая глаза, Хорнблауэр так и не мог уверенно различить плоские берега реки. Нужно было обладать исключительным зрением, чтоб разглядеть с берега маленькие шлюпки, несомые приливом.

Хэйлс у ног Хорнблауэра зашевелился. Шаря в темноте руками, он наткнулся на лодыжку Хорнблауэра и теперь с интересом ее ощупывал. Потом он что-то задумчиво произнес, слова перешли в стон.

– Молчать! – прошептал Хорнблауэр, пытаясь, подобно древнему святому¹², обратить все свое тело в язык, дабы, не издав ни одного громкого звука, внушить Хэйлсу необходимость соблюдать тишину.

Хэйлс положил локоть Хорнблауэру на колено и с трудом сел, затем так же с трудом встал, покачиваясь на полусогнутых ногах и опираясь на Хорнблауэра.

– Сядь, черт возьми! – прошептал Хорнблауэр, трясаясь от гнева и отчаяния.

– Где Мэри? – спросил Хэйлс как ни в чем не бывало.

¹² Имеется в виду святой Франциск Ассизский. По словам агнографа, он «наставлял слушателей не столько словами, сколько собственным примером, обращая все свое тело в язык».

– Молчать!

– Мэри! – сказал Хэйлс, навалившись на Хорнблауэра. – Мэри!

Каждое следующее слово было громче предыдущего. Хорнблауэр нутром чуял, что скоро Хэйлс начнет говорить в полный голос или даже закричит. Он вспомнил, как когда-то давно его отец-доктор говорил ему, что пациент после эпилептического припадка не отвечает за себя и нередко бывает опасен для окружающих.

– Мэри! – снова позвал Хэйлс.

Успех операции и жизнь сотни людей висели на волоске. Надо было утихомирить Хэйлса, причем немедленно. Хорнблауэр подумал, не стукнуть ли его рукояткой пистолета, но под рукой было более подходящее оружие. Он снял трехфутовый дубовый брус румпеля и размахнулся со всей злостью отчаяния.

Румпель обрушился Хэйлсу на голову, и тот, не закончив начатое слово, рухнул на дно шлюпки. Команда молчала, только Джексон тихо вздохнул – одобряюще или осуждающе, Хорнблауэр так и не узнал, да его это и не волновало. Он исполнил свой долг. Прибил беспомощного идиота – скорее всего, убил его, но не поставил под угрозу внезапность, от которой зависел успех операции. Он надел румпель на место и молча вернулся к своему делу – держаться в кильватере тендера.

Далеко впереди – в темноте было невозможно оценить расстояние – над поверхностью воды виднелся как бы сгусток черноты. Возможно, корвет. Еще раз десять тихо взмахнули весла, и Хорнблауэр уже не сомневался. Сомс проявил чудеса лоцманского искусства, выведя шлюпки точно к намеченной цели. Тендер и баркас отошли в сторону от двух гичек: шлюпки расходились, готовясь одновременно начать атаку.

– Суши весла! – прошептал Хорнблауэр, и команда ялика перестала грести.

Теперь Хорнблауэр должен был дожидаться, пока атакующие закрепятся на палубе. Его руки судорожно сжимали румпель: возбуждение от расправы с Хэйлсом на время вышибло из головы все мысли о необходимости взбираться в темноте по незнакомому такелажу. Теперь эти мысли вернулись с новой силой. Хорнблауэр боялся.

Корвет он видел, но шлюпки исчезли из поля зрения. Корвет покачивался на якорях, мачты слабо виднелись на фоне ночного неба – и сюда ему придется лезть! Казалось, они вздымаются на неимоверную высоту. Вблизи корвета плеснула вода – шлюпки подходили быстро, и кто-то неосторожно взмахнул веслом. В тот же миг с палубы послышался окрик, потом другой, в ответ со шлюпок грянул многоголосый рев. Кричали не просто так: рев ошеломит спящего врага, а команда каждой шлюпки будет знать, где находятся остальные. Британские моряки орали во всю глотку. На палубе корвета сверкнула вспышка, прогремел первый выстрел; вскоре по всей палубе уже палили пистолеты и гремели ружья.

– Вперед! – крикнул Хорнблауэр. Слова команды дались так тяжело, словно их вырвали на дыбе.

Ялик двинулся вперед. Хорнблауэр пытался одновременно совладать с чувствами и понять, что происходит на палубе. Причин выбирать тот или иной борт не было, левый был ближе, так что он подвел шлюпку к грот-руслению левого борта. Его мысли были настолько захвачены происходящим на палубе, что он едва вспомнил скомандовать: «Убрать весла!» – прежде чем переложить румпель. Шлюпка развернулась, матрос зацепился за корвет багром. Наверху что-то лязгало, как будто лудильщик чинит кастрюлю. Хорнблауэр проверил, на месте ли сабля и пистолет, и прыгнул на руслень. Руки ухватились за ванты, ноги нащупали выбленки, он начал подниматься. В тот миг, когда его голова оказалась над фальшбортом, пистолетная вспышка на мгновение осветила сцену, и схватка на палубе предстала в виде застывшей картины. Впереди и внизу британский матрос рубился с французом на абордажных саблях, и Хорнблауэр с изумлением понял, что звук, напомнивший ему о починке чайника, был звоном сабель, тем самым, воспетым поэтами, бряцанием стали о сталь. Вот тебе и романтика.

За этими мыслями Хорнблауэр успел высоко взобраться по вантам. Он почувствовал локтем путенс-ванты, перебрался на них и повис спиной вниз, смертельной хваткой цепляясь за выбленки. Это продолжалось лишь две-три отчаянные секунды, потом он подтянулся и начал последний этап подъема. Вот и марса-рей. Хорнблауэр повис на нем, ища ногами перт. Боже милостивый! Ножного перта не было – ноги болтались в воздухе, не находя опоры. Хорнблауэр висел в сотне футов над палубой и дергал ногами, словно младенец, которого отец держит на вытянутых руках. Ножного перта нет, – возможно, французы убрали его именно на такой случай. Ножного перта нет, значит до нока рея ему не добраться. И все-таки сезни надо отдать и парус распустить – от этого зависит успех операции. Хорнблауэр несколько раз видел, как отчаянные матросы бегают по рею, подобно канатоходцам. Это единственный способ добраться до нока.

На мгновение у него перехватило дыхание – слабая плоть воспротивилась мысли о том, чтоб идти по рею над черной бездной. Это страх. Страх, который лишает мужчину мужества, стискивает внутренности, делает бумажными ноги. Однако деятельный мозг Хорнблауэра продолжал лихорадочно работать. Ему достало решимости разделаться с беднягой Хэйлсом. Достало отваги, когда дело не касалось его самого: он недрогнувшей рукой прибил несчастного эпилептика. Вот, значит, на какую смелость он способен! А теперь, когда от него потребовалось простое грубое мужество, он оказался трусом. О таких перешептываются за спиной. Мысль была невыносима – она пугала даже больше падения на палубу. Набрав в грудь воздуха, Хорнблауэр закинул колено на рей, подтянулся и встал. Под ногами он почувствовал круглое, обтянутое парусиной дерево и шестым чувством понял, что задерживаться здесь нельзя.

– За мной, ребята! – закричал он и побежал по рею.

До нока было футов двадцать, и он покрыл их в несколько отчаянных прыжков. Совершенно не чувствуя страха, он присел, ухватился руками за рей и повис на нем всем телом, ощупью ища сезни. Рей подрагивал, значит Олдройд, которому назначено было идти за ним, пробежал следом – ему надо было пройти на шесть футов меньше. Можно не сомневаться, что остальная команда ялика тоже на рее и что Клу повел свою половину матросов на правый нок. Это было ясно по тому, как быстро упал парус. Брас был сразу за Хорнблауэром. Опыренный успехом, не думая больше об опасности, он ухватился за брас обеими руками, спрыгнул с рея и, обхватив ногами трос, заскользил вниз.

Дурак! Неужели он никогда не научится думать? Не запомнит, что нельзя и на секунду терять бдительность? Он заскользил так быстро, что тут же стер тросом ладони, попытался крепче сжать руки, чтоб замедлить спуск, и почувствовал такую боль, что вынужден был вновь ослабить хватку и скользить вниз, оставляя на тросе кожу. Ноги коснулись палубы. Оглянувшись кругом, Хорнблауэр мгновенно забыл про боль.

Брезжила серая заря. Звуки битвы стихли. Все было хорошо продумано: сто человек внезапно врываются на борт корвета, сметают якорную вахту и, пока не успели выскочить подвахтенные, одним махом захватывают корабль. С бака послышался громогласный крик Чадда:

– Канат перерублен, сэр!

С кормы закричал Экклс:

– Мистер Хорнблауэр!

– Сэр! – крикнул Хорнблауэр.

– Фалы разобрать!

Матросы бросились на подмогу – не только команда ялика, но и все предприимчивые и смелые моряки. Фалы, шкоты, брасы: парус, поставленный наивыгоднейшим образом, набрал в себя легкий южный ветер, «Папийон» развернулся, готовый плыть с начинающимся отливом. Заря быстро разгоралась, над головой висел легкий туман.

Над правой раковиной пронесся ужасающий рев, затем мгlistый воздух разорвали дикие, неестественно громкие крики. Мимо Хорнблауэра пронеслось пушечное ядро – первое в его жизни.

– Мистер Чадд! Поставить кливер! Отдать фор-марсель! Поднимитесь кто-нибудь наверх, поставьте крйсель!

С левого борта послышался новый залп. На берегу поняли, что произошло, и теперь Блай палила по ним с одного борта, Сен-Ди – с другого, но корвет, подхваченный ветром и отливом, двигался быстро, и попасть в него при слабом утреннем освещении было не просто. Всё проделали минута в минуту: малейшее промедление оказалось бы роковым. Лишь одно ядро из следующего залпа пронеслось над ними. Когда оно пролетело, сверху раздался громкий хлопок.

– Мистер Мэллори, прикажите сплеснить фокштаг!

– Есть, сэр!

Уже достаточно рассвело, и можно было разглядеть, что творится на палубе: Экклс возле полуята направлял движение корвета, Сомс стоял у штурвала. Морские пехотинцы в красных мундирах, с примкнутыми штыками, охраняли люки. Четверо или пятеро матросов лежали на палубе, безразличные ко всему. Убитые: Хорнблауэр посмотрел на них с юношеской беспечностью. Здесь же сидел раненый: он стонал, согнувшись над раздробленным бедром. На него Хорнблауэр безразлично глядеть не мог. Он обрадовался, хотя бы ради себя, когда один из матросов попросил и тут же получил у Мэллори разрешение отойти от своего поста и заняться товарищем.

– К повороту оверштаг! – крикнул Экклс с полуята; корвет достиг выступа мели посреди входа в фарватер и собирался повернуть, чтоб выйти в открытое море.

Матросы бросились к брасам, и Хорнблауэр поспешил к ним. Однако первое же прикосновение к жесткому тросу вызвало такую боль, что он чуть не вскрикнул. Руки походили на два куска свежеразделанного сырого мяса, из них лилась кровь. Теперь, когда он вспомнил о них, они невыносимо саднили. Кливер- и фока-шкоты были выбраны, и корвет послушно развернулся.

– «Неустаннй», старина! – крикнул кто-то.

«Неустаннй» был отчетливо виден, он лежал в дрейфе вне досягаемости береговых батарей, поджидая свой приз. Кто-то крикнул «ура!», остальные подхватили; ядро последнего залпа Сен-Ди на излете плюхнулось в воду рядом с корветом. Хорнблауэр судорожно вытаскивал из кармана носовой платок, чтоб перевязать руки.

– Разрешите вам помочь, сэр, – попросил Джексон.

Осмотрев голое мясо, матрос покачал головой.

– Очень уж вы, сэр, неосторожны. Надо было спускаться, перехватывая руки, – сказал он, когда Хорнблауэр объяснил, как содрал кожу. – Очень, очень это было неосторожно, сэр, уж не серчайте, что я так говорю. Все вы, молодые джентльмены, такие. Все летите куда-то, сломя голову.

Хорнблауэр поднял глаза, посмотрел на фор-марса-рей и вспомнил, как бежал в темноте по тонкой жердочке к ноку. Он вздрогнул, хотя под ногами у него была прочная палуба.

– Простите, сэр. Не хотел сделать вам больно, – сказал Джексон, завязывая узел. – Вот, сэр, что мог, я сделал.

– Спасибо, Джексон, – отвечал Хорнблауэр.

– Мы должны будем доложить о пропаже ялика, – сказал Джексон.

– О пропаже ялика?

– Он должен был буксироваться у борта, а его там нет. Понимаете, сэр, мы в нем никого не оставили. Уэллс, он должен был остаться, вы помните, сэр. Но я послал его на ванты вперед

себя, сэр, Хэйлс-то идти не мог, а народу было маловато. Верно, ялик и оторвался, когда судно разворачивалось.

– Так что с Хэйлсом?

– Он был в шлюпке, сэр.

Хорнблауэр оглянулся на устье Жиронды. Где-то там плывет по течению ялик, а в нем лежит Хэйлс, может, мертвый, может, живой. В любом случае французы его, скорее всего, найдут. При мысли о Хэйлсе холодная волна сожаления притушила в душе Хорнблауэра горячее чувство триумфа. Если бы не Хэйлс, он бы никогда не заставил себя пробежать по рею (по крайней мере, так он думал). Сейчас он был бы конченным человеком, а не лучился от сознания хорошо выполненного долга. Джексон увидел его вытянувшееся лицо.

– Не принимайте так близко к сердцу, сэр, – сказал он. – Они не будут ругать вас за потерю ялика, наш капитан и мистер Экклс, они не такие.

– Я не про ялик думал, – ответил Хорнблауэр. – Я про Хэйлса.

– А, про него? – сказал Джексон. – Что о нем горевать, сэр. Никогда бы ему не стать хорошим моряком, ни в жисть.

Глава пятая

Человек, который видел Бога

В Бискайский залив пришла зима. После осеннего равноденствия штормовые ветры усилились, многократно увеличив тяготы и опасности для британского флота, сторожившего берега Франции. Потрепанные штормами суда вынуждены были сносить западные ветры и холода, когда брызги замерзают на такелаже и трюмы текут, как корзины; штормовые западные ветры, когда корабли должны постоянно лавировать у подветренного берега, сохраняя позицию, с которой можно атаковать любое французское судно, посмевшее высунуть нос из гавани. Мы сказали, потрепанные штормами суда. Но этими судами управляли потрепанные штормами люди, вынужденные неделю за неделей и месяц за месяцем сносить постоянный холод и постоянную сырость, соленую пищу, бесконечный изматывающий труд, скуку блокадного флота. Даже на фрегатах, этих когтях и зубах эскадры, скука была невыносимая: люки задраены, из палубных пазов вода капает на подвахтенных, ночи длинные, а дни короткие, никогда не удастся выспаться, а дел все-таки недостаточно. Даже на «Неустанном» в воздухе висело беспокойство, и даже простой мичман Хорнблауэр не мог не чувствовать его, оглядывая свое подразделение перед еженедельным капитанским смотром.

– Что с вашим лицом, Стайлс? – спросил он.

– Чирьи, сэр. Совсем замучили.

На щеках и губах Стайлса было приклеено несколько кусков пластыря.

– Вы что-нибудь с ними делаете?

– Помощник лекаря, сэр, он мне пластырь дал, говорит, скоро пройдет, сэр.

– Очень хорошо.

Ему кажется или у матросов, соседей Стайлса, лица какие-то напряженные? Такие, словно они смеются про себя? Словно прячут улыбки? Хорнблауэр не желал, чтобы над ним смеялись, – это плохо для дисциплины, а еще хуже, если у матросов между собой какой-то секрет, неизвестный офицерам. Он еще раз внимательно оглядел выстроенных в ряд матросов. Стайлс стоял как деревянный, смуглое лицо ничего не выражало; черные кудри тщательно зачесаны за уши, все безукоризненно. Но Хорнблауэр чувствовал, что их разговор чем-то развеселил дивизион, и это ему не нравилось. После смотра он отловил в кают-компании врача мистера Лоу.

– Чирьи? – переспросил Лоу. – Ясное дело, у матросов чирьи. Солонина с горохом девять месяцев подряд – и вы хотите, чтоб чирьев не было? Чирьи... нарывы... фурункулы – все язвы египетские.

– И на лице?

– И на лице тоже. Где еще они бывают, скоро узнаете сами.

– Ими занимается ваш помощник? – настаивал Хорнблауэр.

– Конечно.

– Что это за человек?

– Магридж?

– Это его фамилия?

– Хороший лекарский помощник. Попросите его приготовить вам слабительное, и сами убедитесь. Именно это я бы вам и прописал, а то вы что-то сильно не в духе, молодой человек.

Мистер Лоу прикончил стакан рома и забарабанил по столу, требуя вестового. Хорнблауэр понял, что ему еще повезло застать Лоу относительно трезвым, а то бы и такого разговора не получилось. Он повернулся и отправился на бизань-марс, чтобы в тишине обдумать свои проблемы. Это было его новое место по боевому расписанию; когда люди не на постах, здесь можно было ненадолго обрести благословенное одиночество, которое так трудно

найти на корабле. Завернувшись в бушлат, Хорнблауэр сел на доски бизань-марса; над его головой крюйс-стенга описывала в сером небе беспорядочные круги, рядом стень-ванты пели под порывистым ветром свою протяжную песнь, внизу текла корабельная жизнь. «Неустан- ный», кренясь с боку на бок, шел на север под зарифленными парусами. В восемь склянок он повернет на юг, неся свой бесперебойный дозор. До того времени Хорнблауэр свободен: он может поразмышлять о чирьях на лице Стайлса и о скрытых усмешках прочих матросов дивизиона.

На деревянном ограждении марса появились две руки, за ними голова. Хорнблауэр с раздражением посмотрел на человека, нарушившего ход его мыслей. То был Финч, матрос из его дивизиона, щуплый мужичок с редкими волосами, водянистыми голубыми глазами и иди- отской улыбкой. Именно такая улыбка осветила его лицо, когда после первого разочарования – Финч не ожидал, что марс окажется занят, – он узнал Хорнблауэра.

– Простите, сэр, – сказал матрос. – Не знал, что вы здесь.

Он висел в неудобной позе, спиной вниз, не решаясь перелезть с путенс-вантов и рискуя упасть при очередном крене корабля.

– Залезайте, если хотите, – сказал Хорнблауэр, проклиная свое мягкосердечие.

Строгий офицер велел бы Финчу убираться, откуда пришел, и не мозолить глаза.

– Спасибо, сэр. Большое спасибо, – сказал Финч, перекидывая ногу через ограждение.

Он подождал, пока корабль накренится, и перевалился на марс. Здесь Финч присел, чтоб из-под крюйселя взглянуть на грота-марс, потом обернулся к Хорнблауэру и обезоруживающе улыбнулся, словно пойманный на шалости ребенок. Хорнблауэр знал, что Финч немного не в себе (поголовная вербовка выгребла во флот всех кого попало, в том числе и слабоумных), хотя моряком он был опытным, мог убирать паруса, брать рифы и стоять у штурвала. Улыбка его выдавала.

– Здесь лучше, чем внизу, сэр, – извиняющимся тоном сказал Финч.

– Вы правы, – ответил Хорнблауэр с полным безразличием, желая отбить охоту продол- жать разговор.

Он отвернулся, чтобы не обращать на Финча внимания, устроился поудобнее и попы- тался под мерное качание марса впасть в то полусонное состояние, в котором может неожиданно созреть решение. Но это было непросто. Финч метался, как белка в колесе, глядя то с одного, то с другого места и постоянно прерывая ход мыслей Хорнблауэра, тратя зря его бесценные полчаса свободы.

– Какого дьявола, Финч?! – рявкнул наконец Хорнблауэр, окончательно потеряв терпе- ние.

– Дьявол, сэр? – переспросил Финч. – Нет, не дьявол, дьявол не тут, сэр, прошу проще- ния.

Он вновь таинственно улыбнулся, словно нашкодивший ребенок. Какие тайны скрыты в глубине этих странных голубых глаз? Финч опять заглянул под крюйсель: сейчас он был похож на младенца, играющего в «ку-ку».

– Вот он! – сказал Финч. – Я его видел. Бог опять на грота-марсе, сэр.

– Бог?

– Да, да, сэр. Иногда Он на грота-марсе. Чаше всего там. Я Его сейчас видел, борода у Него развевается по ветру. Его только отсюда и видно, сэр.

Что можно сказать человеку, у которого такие галлюцинации? Хорнблауэр тщетно ломал голову над ответом. Финч, казалось, забыл о присутствии мичмана и снова играл в «ку-ку» у края крюйселя.

– Вот Он! – сказал Финч себе. – Вот Он снова! Бог на грота-марсе, а дьявол в канатном ящике.

«Весьма подходяще», – цинично подумал Хорнблауэр, но вслух ничего не сказал. Он и не думал высмеивать фантазии Финча.

– Дьявол в канатном ящике во время собачьих вахт, – сказал Финч, ни к кому не обращаясь, – Бог же вечно пребывает на грота-марсе.

«Странное расписание», – заметил про себя Хорнблауэр.

Внизу на палубе начали бить восемь склянок, боцманматы засвистели в дудки, и послышался голос боцмана Уолдрона:

– Подвахтенным на выход! Все наверх к повороту оверштаг! Все наверх! Все наверх! Эй, старшина корабельной полиции, запишите, кто последний появится из люка! Все наверх!

И без того краткий отдых, нарушенный навязчивым присутствием Финча, окончился. Хорнблауэр перелез через ограждение и уцепился за путенс-ванты. Спускаться через собачью дыру было бы удобнее, но недостойно моряка. Финч подождал, пока Хорнблауэр слезет с марса, однако легко перегнал его по дороге на палубу. Опытный моряк, Финч бегал по вантам, как обезьяна. Тут все мысли о странных фантазиях Финча вылетели у Хорнблауэра из головы – надо было разворачивать корабль.

Однако позднее он несколько раз мысленно возвращался к странным словам Финча. Нет сомнений, что Финч твердо верил в то, что говорил. Об этом свидетельствовали и его слова, и выражение лица. Финч говорил о бороде Бога – какая жалость, что он не потрудился подробнее описать дьявола в канатном ящике. Рога, хвост и раздвоенные копыта? И почему только во время собачьей вахты? Странно, что он придерживается строгого расписания. Хорнблауэр затаил дыхание: его внезапно осенило, что у слов безумца может быть вполне рациональная подоплека. Быть может, дьявол в канатном ящике во время собачьих вахт – образное выражение, означающее, что там творятся дьявольские дела. Хорнблауэру предстояло решить, что требует от него долг, а что – практические соображения. Можно доложить о своих подозрениях Экклсу, первому лейтенанту; но после года на флоте Хорнблауэр легко мог вообразить, что ожидает младшего мичмана, рискнувшего побеспокоить первого лейтенанта своими необоснованными подозрениями. Лучше сначала посмотреть самому. Неизвестно, однако, что он там найдет – если найдет – и как с этим разбираться, опять-таки, если будет с чем разбираться. Хуже того, он не был уверен, что сумеет с этим разобраться, как подобает офицеру. Он может выставить себя дураком. Может повести себя неправильно, навлечь на себя позор, поставить под угрозу дисциплину на судне, ослабить ту тонкую ниточку, которая связывает офицеров и матросов, дисциплину, которая заставляет три сотни людей по слову капитана безропотно сносить неопишуемые тяготы и, не задумываясь, рисковать жизнью. Когда восемь склянок сообщили об окончании послеполуденной и начале первой собачьей вахты, Хорнблауэр с трепетом спустился вниз, вставил в фонарь свечу и направился к канатному ящику.

Внизу было темно, душно и плохо пахло, корабль качался на волнах, и Хорнблауэр то и дело спотыкался о разные неожиданные препятствия. Впереди виднелся слабый огонек и слышались голоса. Хорнблауэр задохнулся от страха: быть может, готовится бунт. Он загородил рукой окошко фонаря и тихо двинулся вперед. Два фонаря висели на низких палубных бимсах, под ними сгрудились человек десять, даже больше, – до Хорнблауэра доносился шум голосов, но слов было не разобрать. Тут шум перешел в рев, кто-то в центре круга встал почти в полный рост, насколько позволял ему палубный бимс. Он без всякой видимой причины мотал головой из стороны в сторону. Лицо его было скрыто от Хорнблауэра. Тут Хорнблауэр вздрогнул, увидев, что руки человека связаны за спиной. Сидевшие снова взревели, словно болельщики на скачках; человек со связанными руками повернулся и оказался к Хорнблауэру лицом. Это был Стайлс, тот самый, который страдал от чирьев, Хорнблауэр сразу его узнал. Но сильнее всего Хорнблауэра поразило другое. На лице Стайлса висело что-то жуткое. Его-то Стайлс и пытался стряхнуть, мотая головой. Это была крыса. Желудок Хорнблауэра перевернулся от ужаса и отвращения.

Сильно рванув головой, Стайлс сбросил с лица крысу, затем неожиданно плюхнулся на колени и, с завязанными руками, попытался схватить ее зубами.

– Время! – крикнул кто-то голосом боцмана Патриджа.

Этот голос так часто будил Хорнблауэра, что он не мог его не узнать.

– Пять дохлых, – сказал другой голос. – Кто угадал, платите.

Хорнблауэр шагнул вперед. Часть каната была сложена в бухту, образуя крысиный загон, в нем на коленях стоял Стайлс, вокруг были живые и мертвые крысы. Возле загона, лицом к нему, сидел Патридж с песочными часами, которыми замеряют время при бросании лага.

– Шесть дохлых, – запротестовал кто-то. – Эта дохлая.

– Нет, не дохлая.

– У нее спина сломана. Она дохлая.

– Она не дохлая, – сказал Патридж.

Тут споривший поглядел вверх и увидел Хорнблауэра. Слова замерли у него на губах. Все остальные проследили его взгляд и тоже замерли; Хорнблауэр выступил вперед. Он по-прежнему не знал, что делать, не мог побороть тошноту, вызванную кошмарным зрелищем. Превозмогая страх, он в то же время быстро соображал, что делать, и решил нажать на дисциплину.

– Кто тут старший? – спросил Хорнблауэр.

Он оглядел собравшихся: унтер-офицеры, уорент-офицеры второго разряда, боцманы, помощники плотника. Магридж, помощник лекаря, – это многое объясняет. Но и его положение было не простым. Авторитет мичмана с небольшой выслугой зависит главным образом от личных качеств. Он и сам всего лишь уорент-офицер; в конце концов какой-то мичман не так уж важен в корабельном хозяйстве, и его легко заменить – не то что, скажем, сидевшего здесь Уолберна, купора, знавшего все об изготовлении и хранении бочек с водой.

– Кто тут старший? – повторил Хорнблауэр и вновь не получил прямого ответа.

– Мы не на вахте, – сказал кто-то из сидевших сзади.

Хорнблауэр уже овладел собой; возмущение еще кипело в нем, но внешне он казался спокойным.

– Да, вы не на вахте, – холодно сказал он. – Вы играете в азартные игры.

Магридж бросился защищаться.

– Какие азартные игры, мистер Хорнблауэр? – сказал он. – Обвинение очень серьезное. У нас просто джентльменское состязание. Вы не можете вменя... вменить нам в вину азартные игры.

Магридж – пьяница, тут сомнений нет; скорее всего, он следует примеру своего начальника. В лазарете всегда полно бренди. Хорнблауэр задрожал от ярости; он с трудом сдерживался. Однако гнев помог ему обрести вдохновение.

– Мистер Магридж, – произнес он ледяным голосом, – советую вам говорить поменьше. Против вас можно выдвинуть и другие обвинения, мистер Магридж. Служащий вооруженных сил его величества может быть обвинен по статье о приведении себя в негодность для службы, мистер Магридж. Есть также статьи о пособничестве и подстрекательстве, которые могут коснуться вас. На вашем месте я заглянул бы в Свод законов военного времени, мистер Магридж. За это преступление прогоняют сквозь строй эскадры.

Чтоб придать силы своим словам, Хорнблауэр указал на Стайлса. По лицу матроса текла кровь. Хорнблауэр отмел аргументы противников, выбрав ту же линию, что и они; они пытались защищаться в рамках закона, и он в рамках закона разбил их наголову. Взяв верх, он мог теперь дать волю своему возмущению.

– Я мог бы обвинить каждого из вас! – заревел он. – Вы пошли бы под трибунал... лишились чинов... отвели бы кошек... Все до единого... Клянусь Богом, Патридж, еще один такой взгляд, и я это сделаю. Поговори я с мистером Эклсом, вы через пять минут оказались бы в

кандалах. Я больше не потерплю этих гнусных игр. Выпустите крыс, вы, Олдройд, и вы, Льюис. Стайлс, залепите себе лицо пластырем. Вы, Патридж, прикажите смотать канат в бухту, как положено, прежде чем мистер Уолдрон его увидит. Я буду впредь за вами присматривать. Если услышу хоть слово о вашем дурном поведении, вы тут же окажетесь на решетчатом люке¹³. Я так сказал, и, клянусь Богом, я это исполню!

Хорнблауэр сам дивился и своему красноречию, и своей выдержке. Он не знал, что окажется на такой высоте. Он мысленно формулировал заключительный залп, но подходящая фраза пришла ему в голову, когда он уже направлялся к выходу. Он повернулся назад и выпалил:

– И чтобы впредь во время собачьих вахт вы забавлялись на палубе, а не жались в канатном ящике, словно какие-нибудь французишки.

Такая речь пристала бы важному старому капитану, а не младшему мичману, но она позволила ему удалиться достойно. Позади возбужденно гудели голоса. Хорнблауэр поднялся на палубу, в безрадостную серость преждевременной ночи, и, чтобы согреться, решил пройтись. «Неустанный» упрямо боролся с ревущим западным ветром, из-под его носа фонтаном летели брызги, швы текли, переборки стонали. Кончался день, похожий на предыдущий. Сколько таких еще впереди?

Однако прошло несколько дней, и однообразие корабельной жизни было нарушено. Сумеречным утром хриплый крик впередсмотрящего заставил всех обратить взоры к наветренной стороне. На горизонте виднелось едва заметное пятнышко – корабль. Вахтенные бросились к брасам, и «Неустанный» лег в самый крутой бейдевинд. Капитан Пелью появился на палубе в бушлате поверх ночной рубашки и направил подзорную трубу на незнакомый корабль. Десять подзорных труб уже смотрели туда же. Хорнблауэр, глядя в трубу, предназначенную для младшего вахтенного офицера, увидел, как серый прямоугольник разделился на три, а эти три стали суживаться, затем вновь увеличились и слились в один.

– Повернул оверштаг, – сказал Пелью. – Команде класть судно на другой галс!

«Неустанный» лег на другой галс. Вахтенные матросы побежали по вантам отдавать рифы на марселях, а офицеры на палубе внимательно разглядывали натянутые паруса, просчитывая вероятность того, что бушующий штормовой ветер порвет полотно или сломает мачту. «Неустанный» накренился так, что на качающейся палубе стало трудно устоять; все, кому в данный момент нечего было делать, уцепились за леер с наветренной стороны и принялись глазеть на незнакомый корабль.

– Фок- и грот-мачты почти одинаковой высоты, – сказал Хорнблауэру лейтенант Болтон, не отнимая от глаза подзорную трубу. – Марсели белые, как пальчики у миледи. Ясное дело, мусью.

Паруса британских судов потемнели от долгой службы в любую погоду; когда французский корабль высовывал нос из гавани, пытаясь прорвать блокаду, безупречно-белые паруса выдавали его лучше всяких особенностей постройки.

– Мы его нагоняем, – сказал Хорнблауэр.

Глаза болели от долгого глядения в подзорную трубу, еще сильнее ныла державшая трубу рука, но, взволнованный погоней, он не давал им отдыха.

– Не так быстро, как хотелось бы, – вздохнул Болтон.

– К грота-брасам! – закричал Пелью.

Чрезвычайно важно развернуть паруса так, чтобы держать как можно круче к ветру, – сотня ярдов, выигранных у ветра, стоят мили в расстоянии между кораблями. Пелью посмотрел вверх на паруса, назад, на быстро исчезающий пенный след, вбок на французский корабль, прикинул силу ветра, оценил давление на паруса, используя весь свой богатый опыт, чтобы

¹³ Когда матросов пороли кошками, их привязывали к решетчатому люку.

сократить разрыв. В следующий миг он приказал выдвинуть пушки с наветренной стороны, что несколько уменьшило крен.

– Теперь мы его нагоняем, – сказал Болтон со сдерживаемым оптимизмом.

– Свистать всех по местам! – крикнул Пелью.

Корабль ждал этой команды. Оркестр морской пехоты ударил в барабаны, по всему кораблю прокатился грохот, тут же засвистели дудки – боцманматы подхватили приказ. Матросы дисциплинированно побежали к боевым постам. Хорнблауэр, спешивший к наветренным бизань-вантам, на бегу увидел несколько ухмыляющихся лиц; скорая битва и даже смертельная опасность были лучше, чем бесконечная тоска блокады.

На бизань-марсе он оглядел своих матросов. Они расчехлили замки ружей и проверяли затравку; убедившись в их готовности, Хорнблауэр занялся фальконетом. Ставив с казенной части брезентовый чехол и вынув из дула пробку, он снял удерживающие фальконет наитовы и удостоверился, что вертлюг свободно поворачивается в гнезде, а цапфы – в вилке. Дернул шнур, проверяя, что кремнь хорошо дает искру и нет необходимости его менять. Финч забрался на марс, неся перекинутый через плечо брезентовый пояс с картузами. Мешочки с ружейными пулями гирляндами висели на ограждении. Финч забил картуз в короткое дуло, Хорнблауэр держал наготове мешочек с пулями, чтобы забить следом. Потом он взял перовую трубку – наполненный порохом стержень птичьего пера – и аккуратно начал вводить ее в запальное отверстие, пока острый конец трубки не проткнул саржевую оболочку картуза. Перовая трубка и кремневый замок на марсе незаменимы: здесь нельзя держать наготове горящие фитили, слишком уж велика опасность, что загорятся паруса и такелаж. Однако и фальконет, и ружья на марсе очень важны из тактических соображений. Когда корабли сойдутся рей к рею, люди Хорнблауэра смогут огнем очистить шканцы врага, его мозг.

– Финч, прекрати немедленно! – раздраженно крикнул Хорнблауэр, заметив, что матрос вновь устался на грота-марс. Сейчас ему было не до снисхождения к слабоумному.

– Прошу прощения, сэр, – произнес Финч, возвращаясь к своим обязанностям.

Через несколько секунд Хорнблауэр услышал, как Финч шепотом разговаривает сам с собой.

– Там мистер Брейсгедл, – шептал Финч, – и Олдройд там, и все остальные. Но и Он тоже там.

– К повороту! – донеслось с палубы.

Добрый старый «Неустанный» развернулся, застонали поворачиваемые брасами реи. Французы смело попытались обстрелять идущего на них врага продольным огнем, быстрый маневр Пелью их упредил. Теперь корабли параллельными курсами шли в бакштаг на расстоянии пушечного выстрела.

– Гляньте-ка на него, – крикнул Дуглас, один из марсовых стрелков. – По двадцать пушек с каждого борта. Неплохо выглядит, а?

Хорнблауэр тоже смотрел на палубу француза: пушки выдвинуты, возле них суетится орудейная прислуга, офицеры в белых панталонах и синих сюртуках прохаживаются туда-сюда, из-под форштевня летят брызги.

– Еще лучше будет выглядеть, когда мы приведем его в Плимут, – отозвался матрос по другую сторону от Хорнблауэра.

«Неустанный» был немного быстроходней – он подходил все ближе к врагу, не давая французу уйти вперед. Хорнблауэра потрясла тишина на обоих судах: он уже привык, что французы обычно начинают стрелять издалека, попусту тратя первый, особенно тщательно подготовленный, залп.

– Когда он стрелять начнет? – спросил Дуглас, словно угадав мысль Хорнблауэра.

– В свое время, – пискнул Финч.

Полоска пенной воды между кораблями все уменьшалась. Хорнблауэр развернул фальконет и посмотрел в прицел. Он мог навести орудие на вражеские шканцы, но для ружейных пуль расстояние еще велико. В любом случае он не решался открыть огонь без приказа Пелью.

– Вот нам по кому стрелять! – сказал Дуглас, указывая на бизань-марс французов.

Судя по синим мундирам и портупоям, там стояли солдаты: французы часто разбавляли свои малочисленные команды солдатами, в британском же флоте морские пехотинцы никогда не лазили по вантам. Увидев жест Дугласа, французские солдаты принялись грозить кулаками, а молодой офицер вытащил шпагу и запальчиво взмахнул ею над головой. Если корабли так и будут идти параллельно, Хорнблауэр сможет стрелять по бизань-марсу французов, если предпочтет прекратить огонь оттуда, а не прочесывать шканцы. Хорнблауэр с интересом вглядывался в людей, которых должен будет убивать. Он так увлекся, что грохот канонады застал его врасплох; прежде чем он взглянул вниз, французские ядра успели просвистеть мимо, и через мгновение «Неустанный» содрогнулся, все пушки выстрелили одновременно. Ветер отнес дым вперед, так что до бизань-марса он не поднялся. На палубе «Неустанного» лежали убитые; убитые падали на палубе француза. Однако Хорнблауэр видел – для ружей расстояние все еще велико.

– Они по нам стреляют, – сказал Херберт.

– Пусть их, – ответил Хорнблауэр.

С качающегося марса на таком расстоянии, да еще из ружья, невозможно попасть в цель. Хорнблауэр видел это так ясно, что в его голосе, несмотря на возбуждение, прозвучала твердая уверенность. Удивительно, как два тихих слова сразу успокоили людей. Внизу беспрестанно гремели пушки, корабли быстро сближались.

– Пли! – крикнул Хорнблауэр. – Финч!

Он посмотрел вдоль фальконета. В грубую прорезь мушки видны были штурвал французского судна, двое рулевых и двое офицеров позади них. Хорнблауэр дернул спусковой шнур. Через десятую долю секунды фальконет громыхнул. Прежде чем его окутало дымом, Хорнблауэр почувствовал, как мимо виска пролетела выброшенная из запального отверстия трубка. Финч уже банил дуло.

У картечи слишком большой разлет: лишь один из рулевых упал, а кто-то другой уже бежал сменить его. Тут весь марс бешено закачался; Хорнблауэр почувствовал это, но ничего не понял. Все произошло одновременно. Доски под его ногами затряслись, – видимо, ядро угодило в бизань-мачту. Финч забивал в орудие картуз. Что-то угодило в казенную часть фальконета – пуля с французского бизань-марса. Хорнблауэр старался не терять голову. Он взял еще одно заостренное перо. Втыкать его надо было настойчиво, но мягко: если трубка сломается в запальном отверстии, с ней будет много возни. Когда Хорнблауэр направлял фальконет вниз, пуля ударила в ограждение рядом с ним, но он не обратил внимания. Кажется, марс раскачивается сильнее обычного? Не важно. Хорнблауэр тщательно прицелился во вражеские шканцы и дернул шнур. Он увидел, как падают убитые, как закрутились рукоятки брошенного штурвала. Тут оба корабля с треском столкнулись бортами, и мир обратился в хаос, по сравнению с которым все происходившее ранее могло показаться детской игрой.

Мачта падала. Марс описал в воздухе головкружительную дугу, так что, лишь счастливо уцепившись за фальконет, Хорнблауэр не полетел, как пущенный из пращи камень. Все завертелось. Ванты с одной стороны были порваны, и два ядра угодили в шпор мачты, она зашаталась и накренилась. Натяжение бизань-штагов отклонило ее вперед, оставшиеся ванты – к правому борту; когда порвался стень-фордун, ветер завладел крьюселем. Мачта с треском наклонилась вперед: стеньга зацепилась за грота-рей и все повисло, готовое в любую минуту разлететься на составные части. Пятка мачты задержалась на палубе, мачта и стеньга еще держались вместе, скрепленные стень-эзельгофтом и салингом, хотя совершенно непонятно, как стеньга не вывернула стень-эзельгофт. Пока нижний конец мачты оставался на палубе, а стеньга цепля-

лась за грота-рей, у Хорнблауэра и Финча оставались шансы выжить, но движение судна, новый выстрел французов или разрыв слишком туго натянутых тросов могут лишить их последнего шанса. Мачта может скатиться с рея, стеньга может сломаться, пятка мачты может соскользнуть с палубы – спасаться надо немедленно, пока ничего этого не произошло. Грот-стеньга и все, что на ней, было поломано и раскачивалось одним спутанным клубком: паруса, рангоут и тросы. Крюсель оторвался. Хорнблауэр посмотрел на Финча: тот цеплялся за фальконет. Больше никого на круто наклоненном марсе не было. Правые ванты крюйс-стеньги еще держались, они, как и сама стеньга, лежали на грота-рее, тугие, как струны, и рей натягивал их, как перемычка у скрипки. Но эти ванты – единственный путь к спасению, опасный путь от гибельного марса к относительной безопасности грота-рея. Мачта заскользила к ноку рея. Даже если грота-рей выдержит, бизань-мачта все равно скоро скатится в море. Кругом стоял невыразимый грохот: мачты ломались, тросы лопались, пушки не смолкали, снизу доносились вопли и стоны. Марс снова содрогнулся. Две ванты лопнули от натяжения, и хлопок, с которым они разорвались, был отчетливо слышен, несмотря на грохот. Мачта дернулась, раскачивая марс, фальконет и двух несчастных, вцепившихся в него. Застывшие голубые глаза Финча двигались вместе с мачтой. Позднее Хорнблауэр понял, что мачта падала не больше нескольких секунд, но тогда ему казалось, что у него достаточно долгих минут на размышления. Как и Финч, он шарил глазами, ища спасения.

– Грота-рей! – крикнул он.

Лицо Финча осветилось идиотской улыбкой. Он инстинктивно цеплялся за фальконет, но не боялся и не стремился спастись на грота-рее.

– Финч, дурак! – заорал Хорнблауэр.

Он самым невероятным образом зацепился коленом за фальконет, чтоб высвободить руку и показать, куда прыгать, но Финч и не думал двигаться.

– Прыгай, черт тебя побери! – орал Хорнблауэр. – На ванты... на рей... Прыгай!

Финч только улыбался.

– Прыгай и добирайся до грота-марса! О господи!.. – И тут его осенило. – На грота-марс! Там Бог, Финч! Прыгай к Богу, быстро!

Эти слова проникли в затуманенный мозг Финча. Он отрешенно кивнул, отпустил фальконет и прыгнул, как лягушка. Упав на ванты крюйс-стеньги, он начал карабкаться по ним. Мачта сдвинулась еще, так что, когда Хорнблауэр прыгнул, лететь надо было дальше. Он уцепился за крайнюю вантину, подтянулся раскачиваясь, едва не выпустил ее из рук, но тут встречное движение мачты пришло ему на помощь. Обезумев от паники, он полез по вантам. Вот наконец и спасительный грота-рей. Хорнблауэр перебрался на него как раз тогда, когда крен корабля столкнул с рея крюйс-стеньгу. Она оторвалась от бизань-мачты, и все вместе полетело за борт. Хорнблауэр прополз по рею вслед за Финчем и на грота-марсе был восторженно встречен мичманом Брейсгедлом. Брейсгедл не был Богом, но Хорнблауэр, перелезая через поручни марса, подумал, что, не скажи он про Бога на грота-марсе, Финч ни за что бы не прыгнул.

– Мы думали, вы погибли, – сказал Брейсгедл, помогая ему залезть и похлопывая его по спине. – Мичман Хорнблауэр, наш летающий ангел.

Финч тоже был на марсе и улыбался своей идиотской улыбкой в окружении марсовой команды. Все были лихорадочно веселы. Хорнблауэр неожиданно вспомнил, что мгновения назад был самый разгар битвы; сейчас пушки смолкли, даже криков почти не было слышно. Он проковылял к краю марса – удивительно, как трудно было идти, – и осмотрелся. Подошел Брейсгедл. С высоты Хорнблауэр различил на палубе француза множество фигурок. Эти в клетчатых рубашках – наверняка британские моряки. А вот и Экклс, первый лейтенант «Неустанного», стоит с рупором на шканцах.

– Что произошло? – изумленно спросил Хорнблауэр у Брейсгедла.

– Что произошло?! – Брейсгедл несколько секунд таращился на него, пока понял. – Мы взяли его на abordаж. Экклс и его команда перепрыгнули на палубу француза, как только мы свалились бортами. Вы что, не видели?

– Нет, не видел, – сказал Хорнблауэр и заставил себя пошутить: – Другие дела потребовали в тот момент моего внимания.

Он вспомнил, как раскачивался бизань-марс, и ему стало худо. Но он не хотел, чтоб Брейсгедл это заметил.

– Я должен спуститься на палубу и доложиться, – сказал он.

Хорнблауэр медленно и мучительно слез по грот-вантам, руки и ноги его не слушались. Даже на палубе он так и не почувствовал себя в безопасности. Болтон на шканцах руководил разборкой обломков бизань-мачты. При виде Хорнблауэра он вздрогнул от изумления.

– Я-то думал, вы у Дэви Джонса¹⁴ за бортом, – сказал лейтенант и глянул вверх. – Успели добраться до грота-рея?

– Да, сэр.

– Замечательно. Думаю, Хорнблауэр, вам суждено быть повешенным. – Болтон обернулся к матросам. – Стоп! Клайнс, спускайся! Легче, легче, не то упустите!

Он некоторое время наблюдал за работой матросов, прежде чем снова обратился к Хорнблауэру.

– Месяца два с матросами не будет никаких хлопот, – сказал он. – С починкой они так уработаются, с ног будут падать. Часть придется отправить в призовую команду, я не говорю уж, сколько погибло. Не скоро им захочется чего-то новенького. Полагаю, что и вам, Хорнблауэр.

– Да, сэр, – отвечал Хорнблауэр.

¹⁴ Дэви Джонс – в морском фольклоре дьявол, морской бес.

Глава шестая

Раки и лягушатники

– Идут, – сказал мичман Кеннеди.

Немузыкальное ухо Хорнблауэра уловило звуки военного оркестра. Вскоре, сияя багрянцем, золотом и белизной, из-за угла выступила голова колонны. Яркие лучи солнца играли на медных трубах; дальше плескалось на древке полковое знамя, гордо несомое знаменосцем в сопровождении караула. За знаменем ехали двое верховых офицеров, за ними длинной красной змеей извивался полубатальон, примкнутые штыки вспыхивали на солнце. Сзади бежали все плимутские ребятишки, до сих пор не пресытившиеся воинскими церемониями. Моряки на набережной разглядывали солдат с любопытством, к которому примешивались жалость и что-то вроде презрения. Постоянная муштра, тяжелое обмундирование, железная дисциплина – весь солдатский быт составлял разительный контраст более разнообразной жизни моряка. Трубы смолкли, и один из офицеров, прищпорив лошадь, выехал в голову колонны. По его приказу солдаты повернулись к причалу, пять сотен каблуков стукнули, как один. Грузный сержант-майор с блестящей лентой на груди и тростью, поблескивающей на солнце серебряным набалдашником, прошелся, равняя и без того безупречный строй. По третьему приказу все приклады уперлись в землю.

– Штыки – отомкнуть! – рявкнул верховой офицер.

То были первые слова, которые Хорнблауэр понял.

Он буквально с вытаращенными глазами наблюдал следовавшие за этим эволюции. Правофланговые унтер-офицеры вышли на три шага вперед, точно марионетки на одной веревочке, обернулись к шеренге и начали задавать ритм: отсоединить штыки, зачехлить их, вернуть ружья на место. Правофланговые встали обратно в шеренгу, насколько мог видеть Хорнблауэр, секунда в секунду, но сержант-майор остался недоволен. По его приказу они снова вышли вперед и вернулись в строй.

– Хотел бы я видеть, как они полезут на ванты в штормовую ночь, – задумчиво произнес Кеннеди. – Как вы думаете, они могут завязать ноковый бензель на грот-марселе?

– Одно слово, раки! – сказал мичман Брейсгедл.

Все пять рот стояли в шеренгу, разделенные сержантами с алебардами; от алебарды до алебарды солдаты располагались точно по росту, самые высокие с флангов, самые низкие – в центре каждой роты. Ни один палец, ни одна бровь не шевелились. У каждого солдата на затылке – тугая напудренная косичка.

Верховой офицер рысью проехал вдоль шеренги, туда, где ждали флотские офицеры. Лейтенант Болтон, назначенный руководить ими, выступил вперед, держа руку у поля шляпы.

– Мои люди готовы к погрузке, – сказал армейский офицер. – Багаж последует незамедлительно.

– Есть, майор, – сказал Болтон. Армейское обращение странно прозвучало в его устах.

– Предпочтительно, чтоб вы обращались ко мне «милорд», – сказал майор.

– Есть, сэр... милорд, – отвечал выбитый из колеи Болтон.

Его сиятельство граф Эдрингтонский, командующий Сорок третьим пехотным полубатальоном, плечистый молодой человек чуть старше двадцати лет, был одет в безукоризненно подогнанный мундир, обладал великолепной выправкой и восседал на превосходном скакуне, однако для своего ответственного поста казался несколько юн. Практика покупки офицерских

патентов¹⁵ позволяла совсем молодым людям занимать высокие посты, и армию эта система, видимо, устраивала.

– Французские вспомогательные части получили приказ явиться сюда же, – продолжал лорд Эдрингтон. – Надеюсь, вы распорядились подготовить всё к их погрузке?

– Да, милорд.

– Насколько я понял, ни один из этих бродяг не говорит по-английски. У вас есть офицер, который мог бы переводить?

– Да, милорд. Мистер Хорнблауэр!

– Сэр!

– Вы будете присутствовать при погрузке французских частей.

– Есть, сэр.

Опять послышались звуки военного оркестра. Немзыкальное ухо Хорнблауэра различило, что он играет чуть повыше, чем оркестр британской пехоты. Под эту музыку на боковой дороге появились французы, и Хорнблауэр поспешил им навстречу. Вот она, Королевская, Христианская и Католическая армия, по крайней мере ее часть – батальон, собранный французскими дворянами-эмигрантами для борьбы с революцией. Во главе колонны плыл белый стяг с золотыми лилиями, за ним ехали несколько верховых офицеров. Хорнблауэр отдал честь. Один из офицеров вернул приветствие.

– Маркиз де Пюзож, бригадный генерал на службе его христианнейшего величества Людовика Семнадцатого, – представился он по-французски.

На нем была белоснежная форма и голубая лента через плечо. Спотыкаясь на французских словах, Хорнблауэр представился гардемарином Военно-морского флота его британского величества, прикомандированным для погрузки французских войск.

– Мы готовы, – сказал де Пюзож.

Хорнблауэр оглядел ряды французов. Те стояли, кому как вздумается, и глазели по сторонам. Одеты они были хорошо, в синие мундиры, выданные, как решил он про себя, британским правительством, но португееи уже запачкались, пуговицы облезли, оружие потускнело. Однако сражаться они, без сомнения, будут.

– Вот транспортные суда, предназначенные для ваших людей, сэр, – показал Хорнблауэр. – «София» возьмет триста, а «Дамбертон» – вот он – двести пятьдесят. Лихтеры, чтоб перевезти людей, у причала.

– Приказывайте, господин де Монкутан, – обратился де Пюзож к одному из офицеров.

Поскрипывая, выползли вперед наемные повозки, груженные ранцами, и колонна рассыпалась: все бросились разбирать свои пожитки. Потребовалось некоторое время, чтобы построить людей заново, уже с ранцами, и тут же возникло новое затруднение: нужно было выделить несколько человек для погрузки полкового багажа. Те, кому выпала эта обязанность, с явной неохотой отдали ранцы товарищам, видимо не надеясь получить обратно их содержимое. Хорнблауэр продолжал давать разъяснения.

– Лошадей следует отправить на «Софию», – говорил он. – Там подготовлено шесть стойл. Полковой багаж...

Он замер на полуслове, заметив на одной из повозок некий странный механизм.

– Скажите, пожалуйста, что это такое? – спросил он, не сумев побороть любопытство.

– Гильотина, сударь, – ответил де Пюзож.

– Гильотина?

¹⁵ В английской армии со времен Карла II чины продавались за деньги; при производстве в следующий чин офицер продавал старый патент и покупал новый, то есть фактически только доплачивал разницу. Система эта держалась очень долго; лишь журналистские расследования во время Крымской войны привели к ее отмене в 1871 г.

Хорнблауэр был немало наслышан об этом инструменте. Революционеры поставили его в Париже и не давали ему простаивать. На гильотине был казнен сам французский король Людовик XVI. Хорнблауэр не ожидал увидеть ее в обозе контрреволюционной армии.

– Да, мы возедем ее во Францию. Я отплачу бунтовщикам их же монетой.

К счастью, Хорнблауэру не пришлось отвечать, поскольку громовой голос Болтона прервал их беседу:

– Какого черта вы там возитесь, мистер Хорнблауэр? Вы что, хотите, чтобы мы пропустили отлив?

Весьма типично для военной службы, что за плохую организацию французов влетело Хорнблауэру, – он уже к этому привык и знал, что лучше не оправдываться и молча выслушать нарекания. Он вновь занялся погрузкой французов. Наконец бесконечно усталый мичман, держа в руках исписанные ведомости, доложил Болтону, что французы, их лошади и багаж благополучно погружены, и вместо благодарности получил приказ собирать пожитки и перебираться с ними на «Софию», где по-прежнему требовались услуги переводчика. Конвой быстро вышел из Плимутского залива, обошел Эддистоун и двинулся дальше: фрегат его величества «Неустанный» под брейд-вымпелом, два канонерских брига и четыре транспортных судна. Не бог весть какая сила, чтобы опрокинуть Французскую республику. Всего-навсего одиннадцать сотен пехотинцев, Сорок третий полубатальон и небольшой батальон французов (если можно их так назвать, учитывая, что половина из них авантюристы всех национальностей). Хотя Хорнблауэр и не решался судить о французах, лежавших рядами в темном вонючем твиндеке и страдавших от морской болезни, он дивился, как можно ожидать чего-нибудь серьезного от столь малочисленной армии. Из своего богатого исторического чтения он знал, сколько небольших набегов совершалось на берега Франции в прежних войнах, и, хотя один оппозиционный политик¹⁶ и сказал, что это «швырять в окно гинейми, чтобы разбить стекло», склонен был в принципе их одобрять как один из способов ослабить врага – до тех пор, пока сам не оказался участником такой вылазки. Так что он вздохнул с облегчением, узнав от де Пюзожа, что это лишь часть их армии, причем меньшая. Де Пюзож, бледноватый от морской болезни, которую, впрочем, мужественно преодолевал, разложил в каюте на столе карты и объяснил план.

– Христианская армия, – говорил де Пюзож, – высадится здесь, у Киброна. Они отплыли из Портсмута (как же трудно произносить эти английские названия) за день до того, как мы отплыли из Плимута. Их пять тысяч под командованием барона де Шаретта. Они пойдут на Ван и на Рен.

– А что должен делать ваш полк? – спросил Хорнблауэр.

Де Пюзож снова ткнул пальцем в карту.

– Вот город Мюзийак, – сказал он. – Двадцать лиг от Киброна. Здесь дорога с юга пересекает реку Марэ. Речка маленькая, но берега у нее болотистые, и дорога идет не только по мосту, но и по длинной дамбе. Бунтовщики стоят южнее и, чтобы двинуться на север, должны пройти через Мюзийак. Здесь будем мы. Взорвем мост и будем охранять переправу. Мы задержим бунтовщиков, а за это время де Шаретт поднимет всю Бретань. Вскоре у него будет двадцать тысяч солдат, бунтовщики перейдут на нашу сторону, мы войдем в Париж и восстановим на троне его христианнейшее величество.

Вот, значит, какой план. Энтузиазм француза передался Хорнблауэру. Конечно, здесь, где дорога проходит в десяти милях от берега, и здесь, в широком устье Вилена, нетрудно будет высадить небольшой десант и захватить Мюзийак. Такую дамбу, какую описал де Пюзож,

¹⁶ Имеется в виду Генри Фокс (1705–1774). Его слова про разбивание окна гинейми относились к высадке в Рошфоре в сентябре 1757 г., во время Семилетней войны. Операция стоила примерно миллион фунтов стерлингов и закончилась грандиозным провалом.

нетрудно будет оборонять день-два даже от превосходящих сил противника. Это обеспечит де Шаретту все необходимые условия.

– Мой друг господин де Монкутан, – продолжал де Пюзож, – сеньор Мюзийака. Население встретит его с радостью.

– В большинстве своем. – Глаза де Монкутана сузились. – Кое-кто и огорчится. Я же с радостью жду встречи.

В Западной Франции, в Вандее и Бретани, долго были беспорядки. Народ, руководимый дворянством, не раз с оружием в руках восставал против парижского правительства, но каждый раз мятеж подавляли. Роялисты, которых они сейчас везли во Францию, составляли остатки мятежных сил: последний бросок костей, бросок ва-банк. В таком свете план не казался таким уж надежным.

Было серое утро, серыми были и небо, и скалы, когда конвой обогнул Бель-Иль и подошел к устью Вилена. Далеко к северу, в Кибронском заливе, виднелись белые марсели корабля. Хорнблауэр, стоявший на палубе «Софии», видел, как он обменивается сигналами с «Неустанным», докладывая о своем прибытии. То, что, используя особенности береговой линии, они могли нанести удар одновременно с двух точек, разделенных сорока милями суши, но хорошо одновременно видимых с моря, свидетельствовало о гибкости и подвижности военного флота. Хорнблауэр прочесал подзорной трубой вражеский берег, перечел приказ для капитана «Софии» и вновь принялся глядеть на берег. Он различал узкое устье Марэ и глинистую полосу, на которую предстояло высаживаться войскам. «София» пробиралась к назначенной стоянке, неуютно переваливаясь с боку на бок. Лот бросали беспрерывно: эти воды хоть и защищены от ветра, представляют собой такой сумасшедший клубок противоположных течений, что в сравнении с ним самое бурное море покажется спокойным. Наконец якорный канат загромыхал через клюз, и «София» закачалась под действием течения. Команда уже спускала шлюпки.

– Франция, милая, прекрасная Франция! – произнес рядом с Хорнблауэром де Пюзож.

С «Неустанного» донесся крик:

– Мистер Хорнблауэр!

– Сэр! – отозвался Хорнблауэр в капитанский рупор.

– Вы отправляетесь на берег с французами и остаетесь там до дальнейших распоряжений.

– Есть, сэр.

Вот, значит, как ему предстоит впервые в жизни вступить на чужую землю. Люди де Пюзожа выбирались на палубу; спустить их в ожидающие у борта шлюпки оказалось делом долгим и утомительным. Хорнблауэр размышлял про себя, что творится сейчас на берегу, – без сомнения, гонцы скачут на север и на юг с вестями о высадке десанта. Вскоре революционные генералы построят своих солдат и спешно поведут их к этому месту – хорошо, что важный стратегический пункт, который им предстоит захватить, расположен менее чем в десяти милях от берега. Он вернулся к своим делам: как только солдаты окажутся на берегу, надо будет проследить за перевозкой багажа и боеприпасов, а также несчастных лошадей, стоявших в импровизированных стойлах перед грот-мачтой. Первые шлюпки отвалили от судна; Хорнблауэр видел, как солдаты, увязая в мокрой глине, выбираются на берег, французы слева, британские пехотинцы в красных мундирах – справа. На берегу виднелось несколько рыбацких лачуг; передовые отряды двинулись к ним. По крайней мере, высадка прошла без единого выстрела. Хорнблауэр отправился на берег вместе с боеприпасами и нашел там Болтона.

– Отнесите ящики с боеприпасами выше верхних приливных отметок, – сказал Болтон. – Мы не сможем отправить их вперед, пока раки не раздобудут несколько повозок. Для пушек тоже понадобятся лошади.

Тем временем отряд Болтона вручную стаскивал на берег две шестифунтовые пушки на походных лафетах. К ним приставят моряков и повезут на лошадях – лошадей раздобудет

десант. По старой традиции британских моряков бросают на берег, когда того требует военная необходимость. Де Пюзож и его офицеры с нетерпением ждали своих скакунов и, как только лошадей свели со шлюпок на берег, тут же вскочили в седла.

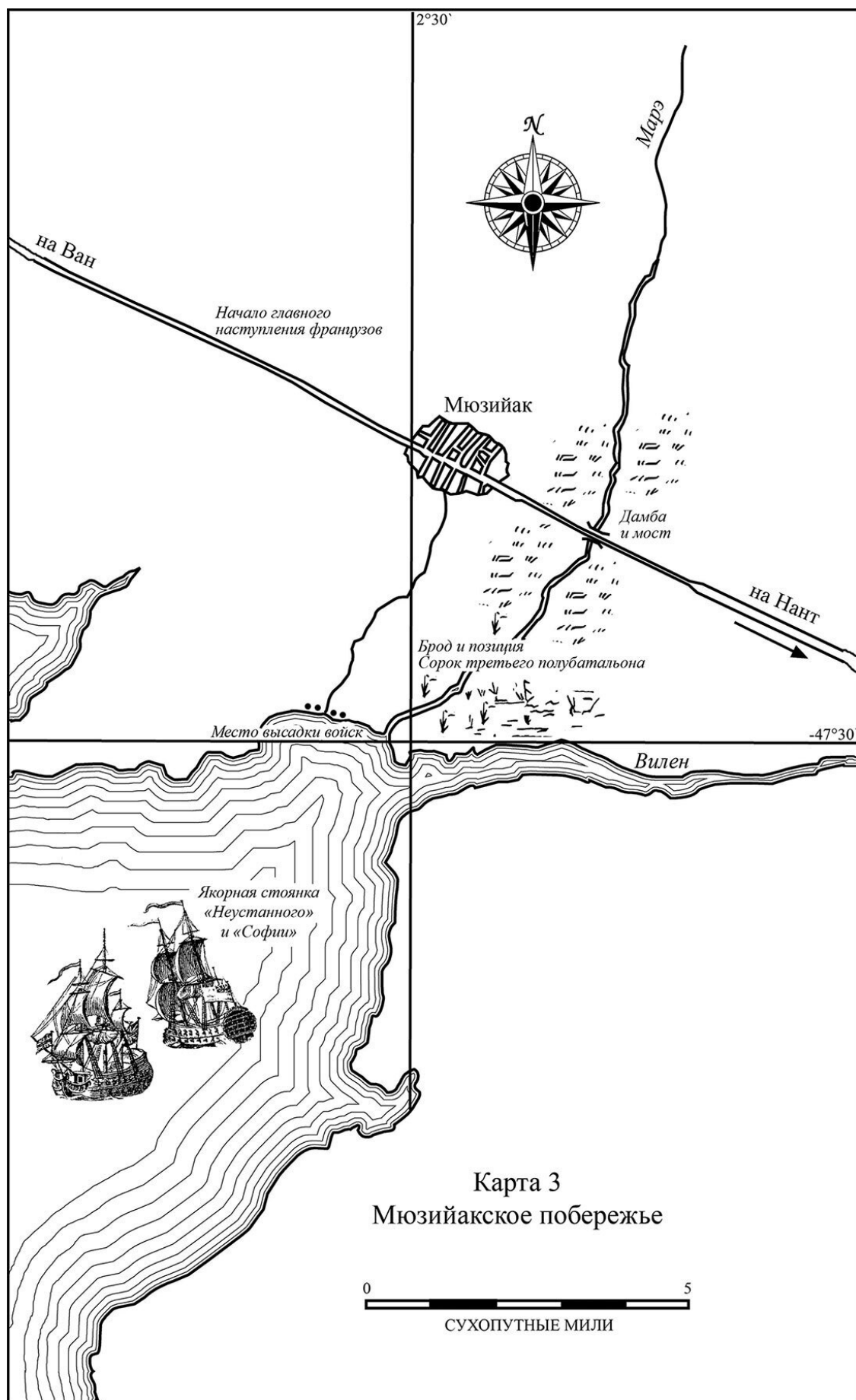
Де Монкутан и остальные поскакали вперед – возглавить пехоту, а де Пюзож задержался, чтоб обменяться несколькими словами с лордом Эдрингтоном. Британская пехота уже построилась в развернутый строй; дальше на берегу виднелись отдельные красные пятнышки – британские пикеты. Хорнблауэр не слышал разговора, но видел, как Болтон в него включился. Наконец лейтенант подозвал и его самого.

– Вы отправитесь с лягушатниками, Хорнблауэр, – сказал Болтон.

– Я дам вам лошадь, – добавил Эдрингтон. – Берите вот эту – чалую. Я хочу, чтобы с французами был кто-нибудь, на кого я могу положиться. Держите ухо востро и, как только они соберутся выкинуть какой-нибудь фортель, сразу сообщайте мне. Кто их знает, что им в голову взбредет.

– Вот и последний багаж выгрузили, – сказал Болтон. – Я пошлю его вам, как только получу повозки. А это что за черт?

– Передвижная гильотина, сэр, – объяснил Хорнблауэр. – Часть французского багажа.

Все трое повернулись и посмотрели на де Пюзожа, который, не понимая ни слова, нетерпеливо слушал разговор. Однако сейчас он догадался, о чем они говорят.

– Ее надо отправить в Мюзийак в первую очередь, – сказал он Хорнблауэру. – Будьте так добры, скажите этим джентльменам.

Хорнблауэр перевел.

– Сначала я отправлю пушки и боеприпасы, – отрезал Болтон. – Но я прослежу, чтобы он скоро ее получил. Ну, отправляйтесь.

Хорнблауэр с опаской приблизился к чалой. Последний раз он ездил на лошади в детстве, в деревне. Он вставил ногу в стремя, взобрался в седло и, когда чалая тронулась, нервно вцепился в поводья. С лошади земля казалась так же далеко, как с грот-марса. Де Пюзож прищипорил скакуна и помчался вперед, чалая последовала за ним, унося на спине отчаянно цепляющегося Хорнблауэра, забрызганного грязью из-под копыт лошади де Пюзожа.

От рыбацкой деревушки вела проселочная дорога, поросшая по обочине травой, и де Пюзож быстро поскакал по ней, за ним, болтаясь в седле, Хорнблауэр. Через три или четыре мили они догнали арьергард французской пехоты, быстро марширующей по грязи. Де Пюзож пустил коня шагом. Когда колонна поднялась на холм, они увидели далеко впереди белое знамя. Сбоку от дороги расстилались каменистые поля, слева виднелся серый каменный домик. Солдат в синем мундире вел запряженную в телегу лошадь, двое или трое других удерживали разъяренную крестьянку. Так участники вылазки раздобывали необходимый транспорт. На другом поле солдат штыком подгонял корову – зачем, Хорнблауэр вообразить не мог. Дважды он слышал ружейные выстрелы, на которые никто не обращал внимания. Дальше они встретили солдат, ведущих к берегу двух тощих лошадей. Проходящие мимо товарищи широко ухмылялись и осыпали их шутками, но чуть подальше Хорнблауэр увидел брошенный на поле плуг и серую кучку тряпья возле него. Это был убитый.

Справа тянулась заболоченная речная долина, и Хорнблауэр скоро увидел далеко впереди мост и дамбу, те самые, которые им предстояло захватить. Дорога уходила вниз. Миновав несколько серых домишек, они вышли на большую дорогу, вдоль которой раскинулся город. Здесь стояли серая каменная церковь, гостиница и почтовая станция, уже окруженная солдатами. Дорога расширялась и была обсажена деревьями. Хорнблауэр решил, что это городская площадь. Из окон изредка кто-нибудь выглядывал, но на улицах горожан не было, только две женщины поспешно запирали лавки. Де Пюзож остановил лошадь и принялся отдавать распоряжения. Из почтовой станции уже вывели лошадей, и гонцы сновали туда-сюда с какими-то неотложными поручениями. По команде де Пюзожа один из офицеров собрал солдат (ему пришлось долго увещевать их, размахивая руками) и повел к мосту. Другой отряд двинулся в противоположном направлении, охранять город на случай непредвиденной атаки с той стороны. Толпа солдат расселась на корточках прямо на площади и жадно набросилась на хлеб, который вынесли из лавки, взломав дверь. Двух или трех горожан приволокли к де Пюзожу и по его указанию потащили в городскую тюрьму. Мюзийак был взят.

Де Пюзож, видимо, в этом не сомневался. Взглянув на Хорнблауэра, он развернул лошадь и рысью поскакал к дамбе. Город кончился, дальше начиналось болото, на пустыре между ними передовой отряд уже разложил костер. Солдаты сидели вокруг огня и жарили на штыках куски говядины, рядом лежал коровий остов с остатками мяса. Дальше, там, где дамба переходила в мост, грелся на солнышке часовой. Ружье он прислонил к парапету у себя за спиной. Все казалось тихим и мирным. Де Пюзож въехал на мост, Хорнблауэр за ним. Они посмотрели на другой берег, врага нигде не было видно. Когда они вернулись, их ждал военный в красном мундире – лорд Эдрингтон.

– Я решил посмотреть лично, – сказал он. – Позиция выглядит достаточно сильной. Как только вы поставите здесь пушки, вы сможете удерживать мост, пока не взорвете его. Но тут есть брод, переходимый в низкую воду, в полумиле по течению. Там встану я сам. Если мы не

удержим брод, нас могут обойти с тыла и отрезать от берега. Переведите этому джентльмену – как его там, – что я сказал.

Хорнблауэр как мог перевел и продолжал переводить, пока два командира, указывая пальцами в разные стороны, решали, что кому делать.

– Договорились, – сказал наконец Эдрингтон. – Не забудьте, мистер Хорнблауэр, что я должен быть в курсе всех изменений.

Он кивнул, поворотил коня и ускакал прочь. Со стороны Мюзийака появилась навозная телега, за ней с грохотом катились две шестифунтовые пушки. Каждую с трудом тащили по две лошади, ведомые под уздцы моряками. На передке повозки сидел мичман Брейсгедл. Он широкой улыбкой приветствовал Хорнблауэра.

– От шканцев до навозной телеги один шаг, – сказал Брейсгедл, – как от мичмана до артиллерийского капитана.

Он внимательно посмотрел на дамбу.

– Поставьте пушки здесь, тогда они будут простреливать ее всю, – предложил Хорнблауэр.

– Точно, – сказал Брейсгедл.

По его приказу пушки скатили с дороги и поставили вдоль дамбы, выгрузили из навозной телеги боеприпасы, расстелили на земле брезент, на него положили картузы с порохом и накрыли другим брезентом. Ядра и мешки с картечью сложили рядом. Возбужденные новой обстановкой, матросы работали в охотку.

– С кем не поведешься от бедности, – сказал Брейсгедл, – и чем не займешься на войне! Вы когда-нибудь взрывали мосты?

– Никогда, – ответил Хорнблауэр.

– Вот и я. Что ж, давайте попробуем. Позвольте предложить вам место в моем экипаже.

Хорнблауэр забрался на телегу рядом с Брейсгедлом, и два матроса повели лошадей по дамбе к мосту. Здесь оба мичмана слезли и посмотрели на мутную воду – был отлив, и река текла очень быстро. Свесив головы через парапет, они осмотрели крепкое каменное основание моста.

– Нужно взорвать замковый камень свода, – сказал Брейсгедл.

Это – азбука взрывного дела, но Хорнблауэр с Брейсгедлом, раз за разом осматривая мост, не нашли, чтоб это было очень легко сделать. Взрывная волна идет вверх, кроме того, порох должен взрываться в закрытом пространстве, а как им запихнуть порох под мост?

– Может, попробуем возле быка? – неуверенно предложил Хорнблауэр.

– Надо посмотреть, – сказал Брейсгедл и повернулся к одному из матросов. – Ханней, давай трос.

Мичманы привязали трос к парапету и, осторожно упираясь ногами в скользкие камни, спустились к основанию быка. Река плескалась у самых их ног.

– Наверное, подойдет, – сказал Брейсгедл, сгибаясь вдвое, чтоб заглянуть под арку.

Время бежало быстро. Пришлось снять часть солдат с охраны моста, найти кирки, ломы или что-нибудь взамен и вывернуть несколько каменных блоков в основании арки. Два бочонка с порохом осторожно спустили на веревках и запихнули в образовавшиеся пустоты, вставили огнепроводные шнуры, а затем заложили полости камнями и землей. Когда работу закончили, под аркой было почти темно. Солдаты с трудом взобрались по веревке, а Хорнблауэр с Брейсгедлом вновь поглядели друг на друга.

– Я подожду запал, – сказал Брейсгедл. – Отправляйтесь наверх, сэр.

Спорить было не о чем: взорвать мост поручено Брейсгедлу. Хорнблауэр полез вверх по веревке, Брейсгедл вынул из кармана огниво. Поднявшись на мост, Хорнблауэр отослал повозку и стал ждать. Прошло две или три минуты, и появился Брейсгедл. Он быстро-быстро вскарабкался по веревке и перевалился через парапет.

– Бежим! – только и сказал он.

Они помчались по мосту и, задышавшись, спрятались за береговым устоем дамбы. Послышался глухой взрыв, земля под ногами вздрогнула, поднялось облако дыма.

– Пойдем посмотрим, – сказал Брейсгедл.

Они вернулись к мосту, который был весь окутан дымом и пылью.

– Только частично... – начал Брейсгедл, когда они подошли к мосту и дым рассеялся.

В этот миг второй взрыв заставил их пошатнуться. Громадный валун ударил о парапет рядом с ними, взорвался, как бомба, и осыпал их градом осколков. Арка с грохотом рухнула в воду.

– Видимо, взорвался второй бочонок, – сказал Брейсгедл, вытирая лицо. – Надо было помнить, что все запалы разной длины. Подойди мы чуть ближе, две многообещающие карьеры могли бы преждевременно оборваться.

– В любом случае мост взорван, – сказал Хорнблауэр.

– Хорошо, что хорошо кончается, – заключил Брейсгедл.

Семьдесят фунтов пороха сделали свое дело. Мост был разрезан надвое, посредине зияла рваная дыра шириной в несколько футов, за ней, свидетельствуя о крепости кладки, нависал кусок пролета от другого быка. Посмотрев вниз, они увидели, что река почти запружена камнями.

– Сегодня ночью достанет и якорной вахты, – сказал Брейсгедл.

Хорнблауэр посмотрел туда, где была привязана чалая. Очень хотелось вернуться в Мюзийак пешком, ведя лошадь в поводу, но удержал стыд. Он с усилием взобрался в седло и поехал по дороге; небо окрасилось багрянцем, близился закат.

Хорнблауэр въехал на главную улицу города. Обогнув угол, он оказался на площади. То, что он здесь увидел, заставило его неосознанно натянуть поводья и остановить лошадь. На площади толпились солдаты и горожане. В центре вздымалась в небо прямоугольная рама с блестящим лезвием. Лезвие с грохотом упало, и несколько человек, стоявших у основания прямоугольника, оттащили что-то в сторону и бросили в кучу. Передвижная гильотина работала.

Хорнблауэра затошнило – это похуже порки на корабле. Он собирался проехать вперед, когда его внимание привлек странный звук. Кто-то пел, громко и чисто. Из-за дома вышла небольшая процессия. Впереди шагал высокий курчавый мужчина в белой рубашке и темных штанах. По обе стороны шли солдаты. Он и пел; мелодия ничего не говорила Хорнблауэру, но слова он слышал отчетливо – то была французская революционная песня, отголоски которой долетели даже до другого берега Ла-Манша.

– «Священна к родине любовь»¹⁷, – пел человек в белой рубашке, и, когда горожане услышали, что он поет, они зашумели, попадали на колени, склонили головы и сложили руки на груди.

Палачи вновь поднимали лезвие, и человек в белой рубашке следил за ним взглядом, не переставая петь. Голос его не дрожал. Лезвие поднялось на самый верх, и пение наконец оборвалось: палачи набросились на человека в белой рубашке и потащили его к гильотине. С лязгом упало лезвие. По площади прокатилось эхо.

По-видимому, казнь была последняя, потому что солдаты начали разгонять горожан по домам, и Хорнблауэр направил лошадь в быстро редющую толпу. Он едва не вылетел из седла, когда чалая, фыркая, шарахнулась в сторону, – она учуяла ужасную кучу, лежавшую рядом с гильотиной. На площадь выходил дом с балконом, и на нем Хорнблауэр увидел де Пюзож в белом мундире, в сопровождении других офицеров. У дверей стояли часовые. Одному из них, входя, Хорнблауэр оставил лошадь. Де Пюзож только что спустился в гостиную.

¹⁷ «Марсельеза», перевод П. Антокольского.

– Добрый вечер, сударь. – Де Пюзож был безукоризненно вежлив. – Я рад, что вы добрались до нашей ставки. Надеюсь, затруднений не было. Мы собираемся поужинать и были бы рады, если бы вы составили нам компанию. Вы ведь верхом? Господин де Виллер распорядится, чтобы о вашей лошади позаботились.

Это было просто невероятно. Не верилось, что этот лощеный господин только что приказал устроить кровавую бойню, что элегантные юноши, с которыми он сидит за одним столом, рискуют жизнью, чтобы свергнуть жестокую, но крепкую молодую республику. Еще меньше верилось, что он сам, мичман Горацио Хорнблауэр, забирающийся на ночь в четырехспальную кровать, подвергается смертельной опасности.

На улице рыдали женщины, оплакивая увозимые солдатами обезглавленные тела, и Хорнблауэр думал, что не сможет заснуть. Однако молодость и усталость взяли свое, и он проспал почти всю ночь, хотя и проснулся с ощущением, что его мучили кошмары. В темноте все казалось ему незнакомым, и прошло несколько секунд, прежде чем он понял, где находится. Он лежал в кровати, а не в гамаке, в котором провел последние триста ночей, кровать стояла непоколебимо, как скала, а не раскачивалась из стороны в сторону. Под балдахином было душно, но то не была знакомая духота мичманской каюты, в которой застоявшийся запах человеческого тела мешался с запахом застоялой воды. Хорнблауэр был на берегу, в доме, в кровати, все кругом было тихо, неестественно тихо для человека, привыкшего к скрипу идущего по морю корабля.

Конечно, он в доме, в городе Мюзийак, в Бретани. Он спит в ставке бригадного генерала маркиза де Пюзожа, командующего французскими частями, входящими в экспедиционный корпус, который вторгся в революционную Францию, чтобы сразиться за своего короля с многократно превосходящими силами противника. Хорнблауэр почувствовал, как убыстрился его пульс, как липкий, противный страх накатывает на него, и снова вспомнил, что он во Франции, в десяти милях от «Неустанного», и лишь кучка французов – половина из них наемники всех мастей – охраняет его от плена и смерти. Он пожалел, что знает французский, – если б не это, его бы сейчас здесь не было, а при удачном стечении обстоятельств он стоял бы с британским Сорок третьим полубатальоном в полумиле отсюда.

Мысль о британских частях заставила Хорнблауэра подняться с постели. С ними надо поддерживать связь, а за ночь диспозиция могла измениться. Он отодвинул балдахин и с трудом встал; после вчерашней верховой езды все мышцы невыносимо болели. В темноте он проковылял к окну, нащупал щеколду и отворил ставни. Над пустыми улицами светил месяц. Свесившись вниз, Хорнблауэр увидел треуголку часового и сверкающий в лунном свете штык. Отойдя от окна, он нашел мундир и башмаки, оделся, нацепил абордажную саблю и как можно тише спустился вниз. В холле на столе горела свеча, рядом с ней, положив голову на руки, дремал французский сержант. Спал он чутко и, когда Хорнблауэр остановился в дверях, сразу поднял голову. На полу громко храпели остальные караульные. Они лежали вповалку, словно свиньи в хлеву, прислонив ружья к стене.

Хорнблауэр кивнул сержанту, открыл входную дверь и вышел на улицу. Легкие благодарно расширились, вбирая свежий ночной, вернее, уже утренний воздух. Небо на востоке чуть-чуть посветлело. Часовой заметил британского офицера и нехотя подтянулся. На площади по-прежнему высилась в лунном свете мрачная рама гильотины, возле нее чернели пятна крови. Интересно, кто были жертвы вчерашней казни, те, кого роялисты так спешно схватили и убили? Наверное, какие-нибудь мелкие республиканские чиновники: мэр, начальник таможни и так далее, если не просто те, на кого роялисты затаили злобу еще с революционных времен. Мир жесток и беспощаден, Хорнблауэр был в нем несчастен, подавлен и одинок.

Его размышления прервали караульный сержант и несколько солдат; они сменили часового у дверей и пошли вокруг здания, чтобы сменить остальных. Потом из-за дома на противоположной стороне улицы вышли четыре барабанщика и сержант. Они построились в ряд,

подняли палочки до уровня глаз, затем по команде сержанта враз обрушили их на барабаны и зашагали по улице, выбивая бодрый ритм. На углу они остановились, барабаны загремели протяжно и зловеще, потом барабанщики двинулись дальше, выбивая прежний ритм. Они будили расквартированных на постой солдат. Хорнблауэр, лишенный музыкального слуха, но тонко чувствующий ритм, подумал, что это хорошая музыка, настоящая музыка. Он вернулся в ставку взбодрившимся. Вошли караульный сержант и часовые, которых тот сменил с постов, на улице начали появляться первые солдаты, к штабу со стуком подскакал верховой гонец. День начался.

Бледный молодой человек прочитал записку, которую привез гонец, и вежливо протянул ее Хорнблауэру. Тому пришлось поломать над ней голову – он не привык читать по-французски написанное от руки, – но наконец смысл ее до него дошел. Из записки следовало, что события приняли новый оборот. Экспедиционный корпус, высадившийся вчера в Киброне, двинулся этим утром на Ван и на Рен, а вспомогательному корпусу, к которому был прикомандирован Хорнблауэр, надлежало оставаться в Мюзийаке, охраняя фланг. Появился маркиз де Пюзож в безукоризненно белом мундире с голубой лентой, молча прочитал записку, обернулся к Хорнблауэру и вежливо пригласил его позавтракать.

Они вошли в большую кухню, где по стенам висели начищенные медные кастрюли. Молчаливая женщина принесла им кофе и хлеб. Вполне вероятно, что она была яркой монархисткой, но по ней этого заметно не было. Возможно, на ее чувства повлияло то обстоятельство, что вся эта орда захватила ее дом, ела ее хлеб и спала в ее постелях, не платя ни су. Возможно, кое-какие реквизированные лошади и повозки тоже принадлежали ей; возможно, кто-то из погибших вчера на гильотине был ее другом. Но она принесла кофе, и собравшиеся на кухне офицеры, гремя шпорами, принялись завтракать. Хорнблауэр взял чашку и кусок хлеба – четыре месяца он не видел другого хлеба, кроме корабельных сухарей, – и отхлебнул глоток. Он не понял, понравился ли ему напиток; прежде ему всего два или три раза приходилось пробовать кофе. Он вновь поднял чашку к губам, но отхлебнуть не успел: раздавшийся вдали пушечный выстрел заставил его опустить чашку и замереть. Снова пушечный выстрел, потом еще и еще: палили шестифунтовки мичмана Брейсгедла у дамбы.

В кухне поднялись шум и суматоха. Кто-то опрокинул свой кофе, и по столу побежал черный ручеек. Кто-то ухитрился зацепиться шпорой о шпору и упал на соседа. Все говорили одновременно. Хорнблауэр был возбужден не меньше других, ему хотелось немедленно бежать на улицу, посмотреть, что происходит, но он вспомнил дисциплинированную тишину на идущем в бой «Неустанном». Он не такой, как французы. Чтоб доказать это, он поднес чашку к губам и спокойно отхлебнул. Большинство офицеров уже выскочили из кухни, требуя своих лошадей. Понадобится время, чтобы их заседлать. Хорнблауэр посмотрел на де Пюзожа, выходящего из комнаты, и допил кофе; было немножко слишком горячо, но он чувствовал, что это хороший жест. Оставался еще хлеб, и Хорнблауэр без малейшего желания заставил себя откусить и прожевать. Впереди тяжелый день, неизвестно, когда следующий раз удастся поесть. Он сунул хлеб в карман.

Во двор привели оседланных коней; заразившись общим волнением, они рвались вперед под громкие проклятия офицеров. Де Пюзож вскочил в седло и поскакал вперед, остальные за ним. Во дворе остался один солдат, державший под уздцы лошадь Хорнблауэра. Оно и к лучшему: Хорнблауэр знал, что не удержится в седле и минуты, если его лошади придет в голову рвануться вперед или встать на дыбы. Он медленно подошел к чалой, которую грум к этому времени немного успокоил, и медленно-медленно забрался в седло. Сдерживая поведением взволнованное животное, он неторопливо поехал по улице к мосту вслед за усакававшими офицерами. Лучше ехать потише и доехать наверняка, чем пустить лошадь в галоп и вылететь из седла. Пушки по-прежнему гремели: видны были клубы дыма над шестифунтовками мичмана Брейсгедла. Слева в ясном небе вставало солнце.

Ситуация у моста казалась достаточно ясной. Там, где арка была взорвана, с обеих сторон перестреливались кучки солдат, а в дальнем конце дамбы, с той стороны Марэ, поднималось облако дыма. Там стояла вражеская батарея. Она была редко и с большого расстояния. Сам Брейсгедл с абордажной саблей стоял между пушками, вокруг которых суетились его моряки. Заметив Хорнблауэра, он беспечно помахал рукой.

Английские пушки громынули. Чалая встрепелась, отвлекая внимание Хорнблауэра. Когда он смог взглянуть, колонны уже не было. Вдруг парапет дамбы рядом с ним разлетелся в куски; что-то с силой ударило в мостовую у самых конских копыт и пролетело мимо. Никогда еще ядро не проносило так близко от Хорнблауэра. Пытаясь совладать с лошастью, он потянул стремя и, как только немного с ней справился, счел за лучшее спешиться и отвести ее к пушкам. Брейсгедл приветствовал его широкой ухмылкой.

– Здесь они не пройдут, – сказал он. – По крайней мере, если лягушатники не подведут, а они вроде настроены серьезно. Дыра простреливается картечью, так что противнику не удастся перекинуть через нее временный мост. Не понимаю, зачем они тратят порох.

– Я думаю, проверяют наши силы, – произнес Хорнблауэр с видом крупного знатока.

Позволь он себе на минуту расслабиться, его бы тут же затрясло от возбуждения. Он подумал, не выглядит ли он неестественно чопорно, но это лучше, чем обнаружить волнение. Было какое-то странное удовольствие в том, чтобы стоять под ревущими пушечными ядрами, изображая закаленного в боях ветерана. Брейсгедл, казалось, полностью владел собой, он был весел и улыбался. Хорнблауэр внимательно посмотрел на него, гадая, не наигранное ли это, как у него самого, но так и не понял.

– Вот они опять, – сказал Брейсгедл. – Опять небольшая вылазка.

Несколько человек врассыпную бежали по дамбе к мосту. На расстоянии ружейного выстрела они упали на землю и открыли огонь; среди них уже были убитые, и стрелки укрывались за мертвыми телами. По эту сторону дыры солдаты отстреливались.

– У них нет никаких шансов, – сказал Брейсгедл. – Посмотрите сюда.

По дороге шла главная колонна роялистов, вызванная из города. Тут пущенное с другого берега ядро ударило в голову колонны – Хорнблауэр увидел, как падают убитые. Колонна дрогнула. Подскакал де Пюзож и принялся выкрикивать команды – колонна оставила на дороге убитых и раненых, свернула и укрылась на болотистом поле за дамбой.

Теперь, когда собрались все силы роялистов, у революционеров не осталось почти никаких шансов захватить мост.

– Мне стоит доложить об этом ракам, – сказал Хорнблауэр.

– На заре в той стороне стреляли, – заметил Брейсгедл.

Узенькая дорожка, окруженная сочной зеленью, вилась среди заболоченной долины в направлении брода, у которого стоял Сорок третий полубатальон. Прежде чем взобраться в седло, Хорнблауэр под уздцы вывел туда чалую – он решил, что это самый простой способ объяснить ей, куда ехать. Вскоре он увидел впереди на берегу красные пятнышки – вдоль реки были расставлены пикеты, на тот маловероятный случай, что противник попытается перейти через болотистое русло и атаковать британцев с фланга. У самого брода стоял дом, все поле перед ним было красным от солдатских мундиров. Здесь располагалась основная часть полубатальона. В одном месте болото суживалось, и к воде подходил небольшой пригорок; здесь стояла кучка солдат в красных мундирах, рядом с ними – лорд Эдрингтон на коне. Хорнблауэр подъехал и доложил обстановку, вздрагивая всякий раз, как лошадь под ним перебирала копытами.

– Ни одной серьезной атаки, так вы сказали? – спросил Эдрингтон.

– При мне не было ни одной, сэр.

– Вот как? – Эдрингтон посмотрел на другой берег реки. – И здесь то же самое. Ни одной серьезной попытки захватить брод. Почему они показываются время от времени, но не нападают?

– Я думал, они напрасно жгут порох, сэр, – сказал Хорнблауэр.

– Они не дураки, – фыркнул Эдрингтон, вновь внимательно всматриваясь в противоположный берег. – По крайней мере, не будет вреда, если мы примем, что они не дураки.

Он повернул лошадь и легким галопом поскакал к основной части своего отряда. Здесь Эдрингтон отдал приказ капитану, который при его появлении вскочил и вытянулся по струнке. Капитан в свою очередь прокричал приказ, его солдаты встали и построились в ровную неподвижную шеренгу. Еще два приказа, и они повернули направо и зашагали в ногу, держа ружья в точности под одним углом. Эдрингтон наблюдал за ними.

– Прикрытие с фланга не помешает, – сказал он.

С берега послышалась канонада, и они обернулись к реке: по дальней стороне вдоль болота быстро шла пехотная колонна.

– Та же колонна возвращается, сэр, – сказал ротный командир. – Или другая точно такая же.

– Маршируют взад-вперед и изредка палят, – сказал Эдрингтон. – Мистер Хорнблауэр, поставили эмигранты дозор со стороны Киброна?

– Со стороны Киброна? – Хорнблауэр был захвачен врасплох.

– Черт, вы что, слов не понимаете? Есть там дозор или нет?

– Не знаю, – вынужден был сознаться Хорнблауэр.

В Киброне стояло шеститысячное эмигрантское войско, и держать с этой стороны дозор казалось совершенно излишним.

– Тогда передайте мои приветствия генералу французских эмигрантов и скажите, что я советую ему поставить на дороге сильный отряд, если он до сих пор этого не сделал.

– Есть, сэр.

Хорнблауэр повернул лошадь на дорогу, идущую к мосту. Солнце палило над опустевшими лугами. Изредка гремела канонада, но в синем небе над головой пел жаворонок. Въезжая на последний склон, за которым дорога спускалась к мосту, Хорнблауэр услышал пальбу; ему почудились крики и стоны. То, что он увидел, въехав на гребень, заставило его натянуть поводья и остановить лошадь. Все поле было полно беглецами в белых мундирах с синими портупьями – они в панике бежали в его сторону. Среди беглецов мелькали скачущие галопом всадники, их обнаженные сабли вспыхивали на солнце. Слева скакал целый кавалерийский эскадрон, а еще дальше, со стороны ведущей к морю дороги, сверкал строй штыков. Он быстро приближался.

В эти несколько кошмарных секунд Хорнблауэр осознал истину: революционеры прорвались между Киброном и Мюзийаком и, отвлекая эмигрантов маневрами с той стороны реки, захватили их врасплох неожиданной атакой с фланга. Одному Небу известно, что произошло в Киброне, сейчас некогда было гадать. Хорнблауэр с трудом заставил лошадь повернуться и ударил ее в бок каблуками, торопя в сторону британцев. Его мотало и бросало в седле, и он отчаянно цеплялся, страхась, что вылетит из седла и попадет в плен.

Он подскакал, британцы обернулись на стук подков. Эдрингтон держал свою лошадь под уздцы.

– Французы! – хрипло выкрикнул Хорнблауэр, указывая назад. – Они идут!

– Ничего другого я и не ожидал, – сказал Эдрингтон.

Прежде чем сунуть ногу в стремя, он выкрикнул приказ. К тому времени, когда он был в седле, весь Сорок третий полубатальон построился в шеренгу. Аdjутант Эдрингтона скакал к берегу, чтобы отозвать стоявших там солдат.

– Французы, я полагаю, наступают крупными силами: конница, пехота, пушки? – спросил Эдрингтон.

– Пехоту и кавалерию я видел, сэр, – выговорил Хорнблауэр, пытаюсь успокоиться и вспомнить. – Пушек не видел.

– А эмигранты бегут, как зайцы?

– Да, сэр.

– Вот и они.

За холмиком показались несколько синих мундиров. Французы бежали, спотыкаясь от усталости.

– Я полагаю, нам следует прикрыть отступление, хотя они и не стоят того, чтобы их спасать, – сказал Эдрингтон. – Смотрите!

Отряд, который он отправил охранять фланг, стоял на вершине небольшого холма. Солдаты построились в каре, красное на зеленом фоне. Отряд всадников подскочил к холму и закружился вокруг него водоворотом.

– Хорошо, что я их там поставил, – спокойно заметил Эдрингтон. – А вот и рота Мэйна.

Вернулся отряд, стоявший у брода. Слышались отрывистые приказы. Две роты повернулись кругом. Сержант-майор, держа в руках саблю и оправленную серебром трость, ровнял строй, словно на плацу.

– Я полагаю, вам следует остаться со мной, мистер Хорнблауэр, – сказал Эдрингтон.

Он направил лошадь между двумя колоннами, Хорнблауэр отупело следовал за ним. Еще один приказ, и полубатальон медленно двинулся через долину, сержанты отсчитывали шаг, сержант-майор следил за дистанцией. Повсюду, выбиваясь из сил, бежали эмигранты. Вот один из них, задыхаясь, рухнул на землю. Потом справа за холмом возникла цепочка плюмажей, цепочка сабель – кавалерийский полк рысью скакал вперед. Хорнблауэр увидел, как взметнулись сабли, как лошади перешли в галоп, услышал крики атакующих. Солдаты в красных мундирах не двигались. Затем раздался приказ, и полубатальон неспешным шагом перестроился в каре. Верховые офицеры оказались в середине. Атакующие всадники были не более чем в сотне ярдов. Один из офицеров начал низким голосом отдавать приказы – нараспев, словно распоряжался некой торжественной церемонией. По первому приказу солдаты сняли с плеч ружья, по второму все враз щелкнули открываемыми полками. По третьему подняли ружья и прицелились.

– Слишком высоко! – сказал сержант-майор. – Ниже, эй, седьмой номер.

Атакующие были уже в тридцати ярдах. Хорнблауэр видел передовых всадников в развевающихся за плечами плащах. Они держали сабли наголо.

– Пли! – скомандовал низкий голос.

Раздался грохот – все ружья выстрелили одновременно. Каре окуталось облаком дыма. Там, куда смотрел Хорнблауэр, несколько десятков людей и лошадей лежали на земле, некоторые в предсмертных судорогах, некоторые без движения.

Кавалерийский полк разбился о каре, словно волна о скалу, и, не причинив вреда, пронесся вдоль его флангов.

– Неплохо, – сказал Эдрингтон.

Вновь зазвучал низкий речитатив; словно марионетки на одной веревочке, стрелявшие только что солдаты перезаряжали ружья. Все враз скусили патроны, все враз забили заряд, все враз, одинаково наклонив голову, выплюнули пули в ружейные стволы. Эдрингтон внимательно смотрел, как кавалерия беспорядочной толпой собирается в долине.

– Сорок третий, вперед марш! – приказал он.

Тихо и торжественно каре разделилось на две колонны и продолжило прерванный путь. Отряд, охранявший фланг, присоединился к ним, оставив на холме убитых лошадей и людей. Кто-то крикнул «ура!».

– Молчать в строю! – заорал сержант-майор. – Сержант, узнайте, кто кричал.

Но Хорнблауэр заметил как тщательно он следит за дистанцией между колоннами, подерживая ее в точности такой, чтобы рота, перестроившись, образовала каре.

– Вот они опять, – сказал Эдрингтон.

Кавалерия построилась для новой атаки, но каре уже ждало ее. Лошади устали, а люди порастеряли свой пыл. На английских солдат двигалась не прежняя сплошная стена всадников, а отдельные кучки, которые бросались то туда, то сюда и отскакивали в сторону, натолкнувшись на ряд штыков. Атака захлебнулась, по команде сержанта солдаты время от времени обстреливали наиболее назойливые отряды. Кто-то из французов (судя по золотому шитью на мундире – офицер) натянул поводья перед строем штыков и вытащил пистолет. Прежде чем он успел выстрелить, разом грянули полдюжины ружей, лицо офицера превратилось в жуткую кровавую маску, и он вместе с лошады рухнул на землю. Потом кавалерия разом повернулась, как скворцы на поле, и колонна могла продолжать свой путь.

– Никакой дисциплины у этих французов, что с той стороны, что с этой, – заметил Эдрингтон.

Колонна двигалась к морю, к спасительным кораблям, но Хорнблауэру казалось, что она еле ползет. Солдаты с томительной тщательностью печатали шаг, а рядом и впереди бурным потоком неслись эмигранты, торопясь укрыться в безопасности. Оглядываясь, Хорнблауэр видел наступающие колонны – революционная пехота нагоняла.

– Только позвольте людям бежать, и вы ничего другого от них уже не добьетесь, – сказал Эдрингтон, проследив взгляд мичмана.

Крики и стрельба с фланга привлекли их внимание. По полю рысью неслась запряженная в повозку кляча. Повозка подпрыгивала на кочках, кто-то в моряцкой одежде держал поводья, другие моряки отстреливались от нападающих всадников. То был Брейсгедл на своей навозной телеге – он потерял пушки, зато спас людей. Когда повозка приблизилась к колоннам, преследователи отстали; Брейсгедл заметил Хорнблауэра и возбужденно ему замахал.

– Боадичея и ее колесница!¹⁸ – завопил он.

– Вы очень обяжете меня, сэр, – гаркнул Эдрингтон, – если отправитесь вперед и подготовите все к нашей погрузке!

– Есть, сэр!

Тощая лошаденка рысью побежала вперед, телега подпрыгивала на ухабах, ухмыляющиеся моряки цеплялись за борта. Сбоку волной накатила пехота; безумная, размахивающая руками, бегущая толпа пыталась перерезать Сорок третьему путь. Эдрингтон взглядом окинул поле.

– Сорок третий! В развернутый строй! – крикнул он.

Словно хорошо смазанная машина, полубатальон выстроился в ряд на пути бегущей толпы; каждый солдат вставал на свое место, словно кирпич в кладку.

– Сорок третий, вперед марш!

Медленно и неумолимо красная цепочка двинулась вперед. Толпа бежала к ней, офицеры размахивали шпагами, зовя людей за собой.

– Заряжай!

Ружья разом опустились, щелкнули зарядные полки.

– Цельсь!

Ружья пошли вверх, толпа заколебалась. Кто-то пытался отступить и укрыться за товарищами.

– Пли!

¹⁸ *Боадичея* – королева в древней Британии. После того как ее обесчестили римляне, разъезжала в колеснице, призывая соотечественников к отмщению.

Грохот выстрелов. Хорнблауэр, глядя с лошади поверх голов, видел, как рухнули подкошенные выстрелами передовые французы. Красная цепочка двигалась вперед; после каждого шага раздавался приказ, и солдаты перезаряжали, как автоматы. Пятьсот ртов выплевывали пятьсот пуль, пятьсот правых рук враз поднимали пятьсот шомполов. Когда солдаты вскидывали ружья, чтобы прицелиться, красная цепочка оказывалась среди убитых и раненых; при наступлении толпа отпрянула назад и теперь под угрозой огня отступала дальше. Залп был дан, наступление продолжалось. Новый залп, новое наступление. Толпа рассыпалась, кто-то обратился в бегство. Теперь все повернулись спиной к стрелкам и бросились бежать. Склоны холма были черны от бегущих людей, как тогда, когда бежали эмигранты.

– Стой!

Наступление прекратилось; цепочка перестроилась в сдвоенную колонну и продолжала отступление.

– Весьма удовлетворительно, – заметил Эдрингтон.

Лошадь Хорнблауэра осторожно переступала через убитых и раненых, а сам он так старался усидеть в седле, что не сразу заметил впереди море. Здесь качались на якоре корабли и – о благословенное зрелище! – шлюпки гребли к берегу. Как раз вовремя – самые отчаянные из революционных пехотинцев уже настигали колонны, обстреливая их издалека. То один, то другой солдат падал убитым.

– Сомкнись! – командовал сержант, и колонны твердо шли вперед, оставляя за собой убитых и раненых.

Лошадь под адъютантом вдруг фыркнула, прыгнула в сторону и упала на колени, затем, брыкаясь, стала заваливаться набок. Веснушчатый адъютант успел высвободить ноги из стремян и отскочить в сторону: еще немного, и лошадь придавила бы его.

– Вы ранены, Стэнли? – спросил Эдрингтон.

– Нет, милорд. Все в порядке, – ответил адъютант, отряхивая красный мундир.

– Вам недолго придется идти пешком, – сказал Эдрингтон. – Нет надобности высылать солдат вперед, чтобы отогнать этот сброд. Встанем здесь.

Он посмотрел на рыбацьи хижины, на бегущих в панике эмигрантов, на революционную пехоту, наступающую по полям. Времени на размышления не оставалось. Солдаты в красных мундирах вбежали в дома и вскоре уже высовывали из окон ружья. К счастью, рыбацья деревушка охраняла подход к морю с одной стороны, с другой же был крутой и неприступный склон, на вершине которого уже закрепились солдаты в красных мундирах. В промежутке между этими точками две роты выстроились в развернутый строй, едва укрытый за небольшим береговым валом.

Эмигранты уже грузились в шлюпки. Грянул пистолетный выстрел – кто-то из офицеров использовал последний довод, способный сдержать обезумевших от страха людей, не дать всем сразу набиться в шлюпки и потопить их. Артиллерийская батарея закрепилась на расстоянии ружейного выстрела и обстреливала британские позиции, за ней собралась революционная пехота. Пушечные ядра пролетали прямо над головой.

– Пусть себе стреляют, – сказал Эдрингтон. – Чем дольше, тем лучше.

Артиллерия не могла причинить большого вреда британцам, скрытым за береговым валом, и командир революционеров понял, что зря теряет драгоценное время. Со стороны противника злое ще зарокотали барабаны, и колонны двинулись вперед. Они были так близко, что Хорнблауэр видел лица передовых офицеров. Они размахивали шляпами и шпагами.

– Сорок третий, заряжай! – скомандовал Эдрингтон. Щелкнули полки. – Семь шагов вперед, марш!

Раз... два... три... семь мучительных шагов, и строй на гребне вала.

– Цельсь! Пли!

Перед таким огнем ничто не могло устоять. Французская колонна замедлилась и смешалась. Новый залп, за ним еще один. Колонна побежала.

– Превосходно! – сказал Эдрингтон.

Громыхнула батарея – двое солдат в красных мундирах попадали как куклы. Они лежали страшной кровавой массой у самых ног чалой лошади.

– Сомкнись! – скомандовал сержант, и по солдату с каждой стороны шагнуло на освободившееся место.

– Сорок третий, семь шагов назад, марш!

Строй укрылся за валом, словно красных марионеток вовремя дернули за ниточку. Впоследствии Хорнблауэр не мог вспомнить, дважды или трижды накатывали на них революционеры, отбрасываемые каждый раз дисциплинированным ружейным огнем. Но солнце уже садилось в океан, когда он обернулся и увидел, что берег пуст, а к ним бредет мичман Брейсгедл, чтобы доложить о ходе погрузки.

– Я могу отпустить одну роту, – сказал Эдрингтон. Слушая Брейсгедла, он не спускал глаз с противника. – Как только они погрузятся, приготовьте все шлюпки и ждите.

Одна рота ушла строем; еще одна атака была отбита. После первых неудач французы уже не налетали с прежним пылом. Теперь батарея сосредоточила огонь на фланге и осыпала ядрами стоявших там солдат. Французский батальон двинулся, чтоб атаковать с той стороны.

– Это даст нам время, – сказал Эдрингтон. – Капитан Гриффин, можете уводить людей. Знаменосцам с караулом остаться здесь.

Солдаты строем двинулись к берегу. На их месте по-прежнему развевалось знамя, видимое французам из-за вала. Рота, занявшая домишки, выскочила наружу, построилась и зашагала к берегу. Эдрингтон подъехал к основанию склона. Он наблюдал, как французы готовятся к атаке, а пехота грузится в шлюпки.

– Ну, гренадеры! – закричал он вдруг. – Бегите! Знаменосцы!

Рота побежала вниз к морю по крутому склону, сползая и спотыкаясь. У кого-то от неосторожного обращения выстрелило ружье. Последний солдат сбежал со склона как раз тогда, когда знаменосцы со своей бесценной ношей начали забираться в шлюпку. Французы, дико вопя, бросились на оставленную британцами позицию.

– За мной, сэр, – сказал Эдрингтон, поворачивая лошадь к морю.

Как только лошадь заплескала по мелководью, Хорнблауэр выпал из седла. Он отпустил поводья и побрел к баркасу сначала по грудь, потом по плечи в воде. На носу баркаса стояла четырехфунтовая пушка, а рядом с ней Брейсгедл. Он втащил Хорнблауэра в шлюпку. Хорнблауэр оглянулся и увидел занятное зрелище: Эдрингтон добрался до шлюпки, не выпуская из рук поводьев. Французы уже заполнили берег. Эдрингтон взял ружье из рук ближайшего солдата, приставил дуло к лошадиной голове и выстрелил. Лошадь в предсмертной судороге упала на мелководье; лишь чалая Хорнблауэра досталась в добычу революционерам.

– Табань! – приказал Брейсгедл, и шлюпка начала поворачивать прочь от берега.

Хорнблауэр лежал на рыме шлюпки, не в силах шевельнуть пальцем. Берег, заполненный кричащими и жестикулирующими французами, алел в свете заката.

– Минуточку, – сказал Брейсгедл, потянулся к спусковому шнуру и аккуратно его дернул.

Пушка громыхнула возле самого уха. На берегу падали убитые.

– Картечь, – сказал Брейсгедл. – Восемьдесят четыре пули. Левая, суши весла! Правая, весла на воду!

Лодка повернула от берега и заскользила к гостеприимным кораблям. Хорнблауэр смотрел на темнеющий французский берег. Все позади; попытка его страны силой подавить революцию окончилась кровавым поражением. Парижские газеты захлебнутся от восторга, лондонский «Вестник» посвятит инциденту несколько сухих строчек. Через какой-нибудь год мир едва будет помнить об этом событии. Через двадцать лет его забудут окончательно. Но те обез-

главленные тела в Мюзийаке, разорванные в клочья красномундирные солдаты, французы, застигнутые картечью из четырехфунтовой пушки, – все они мертвы, как если бы в сегодня повернулась мировая история. А сам он так бесконечно устал. В кармане у него по-прежнему лежал кусок хлеба, который он положил туда утром и про который совершенно забыл.

Глава седьмая

Испанские галеры

В то время, когда Испания заключила с Францией мир, старина «Неустанный» стоял на якоре в Кадисском заливе. Хорнблауэру случилось быть вахтенным мичманом; именно он обратил внимание лейтенанта Чадда на то, что к ним приближается восьмивесельный пинас с красно-желтым испанским флагом на корме. Чадд в подзорную трубу различил золото эполетов и треуголку. Он тут же приказал фалрепным и караулу морских пехотинцев выстроиться для отдания традиционных почестей капитану союзного флота. Поспешно вызванный Пелью ожидал гостя на шкафуте; там и произошел весь последующий разговор. Испанец с низким поклоном протянул англичанину пакет с печатями.

– Мистер Хорнблауэр, – сказал Пелью, держа в руках нераспечатанное письмо, – поговорите с ним по-французски. Пригласите его спуститься в мою каюту на стаканчик вина.

Испанец, вновь поклонившись, отверг угощение и, опять кланяясь, попросил Пелью немедленно прочесть письмо. Пелью сломал печать и прочел содержимое, с трудом продираясь сквозь французские фразы – он немного читал по-французски, хотя говорить не мог совсем, – и протянул письмо Хорнблауэру:

– Даго¹⁹ заключили мир, так ведь?

Хорнблауэр с трудом прочел двенадцать строк, содержащие приветствия, которые его превосходительство герцог Бельчите (гранд первого класса и еще восемнадцать титулов, из них последний – главнокомандующий Андалузии) адресовал любезнейшему капитану сэру Эдварду Пелью, кавалеру ордена Бани. Второй абзац был коротким и содержал уведомление о заключенном мире. Третий абзац, такой же длинный, как и первый, состоял из церемонного прощания, почти слово в слово повторявшего приветствие.

– Это все, сэр, – сказал Хорнблауэр.

Однако у испанского капитана вдобавок к письменному сообщению было еще и устное.

– Пожалуйста, скажите своему капитану, – испанец говорил по-французски с испанским акцентом, – что, будучи теперь нейтральной державой, Испания должна осуществлять свои права. Вы простояли здесь на якоре двадцать четыре часа. Если по истечении шести часов с этого момента, – он вынул из кармана золотые часы и посмотрел на них, – вы будете в пределах досягаемости батареи Пунталес, она получит приказ открыть по вам огонь.

Хорнблауэру оставалось только перевести безжалостный ультиматум, даже не пытаясь его смягчить. Пелью выслушал, и его загорелое лицо побелело от гнева.

– Скажите ему... – начал он и тут же овладел собой. – Черт меня подери, если я дам ему понять, что он меня разозлил.

Пелью прижал шляпу к животу и поклонился, в меру своих сил изображая испанскую вежливость. Потом он обернулся к Хорнблауэру:

– Скажите ему, что я с радостью выслушал его слова. Скажите, что я сожалею об обстоятельствах, разлучающих меня с ним, и что я надеюсь навсегда сохранить его личную дружбу, каковы бы ни были отношения между нашими странами. Скажите... вы сами не хуже меня можете все это придумать, верно, Хорнблауэр? Надо проводить его за борт с почестями. Фалрепные! Боцманматы! Барабанщики!

Хорнблауэр, как мог, источал любезности, капитаны после каждой двух фраз обменивались поклонами, испанец с каждым поклоном отступал на шаг, а Пелью, не желая уступать в вежливости, следовал за ним. Барабанщики выбивали дробь, пехотинцы держали ружья на

¹⁹ Даго – презрительное прозвище испанцев у англичан.

караул, а дудки свистели, пока голова испанца не опустилась до уровня главной палубы. Пелью тут же выпрямился, нахлобучил шляпу и повернулся к первому лейтенанту:

– Мистер Эклс, корабль должен быть готов к отплытию через час.

И он, стуча каблуками, сбежал вниз, чтоб в одиночестве вернуть утерянное самообладание.

Матросы на реях отдавали парус, готовясь выбирать шкоты; скрип шпиля подтверждал, что другие матросы выбирают якорный канат. Хорнблауэр, стоя на правом переходном мостике с плотником мистером Уэллсом, глядел на белые домики одного из красивейших городов Европы.

– Я дважды был здесь на берегу, – сказал Уэллс. – Вино у них хорошее, если вы вообще пьете эту гадость. Но вот бренди их даже не пробуйте, мистер Хорнблауэр. Яд, чистый яд. Ого! Я вижу, нас собираются провожать.

Два длинных острых носа выскользнули из внутреннего залива и теперь смотрели в сторону «Неустанного». Хорнблауэр, проследив взгляд Уэллса, не смог сдержать удивленного возгласа. То были галеры – по бокам у каждой мерно вздымались и опускались весла и, поворачиваясь плашмя, вспыхивали в солнечном свете. Сотня весел взмывали как одно – это было очень красиво; Хорнблауэр вспомнил, что школьником разбирал строчку из латинского стихотворения и очень удивился тогда, узнав, что «белые крылья» римских военных судов – их весла. Теперь сравнение стало понятным – даже летящие чайки, чьи движения Хорнблауэр всегда считал безупречно-прекрасными, не могли сравниться с галерами. У них была низкая осадка и непропорционально большая длина. На коротких наклонных мачтах не было паруса, ни даже латинского рея. Носа блестели позолотой, под ними пенилась вода; галеры шли прямо против слабого бриза, золотые с красным испанские знамена отдувало ветром к корме. Вверх – вперед – вниз в неизменном ритме двигались весла, не отклоняясь одно от другого ни на дюйм. На носу каждой галеры, указывая точно вперед, стояло по большой пушке.

– Двадцатичетырехфунтовки, – сказал Уэллс. – Если они настигнут вас в штиль, то разнесут в куски. Подойдут с кормы, где вы не сможете навести на них пушку, и будут поливать продольным огнем, пока вы не сдадитесь. А там спаси вас Бог – лучше турецкая тюрьма, чем испанская.

Кильватерным строем, словно прочерченным по линейке, строго сохраняя дистанцию, словно отмеренную рулеткой, галеры прошли вдоль левого борта «Неустанного». Команда фрегата под барабанный бой и свист дудок вытянулась по стойке смирно, дабы засвидетельствовать почтение флагу. Офицеры галер вернули приветствия.

– Мне что-то не нравится, – процедил сквозь зубы Уэллс, – салютовать им, словно они фрегат.

Поравнявшись с бушпритом «Неустанного», первая галера двинула весла правого борта в обратную сторону и, несмотря на большую длину и малую ширину, повернулась, как волчок, встав поперек носа фрегата. Легкий бриз дул прямо со стороны галеры; Хорнблауэр почувствовал сильную вонь, и не он один: все матросы на палубе криками выражали свое отвращение.

– Они все так воняют, – объяснил Уэллс. – Пятьдесят весел, на каждом по четыре гребца. Получается двести галерных рабов. Все прикованы к своим скамьям. Если вы попадаете на судно рабом, вас сразу приковывают к скамье и уже не отковыывают, пока не приспееет время выбросить вас за борт. Иногда, когда матросы не заняты, они выгребают дерьмо, но это случается нечасто: во-первых, их мало, а во-вторых, они даго.

Хорнблауэр всегда хотел все знать точно:

– Сколько их, мистер Уэллс?

– Человек тридцать. Достаточно, чтоб при необходимости управиться с парусами. Или чтоб встать к пушкам: прежде чем идти в бой, они убирают паруса и реи, как сейчас, мистер Хорнблауэр, – обычным менторским тоном произнес Уэллс. Слово «мистер» прозвучало у него

с легким ударением, неизбежным в устах шестидесятилетнего уорент-офицера, потерявшего надежду на дальнейшее продвижение, когда тот обращается к восемнадцатилетнему уорент-офицеру (формально равному ему по чину), который может в один прекрасный день сделаться адмиралом. – Так что вы сами понимаете. При команде в тридцать человек они не могут держать без привязи две сотни рабов.

Галеры снова развернулись и теперь шли с правого борта «Неустанного». Движение весел замедлилось, и Хорнблауэр успел внимательно разглядеть оба судна: низкий полубак и высокий полуют соединялись длинным переходным мостиком, по которому расхаживал человек с бичом. Гребцов заслонял фальшборт, весла двигались в отверстиях, закрытых кожаными клапанами, чтобы через них не попадала вода. На полуюте два человека стояли у румпеля; здесь же находились несколько офицеров, золотые галуны блестели на солнце. Если исключить золотые галуны и двадцатичетырехфунтовые погонные орудия, суда, на которые смотрел Хорнблауэр, были в точности такие же, как те, на которых сражались древние. Полибий и Фукидид писали почти о таких же галерах. Если на то пошло, всего лишь двести с небольшим лет назад галеры сражались в великой битве при Лепанто²⁰. Но в тех битвах участвовало по несколько сотен галер с каждой стороны.

– Сколько их сейчас на ходу? – спросил Хорнблауэр.

– Да с десятков, наверно, точно я не знаю. Обычно они стоят в Картахене, за проливом.

Уэллс имел в виду «за Гибралтарским проливом», то есть в Средиземном море.

– Для Атлантики хиловаты, – заметил Хорнблауэр.

Нетрудно было заключить, почему сохранились эти несколько судов: главной причиной был, конечно, консерватизм испанцев. Кроме того, на галеры ссылали преступников. В конечном счете они могли пригодиться в безветрие – торговое судно, заштилевшее в Гибралтарском проливе, должно было стать легкой добычей для галер из Картахены или Кадиса. Наконец, галеры могли буксировать суда в гавань и из гавани при неблагоприятном ветре.

– Мистер Хорнблауэр! – крикнул Экклс. – Передайте капитану мое почтение и скажите, что мы готовы к отплытию.

Хорнблауэр стремглав бросился вниз.

– Передайте мистеру Экклсу мои приветствия, – сказал Пелью, отрывая взгляд от своих бумаг, – и скажите, что я немедленно поднимусь на палубу.

Южного бриза едва хватало на то, чтоб «Неустанный» прошел на ветре окончание мыса. Со взятым на кат якорем и обрасопленными реями корабль двинулся в сторону моря; в царившей на палубе дисциплинированной тишине ясно слышалось журчание воды под водорезом – мелодичный звук, в своей невинности ничего не говорящий об опасностях того жестокого мира, в который вступал фрегат. Под марселями «Неустанный» делал не больше трех узлов. Сзади вновь появились галеры – весла их двигались быстро-быстро, словно галеры похвалялись своей независимостью от стихий. Блеснув позолотой, они обогнали «Неустанный», и его команда вновь ощутила вонь.

– Они бы весьма меня обязали, если б держались с подветренной стороны, – процедил Пелью, наблюдая за галерами в подзорную трубу. – Впрочем, насколько я понимаю, в испанскую вежливость это не входит. Мистер Катлер!

– Сэр! – отозвался артиллерист.

– Начинайте салют.

– Есть, сэр.

²⁰ Сражение 7 октября 1571 г., когда 200 испанских и венецианских галер под предводительством Хуана Австрийского победили 273 турецкие галеры, навсегда избавив Средиземноморье от турецкого владычества.

Передняя каронада подветренного борта прогремела приветствие, ей отвечал форт Пунталес. Грохот салюта прокатился над живописным заливом; со всей учтивостью две страны говорили между собой.

– Я полагаю, что, когда мы в следующий раз услышим эти пушки, они будут стрелять боевыми, – сказал Пелью, глядя на Пунталес и развевающийся над ним испанский флаг.

И впрямь военная удача отвернулась от Англии. Страна за страной выходила из борьбы с Францией; кого принуждала к этому сила оружия, кого – дипломатия молодой и сильной республики. Всякому думающему человеку было ясно, что после первого шага – от войны к нейтралитету, второй шаг – от нейтралитета до войны с противоположной стороной – будет куда легче. Хорнблауэр представлял себе, как вскорости вся Европа объединится против Англии и той придется сражаться за свое существование с воспрянувшей Францией и злобой всего остального мира.

– Пожалуйста, поставьте паруса, мистер Экклс, – сказал Пелью.

Двести пар тренированных ног побежали по вантам, двести пар тренированных рук отдали паруса, и «Неустанный» пошел вдвое быстрее, слегка покачиваясь под легким бризом. А вот и настоящая атлантическая качка. Вот она подхватила галеры. «Неустанный» оставил их за кормой, и Хорнблауэр, обернувшись, видел, как первая галера зарылась носом в длинный вал, так что бак ее скрылся в облаке брызг. Для такого хрупкого судна это было слишком: с одной стороны весла двинулись назад, с другой – вперед. Заканчивая поворот, галеры на мгновение круто накренились в подошве волны, и вот они уже спешат назад, в тихие воды Кадисского залива. На «Неустанном» кто-то засвистел, весь корабль подхватил. Шквал оскорбительных выкриков, свиста и гогота провожал галеры, матросы словно сорвались с узды. Пелью на шканцах захлебывался от гнева, унтер-офицеры носились по палубе, тщетно ища зачинщиков. Так зловеще прощались они с Испанией.

И впрямь зловеще. Вскорости капитан Пелью сообщил, что Испания окончательно переметнулась на другую сторону: как только благополучно вернулся конвой с сокровищами, она объявила Англии войну – революционная республика заручилась поддержкой самой замшелой монархии в Европе. Силы Британии были истощены до предела – нужно следить еще за тысячей миль побережья, блокировать еще один флот, обороняться от целой орды каперов, а гаваней, где можно укрыться, набрать воды и скудного провианта для изнуренных тяжелым трудом моряков, становилось все меньше. В эти дни пришлось заводить дружбу с полудикими государствами и сносить наглость деев и султанов, чтобы Северная Африка снабжала тощими бычками и ячменем британские гарнизоны в Средиземном море, окруженные с суши вражескими войсками, и корабли, их единственную связь с миром. Не привыкшие к честно заработанному богатству Оран, Тетуан, Алжир купались в неожиданно хлынувшим рекой британском золоте.

В тот день в Гибралтарском заливе стоял мертвый штиль. Море сияло серебряным щитом, небо – сапфировой чашей. Положение «Неустанного» было крайне неприятно, но не из-за ослепительного солнца, размягчавшего смолу в палубных пазах. В Средиземном море из Атлантики всегда идет слабое течение, и преобладающие ветры дуют в ту же сторону. В такой штиль судно запросто может отнести течением через пролив, за Гибралтар. Чтобы добраться потом до Гибралтарского залива, лавируя против ветра, понадобятся дни и даже недели. Так что Пелью не зря беспокоился о своем конвое судов с зерном из Орана. Гибралтару нужна провизия – Испания уже выслала армию для его осады. Пелью никак нельзя было проскочить мимо цели. Его приказ пришлось доводить до конвоя флажками и даже пушечными выстрелами: ни одного из торговых капитанов с их вечно недоукомплектованными командами не привлекала та работа, которую задумал Пелью. «Неустанный», точно так же как и конвой, спустил шлюпки, и те взяли на буксир беспомощные суда. Труд был бесконечный, изматывающий. Матросы раз за разом налегали на весла, тросы натягивались от сверхчеловеческого напряжения, корабли неуклюже переваливались с боку на бок. Этим способом они делали менее мили

в час, и то лишь доводя команду шлюпок до полного изнеможения. Однако это позволяло оттянуть время до того, как гибралтарское течение снесет их в подветренную сторону, и увеличивало шансы дожидаться желанного зюйда – двух часов южного ветра хватило бы, чтобы добраться до Гибралтара.

На баркасе и тендере «Неустанного» матросы настолько отупели от адской работы, что не слышали, как на фрегате взволнованно зашумели. Они налегали на весла под безжалостным небом, ожидая окончания двухчасового срока страданий. Очнуться их заставил голос самого капитана:

– Мистер Болтон! Мистер Чадд! Отдайте буксир, пожалуйста. Немедленно возвращайтесь на борт и вооружите своих людей. Приближаются наши кадисские друзья.

Вернувшись с бака на шканцы, Пелью в подзорную трубу оглядел подернутый дымкой горизонт и своими глазами убедился в том, о чем уже доложили с салинга.

– Они идут прямо на нас, – сказал он.

Со стороны Кадиса приближались две галеры. Видимо, верховой гонец из наблюдательного пункта в Тарифе сообщил, что им представилась блестящая возможность оправдать свое затянувшееся существование: в мертвый штиль по морю разбросан британский конвой. Галеры могли захватить несчастные торговые суда и хотя бы сжечь (увести их не удастся) под самым носом «Неустанного», лежащего на расстоянии чуть больше пушечного выстрела. Пелью посмотрел на три брига и два торговых судна. Одно из них было в полумиле от «Неустанного», и его можно было прикрыть огнем, но остальные – в полутора милях, в двух милях – такой защиты не имели.

– Пистолеты и abordажные сабли, ребята, – приказал он прыгающим на палубу матросам. – Цепляйте сей-тали! Поосторожней с каронадой, мистер Катлер!

«Неустанный» участвовал в стольких операциях, где дорога была каждая минута, что сейчас на подготовку почти не требовалось времени. Команда шлюпок похватала оружие, на нос тендера и баркаса спустили шестифунтовые каронады, и вскоре шлюпки, наполненные вооруженными людьми и снабженные всем необходимым на случай непредвиденных обстоятельств, гребли навстречу галерам.

– Какого черта вы это делаете, мистер Хорнблауэр? О чем вы думаете?

Пелью только сейчас заметил, что Хорнблауэр спускает на воду находившийся под его командованием ялик. Он не понимал, что мичман собирается делать против галер со своей двенадцатифунтовой лодочкой и командой из шестерых матросов.

– Мы можем подойти к одному из судов конвоя и усилить его команду, сэр, – отвечал Хорнблауэр.

– А, очень хорошо, продолжайте. Буду полагаться на ваш здравый смысл, хотя дело это гиблое.

– Вы молодец, сэр! – в восторге воскликнул Джексон, когда ялик отвалил от фрегата. – Просто молодец! Никто другой до такого бы не додумался.

Джексон, рулевой ялика, был уверен, что Хорнблауэр не собирается выполнять обещанное и усиливать команду одного из торговых судов.

– Даго вонючие, – процедил сквозь зубы загребной.

Хорнблауэр чувствовал, что его команда охвачена той же безотчетной ненавистью к галерам, которую испытывал он сам. В те краткие секунды, анализируя свои чувства, он объяснил их обстоятельствами, при которых впервые увидел галеры, а также запахом, который те оставляли за собой. Никогда прежде не испытывал он личной ненависти; он сражался как слуга короля, не чувствуя враждебности к противнику. Но сейчас, под опаляющим небом, он вцепился в румпель, страстно желая поскорее сцепиться с врагом.

Баркас и тендер намного его обогнали и, хотя их команда уже отсидела два часа на веслах, скользили по воде с такой скоростью, что ялик, несмотря на преимущество, которое давало

ему совершенно гладкое море, еле-еле их нагонял. Море за бортом было чистейшего, небесно-синего цвета; весла вспенивали его, делая белым. Впереди лежали суда конвоя, там, где застал их внезапный штиль. Сразу за ними Хорнблауэр увидел блеск весел: галеры быстро двигались к своей жертве. Баркас и тендер разошлись, чтобы прикрыть как можно больше судов, гичка осталась далеко за кормой. Если бы Хорнблауэр и хотел высадиться на какое-нибудь судно, для этого уже не оставалось времени. Он положил руль к борту, собираясь держаться за тендером. Тут галера неожиданно появилась в промежутке между двумя торговыми судами. Хорнблауэр увидел, как тендер развернулся и направил шестифунтовую каронаду в нос приближающейся галеры.

– Налегай, ребята! Налегай! – выкрикивал Хорнблауэр, обезумев от возбуждения.

Он не мог себе вообразить, что будет дальше, но хотел быть в самой гуще событий. Из шестифунтовой пушечки невозможно прицелиться на расстоянии больше ружейного выстрела – она годится на то, чтоб выпустить заряд картечи по толпе, но бессильна против укрепленного носа галеры.

– Налегай! – снова выкрикнул Хорнблауэр.

Они были у самой кормы тендера.

Каронада выстрелила. Хорнблауэру показалось, что он видит, как от носа галеры отлетают позолоченные щепки. С тем же успехом можно остановить разъяренного быка горохом из детской трубочки. Галера развернулась, весла задвигались быстрее. Она шла на таран, как греки при Саламине²¹.

– Налегай! – выкрикнул Хорнблауэр, инстинктивно поворачивая румпель, чтобы обойти тендер. – Суши весла!

Гребцы замерли, и шлюпка по инерции скользнула мимо тендера. Сомс стоял на корме, глядя в лицо летящей к нему по синей воде смерти. Борт о борт тендер мог выдержать удар, но он слишком поздно попробовал увернуться. Шлюпка повернула, подставив форштевень галеры уязвимый борт. Больше Хорнблауэр ничего не видел – корпус галеры скрыл от него финальный акт трагедии. Весла ялика едва не задели весла правого борта галеры. Хорнблауэр услышал крики и треск, увидел, как галера на миг приостановилась от столкновения. Им овладела безумная жажда битвы, мозг работал с лихорадочной быстротой.

– Левая, на воду! – закричал он, и шлюпка скользнула под корму галеры. – Обе на воду!

Ялик метнулся к корме галеры, словно прыгающий на быка терьер.

– Цепляйся за них, Джексон, черт тебя побери!

Джексон чертыхнулся в ответ и ринулся вперед, перемахнул через головы гребцов, не сбивая их с такта, схватил кошку на длинном лине и с силой размахнулся. Кошка зацепилась за резное позолоченное ограждение кормы. Джексон потянул лить, гребцы с силой налегли на весла, и шлюпка подошла к самой корме. И тут Хорнблауэр увидел то, что долго еще мучило его в ночных кошмарах: из-под кормы галеры выплыла раздробленная передняя часть тендера с цепляющимися за нее людьми – теми, кто остался после долгого пути под днищем потопившей их галеры. Искраженные, налитые кровью лица, лица покойников. Через мгновение они исчезли, и по толчку, передававшемуся шлюпке через лить, Хорнблауэр понял, что галера двинулась вперед.

– Я не могу удержать ее! – крикнул Джексон.

– Заверни на утку, болван!

Теперь галера тащила привязанный двадцатифутовым линем ялик на буксире у самой кормы, сразу за рулем. Вода пенилась вокруг, нос ялика от натяжения задрался вверх, как будто они загарпунили кита, по полуяуту галеры кто-то бежал с ножом, чтобы перерезать лить.

²¹ *Битва при Саламине* – сражение между греками и персами в 480 г. до н. э. Триремы греков таранили персидские суда с флангов и выиграли битву.

– Убей его, Джексон! – крикнул Хорнблауэр.

Пистолет Джексона выстрелил, испанец упал на палубу – хороший выстрел. Несмотря на горячее возбуждение, несмотря на бурлящую кругом воду и палящее солнце, Хорнблауэр пытался продумать дальнейшие действия. Инстинкт и здравый смысл говорили ему, что самое разумное – атаковать противника, невзирая на численный перевес.

– Эй, вы, подтяните нас к ней! – крикнул он.

Все в лодке бешено орали. Баковые гребцы повернулись вперед, ухватились за линь и налегли. Однако на такой скорости подтянуть шлюпку было невероятно трудно; после того как ценой невероятных усилий удалось приблизиться к галере на ярд, это стало просто невозможно. Кошка зацепилась за леерное ограждение полуюта ярдах в десяти выше уровня воды, и, по мере того как шлюпка приближалась к корме, угол, под которым отходил линь, становился все круче. Нос ялика задрался еще выше.

– Отставить! – приказал Хорнблауэр и, вновь повысив голос, крикнул: – Ребята, вынимай пистолеты!

Над кормой галеры возникли четверо или пятеро смуглых лиц. Ружейные дула уставились в ялик. Началась перестрелка. Один из гребцов со стоном упал на дно ялика, но лица на корме галеры исчезли. Осторожно стоя на качающейся корме, Хорнблауэр не мог различить на полуюте галеры ничего, кроме двух макушек, принадлежавших, очевидно, рулевым.

– Заряжай, – сказал он матросам, чудом вспомнив отдать этот приказ.

Шомпола вошли в пистолетные дула.

– Заряжайте тщательно, если хотите снова увидеть Портсмут, – сказал Хорнблауэр.

Он трясся от возбуждения. Безумная жажда битвы застилала глаза, и лишь какая-то часть сознания, вымуштрованная часть, машинально выдавала взвешенные приказы. Жажда крови на время убила в нем лучшие чувства.

Все вокруг было как в багровом тумане – так вспоминалось ему позднее, когда он мысленно возвращался к этим событиям. Вдруг послышался треск разбиваемого стекла: кто-то просунул ружейное дуло в большое кормовое окно галеры. Теперь испанцу требовалось время, чтобы прицелиться. Беспорядочная пальба из ялика послышалась одновременно с ружейным выстрелом. Куда попала пуля испанца, никто не заметил; испанец упал.

– Клянусь Богом! Вот нам куда! – заорал Хорнблауэр и тут же себя одернул. – Заряжай.

Когда пули были загнаны в стволы, он встал. За поясом у него был пистолет, из которого он еще ни разу не выстрелил, на боку – бордажная сабля.

– Перебирайся на корму, – приказал он загребному. Ялик не выдержал бы еще одного человека на носу. – И ты тоже.

Хорнблауэр встал на банку, оглядывая натянутый линь и окно каюты.

– Посылай их за мной по одному, Джексон, – приказал он.

Собравшись с духом, Хорнблауэр прыгнул на линь, линь провис, и ноги коснулись воды, но ему удалось, собрав все силы, несколько раз перехватить руки и взобраться по линю. Вот и разбитое окно. Размахнувшись ногами, он выбил большой кусок оставшегося стекла, просунул внутрь ноги, а затем и все тело. Хорнблауэр со стуком спрыгнул на палубу каюты: после ослепительного солнца снаружи там было совсем темно. Встав на ноги, он наступил на что-то мягкое. Оно застонало от боли, – очевидно, это был раненый испанец. Рука, которой Хорнблауэр вытаскивал саблю, была в крови. В испанской крови. Выпрямляясь, он с оглушительным треском врезался головой в палубный бимс. Каюта была совсем низкая, не выше пяти футов, и он чуть не потерял сознание от удара. Но вот перед ним дверь, и он ринулся вперед, сжимая в руке саблю. Над головой раздался топот; сверху и спереди звучали выстрелы. Испанцы на корме перестреливались с командой ялика. Дверь каюты выходила на низкую полупалубу. Хорнблауэр бросился туда, в яркий солнечный свет, и оказался на узкой палубе, которая началась от полуюта. Узкий переходный мостик тянулся между двумя рядами гребцов. Хорн-

блауэр увидел бородатые лица и копны взлохмаченных волос; тощие загорелые тела ритмично двигались взад-вперед, налегая на весла.

Вот и все, что он успел разглядеть. На дальнем конце мостика рядом с уступом полубака стоял надсмотрщик с бичом. Он мерно выкрикивал что-то по-испански, видимо задавая ритм. На полубаке стояли двое или трое, за ними через проход в фальшборте полубака Хорнблауэр видел две большие пушки, освещенные падающим через пушечные порты светом. Около пушек стояли артиллеристы – их было гораздо меньше, чем требуется для двух двадцатичетырехфунтовок. Хорнблауэр вспомнил слова Уэллса, что команда галеры составляет не больше тридцати человек. По крайней мере один орудийный расчет отозвали на полуют для отражения атаки с ялика.

Сзади раздался шаг. Хорнблауэр подпрыгнул. Развернувшись с саблей наготове, он увидел Джексона – тот нетвердой походкой вышел на полупалубу. В руках у него была сабля.

– Чуть черепушку себе не раскроил, – сказал Джексон.

Он говорил, как пьяный. Вторя его словам, на полуюте, на уровне их голов, послышалась стрельба.

– Олдройд идет за мной, – сказал Джексон. – Франклин убит.

По обеим сторонам от них были трапы, ведущие на полуют. Математически казалось логичней подниматься каждому со своей стороны, но Хорнблауэр рассудил иначе.

– За мной! – крикнул он Джексону и побежал по правому трапу.

Тут появился Олдройд – ему Хорнблауэр тоже приказал следовать за собой.

Взбираясь по трапу с пистолетом в одной руке и саблей в другой, Хорнблауэр успел заметить, что поручни сплетены из красных и желтых веревок. Всего один шаг, и голова оказалась на уровне палубы. На крошечном полуюте сгрудились более десяти людей, но двое из них были убиты, один стонал, прислонившись спиной к лееру, двое стояли у руля. Остальные глядели через ограждение на команду ялика. Хорнблауэр был все в том же исступлении. Последние две или три ступеньки он перемахнул одним прыжком и с безумным криком бросился на испанцев. Пистолет выстрелил как бы помимо его воли, но лицо стоявшего в ярде испанца превратилось в кровавую маску. Хорнблауэр бросил пистолет и выхватил второй. Он на ощупь взвел затвор и в то же время с лязгом обрушил саблю на шпагу следующего испанца, поднятую в слабой попытке обороняться. Хорнблауэр разил и разил саблей, словно безумный. Джексон был рядом: он тоже хрипло кричал и рубил саблей направо и налево.

– Бей их! Бей! – кричал Джексон.

Хорнблауэр видел, как Джексон обрушил саблю на голову беззащитного рулевого. Рубясь со стоящим перед ним испанцем, он краем глаза заметил сбоку еще одну шпагу и машинально спустил курок. Рядом выстрелил другой пистолет, видимо Олдройда, и бой был окончен. Как испанцы настолько оплошали, что дали захватить себя врасплох, Хорнблауэр так и не понял. Может, они не знали, что человек в каюте ранен и путь через нее свободен, может, не думали, что трое могут напасть на десятерых, или не заметили, что эти трое проделали опасный путь по линии, а скорее всего, просто растерялись, ведь с того момента, как ялик зацепился за корму, до того, как полуют был очищен, прошло всего несколько минут. Два-три испанца сбежали по трапу с полуюта и дальше по мостику между двумя рядами гребцов. Один из них зацепился за ограждение и жестом показал, что сдается. Но Джексон уже схватил его рукой за горло. Джексон был силен невероятно – он перегнул испанца через перила, другой рукой ухватил его за ноги и перекинул через борт. Испанец с криком упал раньше, чем Хорнблауэр успел вмешаться. Палуба полуюта была полна бьющимися в предсмертных судорогах людьми, словно дно лодки – рыбой. Один из испанцев, когда Джексон и Олдройд ухватили его, упал на колени. Они подняли его и перекинули через борт.

– Отставить! – крикнул Хорнблауэр, и они с неохотой втащили его обратно и грохнули на окровавленные доски.

Джексон и Олдройд были как пьяные, они покачивались и хрипло дышали, глядя перед собой остекленелыми глазами. Хорнблауэр сам только что вышел из этого припадка. Он шагнул к полуюту и вытер заливавший глаза пот, пытаясь одновременно стереть застлавший их багровый туман. Впереди, на полубаке, собрались уцелевшие испанцы: когда Хорнблауэр двинулся в их сторону, один выстрелил, но пуля пролетела мимо. Внизу гребцы по-прежнему мерно двигались взад-вперед, их косматые головы и нагие тела качались в такт веслам, в такт словам надсмотрщика. Тот все еще стоял на мостике (остальные испанцы сгруппировались за ним) и считал: «*Seis, siete, ocho*»²².

– Прекратить! – заорал Хорнблауэр.

Он прошел к правому борту на глазах у гребцов этой стороны, поднял руку и снова крикнул. Одно или два заросших лица повернулись к нему, но весла продолжали двигаться.

– *Uno, doce, tres*²³, – считал надсмотрщик.

Джексон появился рядом с Хорнблауэром и навел пистолет на голову ближайшего гребца.

– Отставить! – раздраженно сказал Хорнблауэр. Его уже тошнило от убийств. – Найдите мои пистолеты и перезарядите их.

Он стоял на верхней ступеньке трапа, как во сне – как в кошмаре. Галерные рабы продолжали налегать на весла; более десятка врагов по-прежнему толпились возле полубака в тридцати ярдах от него; позади стонали, расставаясь с жизнью, раненые испанцы. Новый призыв к гребцам тоже не возымел действия. Олдройд был самым хладнокровным из всех или раньше других пришел в себя.

– Я спущу их флаг, сэр? – спросил он.

Хорнблауэр очнулся. На флагштоке над гакабортом колыхалось желто-красное знамя.

– Да, спустите немедленно, – сказал он.

Теперь сознание прояснилось, и горизонт уже не ограничивался узкими бортами галеры. Хорнблауэр посмотрел вокруг на синее-синее море. Вот торговые суда, за ними «Неустанный». Сзади белый след галеры – изогнутый след. До сей минуты Хорнблауэр не осознавал, что не взял под контроль руль и последние три минуты галера идет по морю неуправляемой.

– Встань к рулю, Олдройд, – приказал он.

Это что, другая галера исчезает в дымке? Похоже; а вот далеко за ней баркас. Вот с левого борта гичка, весла ее подняты. Хорнблауэр видел фигурки на носу и на корме. Они размахивали руками, и до него дошло, что они приветствуют спуск испанского флага. Впереди раздался ружейный выстрел, пуля с силой ударила в перила у самого его бедра, позолоченные щепки разлетелись в стороны, вспыхивая в солнечном свете. Но Хорнблауэр уже пришел в себя и побежал обратно к умирающим: дальний конец полуюта не простреливался с мостика, и там он был в безопасности. Гичка по-прежнему была с левого борта.

– Право руля, Олдройд.

Галера медленно развернулась – при своих пропорциях она плохо слушалась руля, если ему не помогали весла, – но вскоре нос ее уже почти закрыл гичку.

– Прямо руль!

Удивительно, но здесь, под кормой галеры, по-прежнему прыгал на пенной воде ялик. В нем был один живой человек и двое убитых.

– Где остальные, Бромли?

Бромли показал за борт. Видимо, их убило выстрелами с гакаборта в то время, как Хорнблауэр и двое матросов готовились штурмовать полуют.

– А ты какого черта там остался?

²² «Шесть, семь, восемь» (исп.).

²³ Раз, два, три (исп.).

Бромли левой рукой приподнял правую: она явно не работала. Отсюда помощи ждать не приходится, и все же галерой надо овладеть полностью. Иначе их могут даже увести в Альхесирас – хотя руль и у них, человек, который приказывает гребцам, сумеет, если захочет, управлять курсом судна. Оставалось одно.

Теперь, когда боевая горячка схлынула, Хорнблауэр был в мрачном состоянии духа. Его не заботила собственная судьба, надежда и страх ушли вместе с лихорадочным возбуждением. Им овладел фатализм. Мозг, продолжая просчитывать варианты, говорил, что есть лишь один шанс добиться удачи, а подавленность позволила исполнить задуманное машинально, без эмоций и колебаний. Он подошел к ограждению полуюта: испанцы по-прежнему толпились на дальнем конце мостика, надсмотрщик все так же отсчитывал гребцам ритм. Испанцы смотрели на Хорнблауэра. Он тщательнейшим образом убрал в ножны саблю, которую до той поры держал в руках, и только сейчас заметил на мундире и на руках кровь. Медленно поправил на бок ножны.

– Мои пистолеты, Джексон.

Джексон вручил ему пистолеты, и Хорнблауэр так же медленно убрал их за пояс. Он повернулся к Олдройду: испанцы, как зачарованные, следили за его движениями.

– Оставайся у румпеля, Олдройд. Джексон, за мной. Не делай ничего без моего приказа.

Солнце светило прямо в лицо. Хорнблауэр спустился по трапу, прошел по мостику и приблизился к испанцам. По обе стороны от него всклокоченные головы и нагие тела галерных рабов все так же мерно двигались в такт веслам. Он подошел к испанцам, нервно сжимавшим шпаги и пистолеты. Сзади кашлянул Джексон. В двух ярдах от испанцев Хорнблауэр остановился и обвел их взглядом. Он жестом указал на всех, кроме надсмотрщика, потом ткнул пальцем в сторону полубака.

– Все на нос, – сказал он.

Они стояли, во все глаза глядя на него, хотя не могли не понять его жест.

– На нос, – сказал Хорнблауэр и махнул рукой. При этом он топнул ногой по палубе.

Лишь один человек, похоже, готов был активно сопротивляться. Хорнблауэр подумал было выхватить пистолет и застрелить его на месте. Но пистолет может дать осечку, выстрел может вывести испанцев из оцепенения. Хорнблауэр пристально поглядел на того человека:

– На нос, кому сказано.

Они двинулись на нос, неловко переставляя ноги. Хорнблауэр наблюдал за ними. Чувства вернулись; сердце так бешено стучало в груди, что он едва сохранял видимость спокойствия. И все же спешить было нельзя. Лишь когда все остальные ушли, он обратился к надсмотрщику:

– Останови их.

Хорнблауэр посмотрел надсмотрщику в глаза, указывая пальцем на гребцов.

Губы надсмотрщика шевельнулись, но он не проронил ни слова.

– Останови их. – Хорнблауэр положил руку на рукоять пистолета.

Этого оказалось достаточно. Надсмотрщик что-то пронзительно выкрикнул, и весла остановились. Как только они перестали скрипеть в уключинах, на корабле воцарилась мертвая тишина. Слышен был только плеск воды за кормой – галера продолжала скользить по инерции. Хорнблауэр повернулся и окрикнул Олдройда:

– Олдройд! Где гичка?

– Близко по правому борту, сэр!

– Как близко?

– В двух кабельтовых, сэр. Они гребут к нам.

– Развернись к ним, пока хватает скорости.

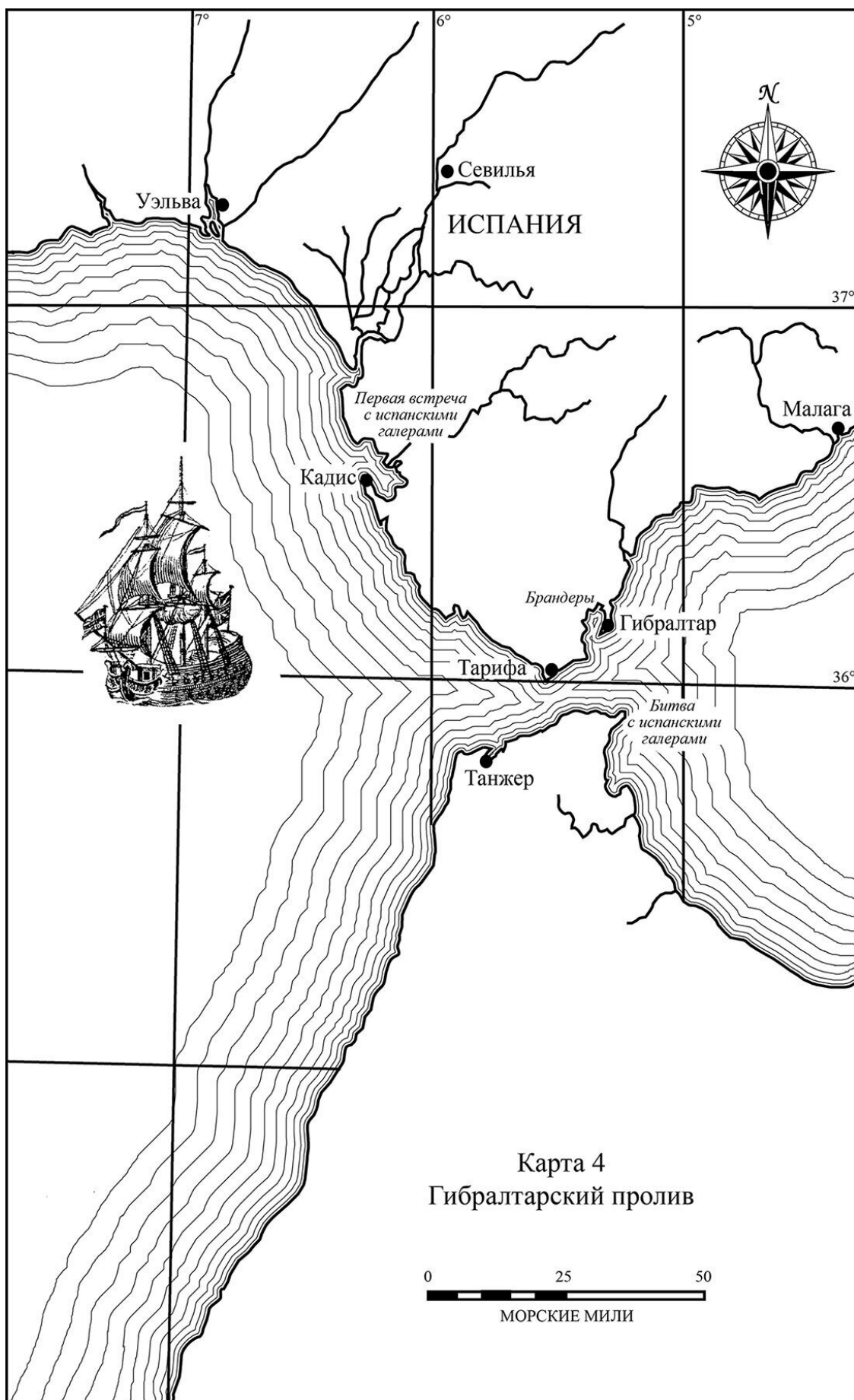
– Есть, сэр.

За какое время гичка на веслах покроеет четверть мили? Хорнблауэр боялся, как бы испанцы не очнулись. Время работает против него. Нельзя вот так стоять и ничего не делать. Хорнблауэр чувствовал, как идет по воде галера. Он обернулся к Джексону.

– Неплохо идет, правда, Джексон? – сказал он и заставил себя рассмеяться, словно на свете все было просто и ясно.

– Да, сэр, полагаю, что так, сэр, – изумленно ответил Джексон. Он нервно теребил пистолет.

– Посмотри-ка на этих людей, – продолжал Хорнблауэр, указывая на галерных рабов. – Ты хоть раз в жизни видел такую бороду?

– Н-нет, сэр.

– Говори со мной, болван. Говори естественно.

– Я... я не знаю, что говорить, сэр.

– Черт побери, ничего ты не понимаешь, Джексон. Видишь рубец на плече у того малого? Видимо, не так давно надсмотрщик ударил его бичом.

– Наверное, вы правы, сэр.

Хорнблауэр подавил раздражение и приготовился произнести новый монолог, когда сбоку борт заскрежетал о борт. Через мгновение на палубу перебралась команда гички. Невозможно описать, какое он испытал облегчение. Хорнблауэр чуть не расслабился совсем, но вспомнил о необходимости сохранять достоинство. Он вновь подтянулся.

– Рад видеть вас на борту, – сказал он, когда лейтенант Чадд перекинул ногу через фальш-борт и спрыгнул на палубу возле полубака.

– Рад видеть *вас*, – сказал Чадд, с удивлением глядя на него.

– Люди на носу – пленники. Хорошо бы их обезоружить. Я полагаю, это единственное, что осталось сделать.

И теперь он не мог расслабиться; ему казалось, что так и придется оставаться в напряжении всю оставшуюся жизнь. Напряженный и в то же время отупевший, он услышал приветственные крики с «Неустанного», когда галера подошла к фрегату. Отупевший и скучный, докладывая он, запинаясь, капитану Пелью, не забыв в самых лестных тонах отозваться о храбрости Джексона и Олдройда.

– Адмирал будет доволен, – сказал Пелью, внимательно глядя на Хорнблауэра.

– Я рад, сэр, – услышал Хорнблауэр свой ответ.

– Теперь, когда мы потеряли бедного Сомса, нам понадобится еще один офицер для несения вахты. Я намерен назначить вас исполняющим обязанности лейтенанта.

– Спасибо, сэр, – сказал Хорнблауэр все в том же отупении.

Сомс был седовласый офицер с огромным опытом. Он участвовал во множестве сражений, однако в новой ситуации ему не хватило сообразительности, чтобы не подставить шлюпку под таран. Сомс мертв, исполняющий обязанности лейтенанта Хорнблауэр займет его место. Боевая горячка, чистое сумасшествие принесли ему это повышение. Хорнблауэр и не знал, в какие пучины безумия он готов погрузиться. Как Сомс, как вся команда «Неустанного», он позволил слепой ненависти к галерам увлечь себя, и лишь удача сохранила ему жизнь. Это стоит запомнить.

Глава восьмая

Экзамен на лейтенанта

«Неустанный» скользил по водам Гибралтарского залива. На шканцах, рядом с капитаном Пелью, стоял исполняющий обязанности лейтенанта Горацио Хорнблауэр, напряженный и подтянутый. Его подзорная труба была направлена в сторону Альхесираса. По иронии судьбы главные военно-морские базы двух враждующих держав располагались всего в шести милях друг от друга, и, приближаясь к Гибралтарской гавани, не мешало повнимательней наблюдать за Альхесирасом – всегда существовала вероятность, что оттуда выйдет испанская эскадра и внезапно атакует фрегат.

– Восемь... девять кораблей с поднятыми реями, сэр, – сообщил Хорнблауэр.

– Благодарю вас, – отвечал Пелью. – Поворот оверштаг!

«Неустанный» лег на другой галс и взял курс на мол. Гибралтарская гавань была, как обычно, полна судов: здесь вынужденно базировались все средиземноморские военно-морские силы Англии. Пелью взял марсели на гитовы и положил руль к борту. Потом загромыхал канат, и «Неустанный» повернулся на якоре.

– Спускайте мою гичку, – скомандовал Пелью.

Капитан выбрал для своей шлюпки и ее команды сочетание синего и белого – синие рубахи и белые штаны для матросов, белые шляпы с синими лентами; сама шлюпка была синяя с белым, у весел – синие рукоятки и белые лопасти. Все вместе получалось очень красиво – весла взметнулись, и шлюпка плавно заскользила по воде. Капитан Пелью отправился засвидетельствовать свое почтение адмиралу порта. Вскоре по его возвращении к Хорнблауэру подбежал вестовой:

– Капитан приветствует вас и хотел бы видеть в своей каюте.

– Проверьте-ка свою совесть, – ухмыльнулся мичман Брейсгедл. – Что вы такого натворили?

– Хотел бы я знать, – искренне отвечал Хорнблауэр.

Вызов к капитану – всегда повод для волнения. Подходя к каюте, он нервно сглотнул и, прежде чем постучаться, немного помедлил, собираясь с духом. Однако опасения оказались напрасны: Пелью сидел за столом и приветливо улыбался.

– А, мистер Хорнблауэр, у меня для вас новость, надеюсь радостная. Завтра будут лейтенантские экзамены здесь, на «Санта-Барбаре». Надеюсь, вы к ним готовы?

Хорнблауэр чуть не ответил: «Думаю, что да», но вовремя себя одернул. Пелью ненавидел уклончивые ответы.

– Да, сэр.

– Что ж, очень хорошо. Доложитесь там в три часа пополудни с характеристиками и журналами.

– Есть, сэр.

Такой короткий разговор о таком важном деле! Пелью назначил Хорнблауэра исполняющим обязанности лейтенанта два месяца тому назад. Завтра экзамен. Если он сдаст, адмирал на следующий же день утвердит назначение и Хорнблауэр станет лейтенантом с двумя месяцами выслуги. Но если он провалится! Значит, он не достоин лейтенантского чина. Он снова станет мичманом, два месяца выслуги пропадут, и до следующих экзаменов его допустят не раньше чем через полгода. Восемь месяцев выслуги – дело огромной важности. Оно может повлиять на всю последующую карьеру.

– Скажите мистеру Болтону, что я разрешаю вам завтра оставить корабль. Можете воспользоваться одной из корабельных шлюпок.

– Благодарю вас, сэр.

– Удачи, Хорнблауэр.

В последующие двадцать четыре часа Хорнблауэру нужно было не только перечесть «Краткий курс навигации» Нори и «Полный справочник по судовождению» Кларка, но и добиться, чтоб его парадная форма блестела как с иголки. За порцию спиртного уорент-офицерский кок разрешил лейтенантскому вестовому нагреть на камбузе утюг и прогладить шейный платок. Брейсгедл одолжил чистую рубашку, однако критический момент наступил, когда обнаружилось, что весь лейтенантский запас ваксы ссохся в комок. Пришлось двум мичманам растирать его с жиром, а получившаяся смесь, будучи нанесена на Хорнблауэровы башмаки с пряжками, решительно отказалась натираться. Лишь упорный труд с применением сперва облезлой лейтенантской обувной щетки, а затем мягкой тряпочки позволил довести их до приличествующего экзаменам блеска. Что до треуголки – тяжела жизнь треуголки в мичманской каюте, и часть вмятин так и не удалось выправить.

– Снимайте ее как можно скорей и держите под мышкой, – посоветовал Брейсгедл. – Может, они не увидят, как вы поднимаетесь на мостик.

Все собрались проводить Хорнблауэра, когда тот покидал корабль, со шпагой, в белых панталонах, в башмаках с пряжками, неся под мышкой стопку журналов, а в кармане – характеристики (о трезвости и примерном поведении). Зимний день уже давно перевалил за полдень, когда Хорнблауэр поднялся на борт «Санта-Барбары» и доложил вахтенному офицеру.

«Санта-Барбара» была плавучей тюрьмой. Захваченная Родни в Кадисе, она с 1780 года так и гнила без мачт, на приколе: в мирное время – склад, в военное – тюрьма. На переходных мостиках стояли солдаты в красных мундирах – ружья заряжены, штыки примкнуты. Каронады на полубаке и шканцах были направлены внутрь и наклонены так, чтобы простреливался весь шкафут. Несколько печальных и оборванных заключенных прогуливались по палубе. Поднявшись на борт, Хорнблауэр сразу почувствовал вонь: внизу томились две тысячи арестантов. Он доложил вахтенному офицеру и сообщил цель своего прибытия.

– Кто бы мог догадаться? – сказал вахтенный, пожилой лейтенант с длинными, до плеч, седыми волосами, оглядывая безупречную форму и толстую стопку у Хорнблауэра под мышкой. – Пятнадцать человек вашего брата уже на борту, и... Боже милостивый, вы поглядите только.

Целая флотилия маленьких лодок приближалась к «Санта-Барбаре». На каждой было по меньшей мере по одному мичману в треугольной шляпе и белых панталонах, на иных четыре-пять.

– Каждый уважающий себя молодой человек в Средиземноморском флоте хочет получить эполет, – сказал лейтенант. – Вот подождите только, экзаменационная комиссия увидит, сколько вас собралось. Ни за что на свете я не хотел бы оказаться на вашем, юноша, месте. Идите на корму и ждите в левой бортовой каюте.

Каюта была полна, и пятнадцать пар глаз уставились на Хорнблауэра. Офицеры в возрасте от восемнадцати до сорока лет, все в парадной форме, все нервничали. Кто-то судорожно листал «Краткий курс» Нори, восстанавливая в памяти сомнительные места. Одна компания передавала из рук в руки бутылку, очевидно для поднятия духа. Следом за Хорнблауэром хлынул поток новоприбывших. Каюта стала заполняться и вскоре была набита битком. Половине из сорока мичманов посчастливилось сесть на палубу, другие остались стоять.

– Сорок лет назад, – произнес кто-то громко, – мой дед шел с Клайвом отомстить за Калькуттскую черную яму²⁴. Видел бы он, что случится с его отпрыском.

²⁴ Роберт Клайв (1725–1774) – генерал, основатель Британской империи в Индии. Калькуттская черная яма – вошедшее в историю название маленькой тюремной камеры в калькутском форте Уильям, где в ночь на 20 июня 1756 г. задохнулось много защищавших город англичан, брошенных туда захватившими город бенгальцами. Из 146 узников «черной ямы» выжили всего 23 человека. Этот инцидент стал поводом для взятия в 1757 г. Калькутты Робертом Клайвом, а затем и покорения им всей Бенгалии.

– Выпей, – сказал другой, – и ну их всех к черту!

– Нас здесь сорок, – заметил высокий, худой, ученый на вид офицер, считая по головам. – Сколько сдаст, как вы думаете? Пять?

– А ну их всех к черту! – повторил хмельной голос в углу и затянул: – «Прочь от меня, докучные заботы...»

Воздух наполнился протяжным свистом боцманских дудок, на палубе зазвучали команды.

– На борт поднялся капитан, – заметил кто-то.

Офицер выглянул в дверную щелку.

– Неустрашимый Фостер, – сообщил он.

– Вот уж кто все жилы вытянет, – сказал толстый молодой человек, удобно прислонившийся к переборке.

Снова засвистели дудки.

– Харви, из дока, – сообщил наблюдатель.

Тут же последовал третий капитан.

– Черный Чарли Хэммонд, – сказал наблюдатель. – Выглядит так, словно потерял гинею и нашел шестипенсовик.

– Черный Чарли?! – воскликнул кто-то, вскакивая и опрометью бросаясь к двери. – Дайте-ка глянуть! Он самый! По крайней мере один молодой человек на экзамен не останется. Я и так знаю, что он мне скажет. «Еще шесть месяцев в море, сэр, и как вы посмели, черт вас дери, явиться на экзамен с такими знаниями». Черный Чарли никогда мне не простит, что я уронил его любимого пуделя с борта тендера в Порт-оф-Спейне. Он тогда был первым на «Пегасе». Прощайте, джентльмены. Кланяйтесь от меня экзаменационной комиссии.

С этими словами молодой человек вышел. Все видели, как он объясняется с вахтенным офицером и подзывает лодку, чтоб вернуться на свой корабль.

– Одним меньше, – сказал ученый офицер. – В чем дело, любезный?

– Комиссия приветствует вас, господа, – сказал посыльный, морской пехотинец, – и приглашает первого молодого джентльмена.

Все смутились – никто не хотел быть первой жертвой.

– Тот, кто ближе к двери, – предложил немолодой подштурман. – Будете добровольцем, сэр?

– Я буду Даниилом²⁵, – в отчаянии произнес бывший наблюдатель. – Поминайте меня в своих молитвах.

Он пригладил мундир, расправил галстук и вышел. Остальные ждали в полном молчании, нарушаемом лишь редким бульканьем: мичман-забудыга прикладывался к бутылке. Прошло целых десять минут, прежде чем вернулся кандидат на повышение. Он силился изобразить улыбку.

– Еще шесть месяцев в море? – спросил кто-то.

– Нет, – последовал неожиданный ответ. – Три! Велели послать следующего. Идите вы.

– О чем вас спрашивали?

– Сначала попросили определить локсодромию... Советую вам не заставлять их ждать.

Человек тридцать офицеров тут же вытащили тетради, чтоб перечитать про локсодромию.

– Вы пробыли там десять минут, – сказал ученый офицер, глядя на часы. – Нас сорок, по десять минут на каждого... да они и к полуночи не управятся.

– Они проголодаются, – сказал кто-то.

– И съедят нас с потрохами, – добавил другой.

²⁵ Библейского пророка Даниила персы бросили в ров со львами.

– Может, они будут допрашивать нас партиями, – предположил третий, – как французские трибуналы.

Слушая их, Хорнблауэр вспоминал о французских аристократах, шутивших у подножия эшафота. Кандидаты уходили и возвращались, одни – подавленные, другие – улыбались. В каюте стало просторнее. Хорнблауэр нашел свободный кусок палубы, сел, вытянул ноги и беспечно вздохнул. Не успел он этого сделать, как понял, что притворяется сам перед собой. Нервы были на пределе. Наступала зимняя ночь; какой-то добрый самаритянин прислал пару интендантских свечей, слегка осветивших темноту каюты.

– Сдаст один из трех, – сказал ученый офицер, вставая. – Как бы мне оказаться третьим.

Ученый офицер вышел, и Хорнблауэр встал – следующая очередь его. Он шагнул в темноту на полупалубу и вдохнул прозрачный свежий воздух. Слабый бриз дул с зюйда, охлажденный снежными вершинами Африканского Атласа. Ни луны, ни звезд не было. Ученый офицер вернулся.

– Быстрей, – сказал он. – Они нервничают.

Хорнблауэр прошел мимо часового в кормовую каюту; она была ярко освещена, он заморгал и обо что-то споткнулся. Тут он вспомнил, что не поправил галстук и не проверил, ровно ли висит шпага. Он продолжал растерянно моргать. Три мрачных лица смотрели из-за стола.

– Ну, сэр? – произнес суровый голос. – Доложитесь. У нас нет времени.

– Х-хорнблауэр, сэр. Г-горацио Х-хорнблауэр. Мичман, то есть исполняющий обязанности лейтенанта фрегата его величества «Неустанный».

– Характеристики, пожалуйста, – произнес сидевший справа.

Хорнблауэр протянул капитанам бумаги и ждал, пока они их изучат. Тут неожиданно заговорил сидевший слева:

– Вы идете в крутой бейдевинд левым галсом, мистер Хорнблауэр, лавируя в проливе против штормового норд-оста в двух милях к норду от Дувра. Понятно?

– Да, сэр.

– Теперь ветер заходит на четыре румба, и лобовой порыв кладет паруса на стеньгу. Что вы делаете, сэр? Что вы делаете?

Если Хорнблауэр о чем и думал, то только о локсодромии. Вопрос застал его врасплох не хуже ветра в описанной ситуации. Он открыл и снова закрыл рот.

– Вы уже потеряли мачту, – сказал сидевший посредине смуглолицый капитан.

Хорнблауэр заключил, что перед ним Черный Чарли Хэммонд. Об этом он мог думать, а вот об экзамене – никак.

– Потеряли мачту, – повторил сидевший слева. Он улыбался, словно Нерон, наслаждающийся предсмертными муками христианина. – А скалы Дувра с подветренной стороны. Вы в затруднительной ситуации, мистер э... Хорнблауэр.

Вот уж действительно. Рот Хорнблауэра открылся и закрылся. В полном отупении он услышал глухой пушечный выстрел где-то неподалеку, но не обратил внимания. Комиссия тоже ничего не сказала. Через минуту, однако, последовала целая серия выстрелов. Капитаны вскочили. Без всяких церемоний они выбежали из каюты, сбив с ног часового, Хорнблауэр – за ними. Как только они выскочили на шкафут, в ночное небо взмыла ракета и рассыпалась водопадом красных брызг – тревога! Над водой плыл барабанный бой, на всех кораблях командовали: «По местам!» Возле левого борта, оживленно переговариваясь, толпились оставшиеся кандидаты.

– Смотрите, – сказал кто-то.

В полумиле от них темная вода осветилась желтоватым светом. Свет приближался, и вскоре все увидели объятый пламенем корабль. Он на всех парусах неся прямо к якорной стоянке.

– Брандеры!

– Вахтенный! Сигнальте моей гичке! – заорал Фостер.

Цепочка брандеров неслась по ветру, прямо на тесно стоящие корабли. На «Санта-Барбаре» поднялась суматоха: матросы и морские пехотинцы высыпали на палубу, капитаны и кандидаты подзывали лодки. Оранжевое пламя осветило воду, раздался рев бортового залпа – какое-то судно палило по брандеру, пытаясь его потопить. Стоит одному из этих пылающих островов коснуться, пусть на секунду, стоящего на якоре корабля, пламя перекинется на сухую крашеную древесину, на просмоленный такелаж, на паруса, и уже ничто его не остановит. Для легковоспламеняющихся кораблей, начиненных взрывчатыми веществами, огонь – страшнейшая из морских опасностей.

– Эй, на лодке! – заорал вдруг Хэммонд. – Сюда! Сюда, черт вас раздери!

Его зоркие глаза высмотрели проплывающую мимо лодку с двумя гребцами.

– Давайте сюда, не то стреляю! – подключился Фостер. – Часовой, приготовьтесь стрелять по ним.

При этой угрозе лодчонка развернулась и заскользила к бизань-руслению.

– Сюда, джентльмены, – сказал Хэммонд.

Все три капитана бросились к бизань-руслению и попрыгали в лодку. Хорнблауэр прыгнул за ними. Он знал, что у него, как у младшего офицера, шансы раздобыть лодку минимальны, а он обязан добраться до своего корабля. После того как все три капитана доберутся до своих кораблей, он сможет воспользоваться лодкой и попасть на «Неустанного». Он прыгнул на корму отваливающей лодки, загремел шпагой о планширь и чуть не вышиб дух из капитана Харви. Однако три капитана приняли незваного гостя, ни слова не сказав.

– Гребите к «Неустрашимому», – приказал Фостер.

– Тысяча чертей, я тут старший, – произнес Хэммонд. – Гребите к «Калипсо».

– К «Калипсо», – сказал Харви, берясь за румпель, и повел лодочку по темной воде.

– Быстрей, быстрее же, – говорил Фостер с искаженным страданием лицом.

Ничто не сравнится с душевной мукой капитана, лишенного возможности попасть на свой, терпящий бедствие, корабль.

– Вот один из них, – сказал Харви.

Прямо на них неслись на всех парусах маленький бриг; они различали отблески огня, и вдруг, прямо на глазах, бушующее пламя объело весь корабль, как праздничный фейерверк. Огонь полыхнул из бортов, взвился над люками. Сама вода осветилась зловещим красным отблеском. Судно замедлилось и начало тихо поворачиваться.

– Идет прямо на якорный канат «Санта-Барбары», – сказал Фостер.

– Еще чуть-чуть, и пронесло бы, – добавил Хэммонд. – Не повезло же беднякам на «Барбаре». Сейчас оно пройдет борт о борт.

Хорнблауэр подумал о двух тысячах испанских и французских пленных, задранных под палубами тюрьмы.

– Человек у руля мог бы провести его мимо, – сказал Фостер. – Мы должны это сделать! Харви положил руль на борт.

– Гребите, – сказал он лодочникам.

Те по понятной причине не хотели грести к пылающему каркасу.

– Гребите! – повторил Харви.

Он выхватил из ножен шпагу, и лезвие, направленное загребному в горло, зловеще блеснуло красным. Коротко всхлипнув, загребной налег на весло, и лодка понеслась.

– Подведите ее к кормовому подзору, – сказал Фостер. – Я прыгну.

Хорнблауэр наконец обрел дар речи:

– Позвольте мне, сэр. Я управляюсь.

– Давайте со мной, если хотите, – ответил Фостер. – Тут могут понадобиться двое.

Прозвище Неустрашимый Фостер происходило, вероятно, от названия корабля, но подходило по всем статьям. Харви подвел лодку под корму горящего судна; оно снова шло по ветру, прямо на «Санта-Барбару».

Хорнблауэр оказался ближе всех к бригу. Медлить было нельзя. Он встал на банку и прыгнул, ухватился за что-то и рывком втащил на палубу свое неуклюжее тело. Судно несло по ветру, и пламя отдувало вперед; на самой корме было пока просто очень жарко, но Хорнблауэр слышал рев пламени и треск горящего дерева. Он шагнул к штурвалу и схватил рукоятки. Штурвал был закреплен стропкой. Сбросив ее, Хорнблауэр снова взялся за штурвал и почувствовал, как руль берет воду. Он всем телом налег на штурвал и повернул его. Правый борт брига почти касался правого борта «Санта-Барбары». Пламя осветило взволнованную, размахивающую руками толпу на полубаке плавучей тюрьмы.

– Руль на борт! – загремел в ушах Хорнблауэра голос Фостера.

– Есть руль на борт, – отвечал Хорнблауэр.

Тут бриг послушался руля, нос его повернулся, столкновения не произошло.

Огромный столб огня поднялся из люка за грот-мачтой, мачта и такелаж вспыхнули, и тут же порыв ветра понес пламя к корме. Какой-то инстинкт подсказал Хорнблауэру, не выпуская штурвал, другой рукой схватить шейный платок и закрыть лицо. Пламя на мгновение закружилось вокруг и спало. Но промедление оказалось опасным, бриг продолжал поворачиваться, и теперь его корма грозила врезаться в нос «Санта-Барбары». Хорнблауэр в отчаянии крутил штурвал в другую сторону. Пламя отогнало Фостера к гакаборт, теперь он вернулся:

– Руль круто под ветер!

Бриг уже послушался. Его правый борт слегка задел шкафут «Санта-Барбары» и скользнул мимо.

– Прямо руль! – крикнул Фостер.

Брандер прошел в двух-трех ярдах от борта «Санта-Барбары». По шкафуту, держась наравне с бригом, бежали люди. Минувя плавучую тюрьму, Хорнблауэр краем глаза видел другую группу людей: на шканцах стояли матросы с пожарным деревом, готовые оттолкнуть брандер. Наконец «Санта-Барбара» осталась позади.

– «Отважный» с правого борта, – сказал Фостер. – Не заденьте.

– Есть, сэр.

Жар был чудовищный, непонятно, как вообще можно было дышать. Лицо и руки Хорнблауэра обжигало горячим воздухом. Обе мачты высились огненными столпами.

– Один румб вправо, – сказал Фостер. – Мы посадим его на мель у нейтральной земли.

– Есть один румб вправо, – отвечал Хорнблауэр.

Его захлестнула волна сильнейшего возбуждения, даже восторга; рев огня пьянил, страха не было совсем. Тут палуба вспыхнула чуть не в ярде от штурвала. Пламя вырывалось из разошедшихся палубных пазов, жар стал невыносимым, пазы раскрывались все дальше, пламя быстро бежало по корме. Хорнблауэр потянулся за стропкой, чтобы закрепить штурвал, но тот свободно завертелся под рукой – перегорели тросы рулевого привода. Тотчас палуба под ногами вздыбилась и полыхнула огнем. Хорнблауэр отскочил к гакаборт. Фостер был здесь.

– Перегорели тросы рулевого привода, сэр, – доложил Хорнблауэр.

Кругом бушевало пламя. Рукав его сюртука обуглился.

– Прыгайте! – сказал Фостер.

Хорнблауэр почувствовал, что Фостер толкает его. Все было как во сне. Он перелез через гакаборт, прыгнул, в воздухе от страхахватило дух, но ужаснее всего было прикосновение холодной воды. Волны сомкнулись над ним, и он в панике рванулся к поверхности. Было холодно – Средиземное море в декабре холодное. Какое-то время остававшийся в одежде воздух поддерживал его, несмотря на вес шпаги. Глаза, ослепленные огнем, ничего не видели в темноте. Кто-то барахтался рядом.

– Они идут за нами на лодке и сейчас подберут, – слышался голос Фостера. – Вы плавать умеете?

– Да, сэр. Не очень хорошо.

– Я тоже, – сказал Фостер, потом закричал: – Эй! Эй! Хэммонд! Харви!

Крича, он попытался выпрыгнуть из воды, плюхнулся обратно, снова попытался выпрыгнуть, снова плюхнулся; вода заливала ему рот, не давая закончить слово. Даже слабая схватка с водой, Хорнблауэр не терял способности думать – так уж странно был устроен его мозг – и отметил про себя, что даже капитан с большой выслугой в конечном счете, оказывается, простой смертный. Хорнблауэр попытался отцепить шпагу, не преуспел, а только погрузился глубже и с большим трудом вынырнул; со второй попытки он наполовину вытащил шпагу из ножен, дальше она выскользнула сама, однако ему стало не намного легче.

Тут Хорнблауэр услышал плеск весел и громкие голоса, увидел темный силуэт приближающейся лодки и испустил отчаянный крик. Через секунду лодка нависла над ним, и Хорнблауэр судорожно вцепился в планширь.

Фостера втащили через корму. Даже зная, что его дело – не шевелиться и не пытаться самому влезть в лодку, Хорнблауэр должен был собрать всю волю, чтобы тихо висеть за бортом и ждать своей очереди. Он одновременно презирал себя и с интересом анализировал свой необоримый страх. Для того чтобы люди в лодке смогли подвести его к корме, надо было ослабить смертельную хватку, которой он вцепился в планширь, а для этого потребовалось серьезное и сознательное напряжение воли. Его втащили внутрь, и он, на грани обморока, рухнул лицом вниз на дно лодки. Кто-то заговорил, и по коже Хорнблауэра побежали мурашки, ослабшие мускулы напряглись: слова были испанские, по крайней мере, на чужом языке, похожем на испанский.

Кто-то отвечал на том же языке. Хорнблауэр попытался выпрямиться, но чья-то рука легла ему на плечо. Он перекатился на спину, и привыкшие к темноте глаза различили три смуглых черноусых лица. Эти люди – не из Гибралтара. Через мгновение его осенило: это команда одного из брандеров, они провели судно за мол, подожгли и теперь уходили на лодке. Фостер сидел на дне, согнувшись пополам. Подняв лицо от коленей, он огляделся по сторонам.

– Кто это? – спросил он слабо. Схватка с морем вымотала его не меньше Хорнблауэра.

– Полагаю, сэр, команда испанского брандера, – сказал Хорнблауэр. – Мы в плену.

– Вот оно что!

Мысль эта вдохнула в него силы, как перед тем в Хорнблауэра. Фостер попытался встать, но рулевой-испанец, положив руку на плечо, пригнул его обратно. Фостер рванулся и закричал, однако рулевой шутить не собирался. С быстротой молнии он выхватил из-за пояса нож. Свет брандера, догорающего на мели, отразился на лезвии, и Фостер прекратил сопротивление. Несмотря на свое прозвище, Неустрашимый Фостер понимал, когда надо проявить благоразумие.

– Куда мы движемся? – шепотом, чтобы не раздражать хозяев, спросил он у Хорнблауэра.

– На север, сэр. Вероятно, они хотят высадиться на нейтральной земле и там перейти границу.

– Это для них лучше всего, – согласился Фостер. Он неловко повернул голову, оглядываясь на гавань. – Два других брандера догорают вон там. Мне помнится, их было всего три.

– Я видел три, сэр.

– Значит, все обошлось благополучно. Но какое смелое предприятие. Кто бы мог подумать, что доны на такое решатся?

– Возможно, они узнали про брандеры от нас, – предположил Хорнблауэр.

– Думаете, мы сами «перо взрастили для стрелы смертельной»?²⁶

²⁶ Из сатиры Байрона «Английские барды и шотландские обозреватели». В этой строфе сатиры поэт сравнивается с орлом,

– Возможно, сэр.

Какой же ледяной выдержкой надо обладать, чтобы цитировать Байрона и обсуждать военно-морскую диспозицию, следуя в испанский плен под угрозой обнаженной стали. «Ледяной» в данном случае может быть понято и буквально – Хорнблауэр весь дрожал в мокрой одежде под пронизывающим ночным ветром. После всех сегодняшних волнений он ощущал себя слабым и разбитым.

– Эй, на лодке! – раздалось над водой: в ночи возник темный силуэт.

Испанец, сидевший на корме, резко повернул румпель, направляя лодку в противоположную сторону. Гребцы с удвоенной силой налегли на весла.

– Караульная шлюпка, – сказал Фостер, но осекся, вновь увидев лезвие ножа.

Конечно, с северного края стоянки должна нести дозор караульная шлюпка; они могли бы об этом подумать.

– Эй, на лодке! – послышался новый окрик. – Суши весла, не то стреляю.

Испанцы не отвечали, и через секунду последовали вспышка и звук ружейного выстрела. Пули они не слышали, но выстрел всполошит флот, к которому они сейчас двигались. Однако испанцы не собирались сдаваться. Они отчаянно гребли.

– Эй, на лодке!

Кричали уже с другой лодки, впереди. Испанцы в отчаянии опустили весла, но окрик рулевого заставил их вновь приняться за работу. Хорнблауэр видел вторую лодку – она была прямо перед ними – и слышал новый окрик с нее. По команде рулевого-испанца загребной налег на весло, лодка развернулась; новая команда, и оба гребца рванули на себя весла. Лодка пошла на таран. Если им удастся опрокинуть находящуюся на пути шлюпку, второй лодке придется задержаться, чтоб подобрать товарищей; тогда испанцы успеют уйти.

Все смешалось, каждый, казалось, орал что есть мочи. Лодки с треском столкнулись, нос испанской лодки прошел по английской шлюпке, но опрокинуть ее не удалось. Кто-то выстрелил, потом караульная шлюпка оказалась рядом, команда запрыгнула к испанцам. Кто-то навалился на Хорнблауэра и принялся его душить. Хорнблауэр услышал протестующие крики Фостера, через мгновение нападавший ослабил хватку, и Хорнблауэр услышал, как мичман караульной шлюпки извиняется за грубое обращение с капитаном Королевского флота. Кто-то открыл лодочный фонарь, и в его свете появился Фостер, грязный и оборванный. Фонарь осветил молчащих пленников.

– Эй, на лодке! – послышался крик, и еще одна лодка возникла из темноты.

– Капитан Хэммонд, если не ошибаюсь. – В голосе Фостера звучали зловещие нотки.

– Благодарение Небу! – послышался голос Хэммонда.

– Вас-то благодарить не за что, – горько произнес Фостер.

– После того как брандер миновал «Санта-Барбару», порыв ветра понес вас так быстро, что мы отстали, – объяснил Харви.

– Мы двигались так быстро, как только могли заставить грести этих прибрежных скорпионов, – добавил Хэммонд.

– И все же, если б не испанцы, мы бы утонули, – фыркнул Фостер. – Я считал, что могу положиться на двух братьев-капитанов.

– На что вы намекаете, сэр? – огрызнулся Хэммонд.

– Я ни на что не намекаю, но другие могут прочесть намеки в простом перечислении событий.

– Я считаю ваши слова оскорблением, сэр, – сказал Харви, – адресованным как мне, так и капитану Хэммонду.

– Такая проницательность делает вам честь, – отвечал Фостер.

– Что ж, – сказал Харви, – мы не можем продолжать разговор в присутствии этих людей. Я пришлю вам своего друга.

– Буду очень рад.

– В таком случае желаю вам доброй ночи, сэр.

– И я тоже, – сказал Хэммонд. – Весла на воду.

Лодка выскользнула из освещенного пространства, оставив невольных свидетелей с открытым ртом дивиться причудам людской натуры. Человек, только что спасенный сначала от смерти, потом от плена, вновь бесцельно рискует жизнью. Фостер провожал лодку взглядом; возможно, он уже раскаивался в своем истерическом всплеске.

– Мне многое предстоит сделать за ночь, – сказал он скорее самому себе, потом обратился к мичману караульной шлюпки: – Вы, сэр, займетесь пленными и отвезете меня на мой корабль.

– Есть, сэр.

– Кто-нибудь тут говорит по-испански? Объясните, что я отправлю их в Картахену по картелю, без обмена. Они спасли нам жизнь, и это наименьшее, что мы можем для них сделать. – Последняя фраза была адресована Хорнблауэру.

– Я думаю, так будет справедливо, сэр.

– Теперь вы, мой огнедышащий друг. Позвольте выразить вам мою благодарность. Вы молодец. Если я переживу сегодняшнее утро, то постараюсь, чтобы начальство узнало о вашем поведении.

– Благодарю вас, сэр. – Вопрос застрял у Хорнблауэра в горле, и потребовалась некоторая решимость, чтобы его выговорить: – А мой экзамен, сэр? Мои характеристики?

Фостер тряхнул головой:

– Боюсь, в таком составе эта комиссия уже не соберется. Вам придется подождать другого случая.

– Есть, сэр, – с нескрываемым отчаянием произнес Хорнблауэр.

– Послушайте-ка, мистер Хорнблауэр, – сказал Фостер, поворачиваясь к нему. – Насколько я помню, вы находились с обстеленным парусом на ветре от Дуврских скал. Еще минута, и вы бы пошли ко дну. Вас спас только предупредительный выстрел. Разве не так?

– Так, сэр.

– Тогда благодарите судьбу за маленькие подарки. А тем более за большие.

Глава девятая

Ноев ковчег

Исполняющий обязанности лейтенанта Горацио Хорнблауэр стоял на корме баркаса вместе с мистером Таплингом из дипломатической службы. У их ног лежали мешки с золотом. Вокруг поднимались крутые склоны Оранского залива. Перед ними в ярких лучах солнца белел город, похожий на россыпь мраморных кубиков, небрежно раскиданных по склонам холмов. Шлюпка плыла по легкой зыби, гребцы ритмично налегали на весла, пеня изумрудно-зеленую воду. Средиземное море позади них было небесно-голубым.

– Издали вид прекрасный, – сказал Таплинг, глядя на приближающийся город, – но при ближайшем рассмотрении вы обнаружите, что зрение ваше обманулось. А тем более обоняние. В запах правоверных, право, не поверишь. Подведите баркас к причалу вот сюда, мистер Хорнблауэр, за эти шебеки.

– Есть, сэр, – отозвался на соответствующий приказ Хорнблауэра рулевой.

– Вон часовой на батарее, – заметил Таплинг, внимательно осматриваясь, – и даже не совсем спит. Обратите внимание на эти пушки. Двадцатидвухфунтовые, не меньше. Каменные ядра сложены наготове. Каменное ядро, разлетевшись на куски, причиняет ущерб, несопоставимый с его размерами. И стены очень даже прочные. Боюсь, Оран не просто взять *coup de main*²⁷. Если его туземное высочество бей решит перерезать нам глотки и забрать золото, за нас не скоро отомстят, мистер Хорнблауэр.

– Не думаю, чтоб отмщение меня сильно утешило, – сказал Хорнблауэр.

– Тоже верно. Но без сомнения, его туземное высочество нас на сей раз пощадит. Мы – гусыня, которая несет золотые яйца. Полная лодка золота каждый месяц – радужная перспектива для пиратского бея в наши дни, когда торговые суда хорошо охраняются.

– Шабаш! – крикнул рулевой.

Лодка плавно скользнула к причалу и аккуратно пришвартовалась. На берегу сидели в тени несколько человек – они сразу повернули головы и принялись разглядывать англичан. На палубах шебек появились темнолицые мавры и тоже принялись глазеть. Один или двое что-то выкрикнули.

– Без сомнения, они перечисляют родословные неверных, – сказал Таплинг. – Брань на вороту не виснет, особенно если я ее не понимаю. – И добавил, глядя из-под руки: – Где же он?

– Никого не видно, кто бы походил на христианина, – сказал Хорнблауэр.

– Он не христианин, – сказал Таплинг. – Белый, но не христианин. Белый благодаря смеси французской, арабской и мавританской кровей, консул его британского величества в Ороне *pro tem*²⁸ и мусульманин из соображений удобства. Кстати, в положении правоверного есть серьезные минусы. Зачем мне четыре жены, если в благодарность за это сомнительное удовольствие я должен воздерживаться от спиртного?

Таплинг спрыгнул на причал, Хорнблауэр последовал за ним. Внизу умиротворяюще плескалась легкая зыбь. От каменных плит, по которым они ступали, отражался ослепительный жар полуденного солнца. Далеко в заливе стояли на якоре два корабля – транспортное судно «Каролина» и фрегат его величества «Неустанный». Они были дивно хороши на синей морской глади, искрящейся серебром.

– И все-таки я предпочел бы «Друри-Лейн» в субботнюю ночь, – сказал Таплинг.

Он снова повернулся к городской стене, защищающей Оран с моря. Узкие ворота, обрамленные бастионами, выходили прямо к причалу. Сверху стояли часовые в красных кафтанах.

²⁷ Неожиданное нападение (*фр.*).

²⁸ *Pro tem* – сокращение от *pro tempore* – временно (*лат.*).

В густой тени под проемом ворот что-то двигалось, но ослепленные солнцем глаза не могли ничего различить. Наконец на свет вышла небольшая группа: полуголый негр вел осла, на котором боком, ближе к крупу, располагалась массивная фигура в синем одеянии.

– Пойдем навстречу консулу его британского величества? – спросил Таплинг. – Нет. Пусть сам к нам идет.

Негр остановил осла, всадник спешил и вразвалку подошел к ним. То был высокий грузный человек в длинном одеянии. Землистого цвета лицо украшали жидкие усики и борода, большую голову венчал белый тюрбан.

– К вашим услугам, господин Дюра, – сказал Таплинг. – Позвольте представить вам мистера Горацио Хорнблауэра, исполняющего обязанности лейтенанта с фрегата «Неустанный».

Господин Дюра кивнул. Его лоб покрывала испарина.

– Деньги привезли? – спросил он утробным голосом.

Прошло несколько минут, пока Хорнблауэр привык к его французскому и начал понимать.

– Семь тысяч золотых гиней, – отвечал Таплинг на сносном французском языке.

– Хорошо, – произнес Дюра с явным облегчением. – Они в шлюпке?

– В шлюпке, – ответил Таплинг. – Там они пока и останутся. Помните условия? Четыре сотни упитанных бычков, пять тысяч фанег²⁹ ячменя. Когда я увижу, что все это погружено на лихтеры, а лихтеры подошли к судам в заливе, я вручу вам деньги. Когда припасы будут готовы?

– Скоро.

– Так я и знал. Когда?

– Скоро... очень скоро.

Таплинг состроил недовольную мину:

– Тогда мы возвращаемся на корабль. Завтра или, может быть, послезавтра мы вернемся с золотом.

На потном лице Дюра проступил испуг.

– Нет-нет, не надо, – сказал он поспешно. – Вы не знаете его высочество бея. Нрав его переменчив. Если он будет знать, что золото здесь, он велит пригнать скот. Увезете золото, и он не шевельнет пальцем. И... и... он разгневется на меня.

– *Ira principis mors est*, – произнес Таплинг и, видя непонимающее лицо Дюра, снизошел до перевода: – Гнев князя означает смерть. Так ведь?

– Да, – отвечал Дюра и, в свою очередь, произнес несколько слов на незнакомом языке, сопроводив их резким непонятным жестом, потом перевел: – Да не будет этого.

– Конечно, мы надеемся, что этого не будет, – с обезоруживающей сердечностью согласился Таплинг. – Шнурок для удушения, крюк, даже битье по пяткам – все так неприятно. Посему отправляйтесь-ка лучше к бею и постарайтесь, чтоб он распорядился насчет скота и ячменя. Иначе мы отчалим с наступлением ночи.

Желая подчеркнуть, что надо торопиться, Таплинг взглянул на солнце.

– Я поеду. – Дюра примиряюще развел руками. – Я поеду. Но умоляю вас, не отчаливайте. Быть может, его высочество в гареме. В таком случае никому не дозволяется его беспокоить. Но я попытаюсь. Зерно уже здесь, в касбе³⁰. Нужно только пригнать скот. Прошу вас, не беспокойтесь. Умоляю вас. Его высочество не привык торговать, тем более торговать по обычаю франков.

Дюра подолом вытер потное лицо.

²⁹ Фанега – испанская мера сыпучих тел; 1 фанега равна 55,5 литра.

³⁰ Касба – крепость (араб.).

– Простите меня, – сказал он. – Я плохо себя чувствую. Но я отправлюсь к его высочеству. Умоляю, подождите меня.

– До заката, – непреклонно отвечал Таплинг.

Дюра окликнул слугу-негра – тот скрючился под ослиным животом, прячась от солнца, – и с усилием взгромоздил жирное тело на ослиный круп. Снова вытерев лицо, он в некотором замешательстве взглянул на англичан.

– Ждите меня, – были его последние слова.

Ослик затрусил обратно к городским воротам.

– Он боится бея, – сказал Таплинг, провожая консула взглядом. – По мне, лучше двадцать беев, чем один разъяренный адмирал сэр Джон Джервис³¹. Что он скажет о новой задержке, когда флот и так на голодном пайке? Он мне кишки выпустит.

– От мавров пунктуальности ждать не приходится, – произнес Хорнблауэр с беспечно-стью человека, который сам ни за что не отвечает.

Но подумал он о британском флоте, который без друзей, без союзников, ценой отчаянных усилий поддерживает блокаду враждебной Европы перед лицом превосходящих сил противника, штормов, болезней, а теперь еще и голода.

– Посмотрите-ка! – вдруг сказал Таплинг.

В пересохшей сточной канаве появилась большая серая крыса. Она села и принялась осматриваться, не обращая внимания на яркий солнечный свет. Таплинг топнул на нее ногой, но и тогда крыса не особо встревожилась. Он снова топнул, она попыталась спрятаться обратно в водосток, оступилась, упала, немного подергалась, потом поднялась на лапки и исчезла в темноте.

– Старая крыса, – сказал Таплинг. – Наверное, из ума выжила. Может, даже слепая.

Ни слепые, ни зрячие крысы Хорнблауэра не волновали. Он пошел к баркасу, дипломат следовал за ним.

– Максвелл, разверни-ка грот, чтобы он давал нам немного тени, – сказал Хорнблауэр. – Мы останемся здесь до вечера.

– Как все-таки хорошо в мусульманском порту, – сказал Таплинг, усаживаясь на швартовую тумбу рядом со шлюпкой. – Не надо волноваться, что матросы сбегут. Не надо волноваться, что они напьются. Всех-то и забот что бычки да ячмень. И как поджечь трут.

Он вынул из кармана трубку, продул и собрался набивать. Грот затенял теперь шлюпку, и матросы уселись на носу, переговариваясь вполголоса, другие поудобнее расположились на корме. Шлюпка мерно покачивалась на легкой зыби. Ритмичное поскрипывание кранцев между шлюпкой и причалом убаюкивало, город и порт дремали в послеполуденный зной. Однако живой натуре Хорнблауэра тяжело было сносить длительное бездействие. Молодой человек взобрался на пристань, прошелся туда-сюда, чтобы размять ноги. Мавр в белом одеянии и тюрбане нетвердой походкой вышел на солнечный свет у края воды. Его качало, и он широко расставлял ноги, пытаясь сохранить равновесие.

– Вы говорили, сэр, что мусульманам запрещено употреблять спиртное? – спросил Хорнблауэр сидевшего на корме Таплинга.

– Не то чтоб совсем запрещено, – осторожно ответил Таплинг, – но спиртное предано анафеме, поставлено вне закона, и его трудно достать.

– Кое-кто ухитрился его достать, сэр, – заметил Хорнблауэр.

– Дайте-ка глянуть, – сказал Таплинг, вставая.

Матросы, наскучившие ожиданием и всегда интересующиеся насчет выпивки, тоже перелезли на пристань.

– Похож на пьяного, – согласился Таплинг.

³¹ Джон Джервис (впоследствии граф Сент-Винсент; 1735–1823) – выдающийся английский флотоводец.

– Набрался до краев, – сказал Максвелл, когда мавр пошел полукругом.

В конце полукруга мавр упал ничком, из-под длинной одежды высунулась коричневая нога и тут же втянулась обратно. Теперь он лежал без движения, положив голову на руки. Упавший на землю тюрбан обнажил бритую голову с прядью волос на макушке.

– Лишился мачт, – сказал Хорнблауэр.

– И сел на мель, – закончил Таплинг.

Мавр лежал, ни на что не обращая внимания.

– А вот и Дюра, – сказал Хорнблауэр.

Из ворот вновь появилась массивная фигура на осле. Следом, тоже на осле, ехал другой дородный мавр. Обоих осликов вели слуги-негры. Сзади шли человек десять темных личностей, чьи мушкеты и подобие формы выдавали солдат.

– Казначей его высочества, – представил Дюра, когда оба спешили. – Явился получить золото.

Дородный мавр высокомерно посмотрел на англичан. Солнце палило. Дюра по-прежнему обливался потом.

– Золото здесь. – Таплинг указал на шлюпку. – Оно на корме баркаса. Вы его увидите, когда мы увидим припасы, которые собираемся купить.

Дюра перевел его слова на арабский. Потом они с казначеем обменялись несколькими фразами, и казначей, очевидно, сдался. Он обернулся к воротам и махнул рукой. Видимо, это был условленный сигнал, потому что из ворот тут же выступила печальная процессия: длинная цепочка полуголых людей, белых, цветных, мулатов. Каждый сгибался под тяжестью мешка с зерном. Рядом шли надсмотрщики с палками.

– Деньги, – перевел Дюра слова казначея.

По команде Таплинга матросы принялись вытаскивать на причал тяжелые мешки с золотом.

– Когда зерно будет на пирсе, я прикажу отнести золото туда же, – сказал Таплинг Хорнблауэру. – Последите за ним, пока я загляну хотя бы в несколько мешков.

Таплинг подошел к веренице рабов. Открывая то один, то другой мешок, он заглядывал внутрь и доставал пригоршню золотистого ячменя. Некоторые мешки он ощупывал снаружи.

– Никакой возможности проверить все сто тонн ячменя, – заметил дипломат, возвращаясь к Хорнблауэру. – Полагаю, в нем изрядная доля песка. Таков уж обычай правоверных. Цена назначена соответственно. Очень хорошо, эфенди.

По знаку Дюра подгоняемые надсмотрщиками рабы затрусили к воде и начали грузить мешки на пришвартованный к причалу лихтер. Первые десять человек принялись раскладывать груз на дне лихтера, другие затрусили за новыми мешками. Тела их лоснились от пота. Тем временем из ворот появились два смуглых погонщика. Перед собой они гнали небольшое стадо.

– Жалкие заморыши, – произнес Таплинг, разглядывая бычков, – но плата учитывает и это.

– Золото, – сказал Дюра.

Вместо ответа Таплинг открыл один из мешков, вытащил пригоршню золотых гиней и водопадом ссыпал их обратно.

– Здесь пять сотен гиней, – сказал он. – Четырнадцать мешков, как вы можете видеть. Вы получите их, как только лихтеры будут загружены и снимутся с якоря.

Дюра усталым жестом вытер лицо. Ноги едва держали его. Он оперся на стоявшего позади спокойного ослика.

Бычков сгоняли по сходням другого лихтера. Еще одно стадо прошло через ворота и теперь ждало своей очереди.

– Дело идет быстрее, чем вы боялись, – сказал Хорнблауэр.

– Видите, как они гоняют этих бедняг, – нравоучительно произнес Таплинг. – Гляньте-ка! Дела идут быстро, если не шадить людей.

Цветной раб свалился под тяжестью своей ноши и лежал, не обращая внимания на град палочных ударов. Ноги его слабо подергивались. Кто-то оттащил его с дороги, и движение мешков в сторону лихтера возобновилось. Другой лихтер быстро заполнялся стиснутым в сплошную мычащую массу скотом.

– Надо же. Его туземное высочество держит слово, – дивился Таплинг. – Если бы меня спросили раньше, я бы согласился на половину.

Один из погонщиков сел на причал и закрыл лицо руками, посидел так немного и повалился набок.

– Сэр, – начал Хорнблауэр, обращаясь к Таплингу.

Оба англичанина в ужасе посмотрели друг на друга, пораженные одной мыслью.

Дюра начал что-то говорить. Одной рукой он держался за ослиную холку, другой жестикулировал, как бы произнося речь, но в его хриплых словах не было никакого смысла. Лицо раздулось больше своей природной толщины, исказилось, к щекам прилила кровь, так что они побагровели даже под густым загаром. Дюра отпустил ослиную холку и на глазах у англичан пошел по большому полукругу. Голос его превратился в шепот, ноги подкосились, он упал на четвереньки, а затем и плашмя.

– Чума! – воскликнул Таплинг. – Черная смерть! Я видел ее в Смирне в девяносто шестом.

Англичане отпрянули в одну сторону, казначей и солдаты – в другую. Посредине осталось лежать подергивающееся тело.

– Чума! – взвизгнул молодой матрос.

Он был готов броситься к баркасу, остальные побежали бы за ним.

– Стоять смирно! – рявкнул Хорнблауэр.

Он испугался не меньше других, но привычка к дисциплине так прочно въелась в него, что он машинально остановил панику.

– Какой же я дурак, что не сообразил раньше, – сказал Таплинг. – Умиравшая крыса, тип, которого мы приняли за пьяного... Я должен был догадаться!

Сержант казначейского эскорта и главный надсмотрщик что-то бурно обсуждали между собой, то и дело тыкая пальцами в сторону умирающего Дюра; сам казначей прижимал к себе одежду и с зачарованным ужасом глядел под ноги, где лежал несчастный.

– Сэр, – обратился Хорнблауэр к Таплингу, – что нам делать?

Характер Хорнблауэра в чрезвычайных обстоятельствах требовал действовать немедленно.

– Что делать? – Таплинг горько усмехнулся. – Мы останемся здесь и будем гнить.

– Здесь?

– Флот не примет нас обратно. По крайней мере, пока не пройдут три недели карантина. Три недели после последнего случая заболевания.

– Чушь! – сказал Хорнблауэр. Все его уважение к старшим взбунтовалось против услышанного. – Никто не отдаст такого приказа.

– Вы думаете? Вы видели эпидемию на флоте?

Хорнблауэр не видел, но слышал, как на флотах девять из десяти умирали от сыпного тифа. Тесные корабли, где на матроса приходится по двадцать два дюйма, чтобы подвесить гамак, – идеальные рассадники эпидемий. Хорнблауэр понял, что ни один капитан, ни один адмирал не пойдет на такой риск ради двадцати человек, составляющих команду баркаса.

Две стоявшие у причала шебеки неожиданно снялись с якорей и на веслах выскользнули из гавани.

– Наверное, чума разразилась только сегодня, – задумчиво сказал Хорнблауэр.

Его привычка к умозаключениям оказалась сильнее тошнотворного страха.

Погонщики бросили работу, оставив товарища лежать на пристани. У городских ворот стражники загоняли народ обратно в город, – видимо, слух о чуме уже распространился и вызвал панику, а стражники только что получили приказ не давать обитателям разбегаться по окрестностям. Скоро в городе начнут твориться кошмарные вещи. Казначей взбирался на осла; толпа рабов рассеялась, как только разбежались надсмотрщики.

– Я должен доложить на корабль, – сказал Хорнблауэр.

Таплинг, штатский дипломат, не имел над ним власти. Вся ответственность лежала на Хорнблауэре. Команда баркаса подчинялась Хорнблауэру, ее поручил ему капитан Пелью, чья власть исходила от короля.

Удивительно, как быстро распространяется паника. Казначей исчез, негр Дюра ускакал на осле бывшего хозяина, солдаты ушли толпой. На пирсе остались только мертвые и умирающие. Вдоль побережья, под стеной, лежал путь в окрестности города, туда все и устремились. Англичане стояли одни, у ног их лежали мешки с золотом.

– Чума передается по воздуху, – говорил Таплинг. – Даже крысы умирают от нее. Мы были здесь несколько часов. Мы были достаточно близко... к этому... – Он кивнул в сторону умирающего Дюра. – Мы с ним говорили, до нас долетало его дыхание. Кто из нас будет первым?

– Посмотрим, когда придет время, – сказал Хорнблауэр.

Это было в его натуре: бодриться, когда другие унывают. Кроме того, он не хотел, чтобы матросы слышали слова Таплинга.

– А флот! – горько произнес Таплинг. – Все это. – Он кивнул в сторону брошенных лихтеров, один из которых был почти полон скота, другой – мешков с зерном. – Все это было бы для него спасением. Люди и так на двух третях рациона.

– Мы что-нибудь придумаем, черт возьми, – сказал Хорнблауэр. – Максвелл, погрузите золото обратно в шлюпку и уберите навес.

Вахтенный офицер «Неустанного» увидел, что возвращается корабельный баркас. Легкий бриз покачивал фрегат и транспортный бриг на якорях. Баркас, вместо того чтобы подойти к борту, зашел под корму «Неустанного» с подветренной стороны.

– Мистер Кристи! – крикнул Хорнблауэр, стоя на носу баркаса.

Вахтенный офицер подошел к гакаборт.

– В чем дело? – спросил он с удивлением.

– Мне надо поговорить с капитаном.

– Так поднимитесь на борт и поговорите с ним. Какого черта?

– Прошу вас, спросите капитана Пелью, может ли он поговорить со мной.

В окне кормовой каюты появился Пелью – он явно слышал разговор.

– Да, мистер Хорнблауэр?

Хорнблауэр сообщил новости.

– Держитесь с подветренной стороны, мистер Хорнблауэр.

– Да, сэр. Но припасы...

– Что с ними?

Хорнблауэр обрисовал ситуацию и изложил свою просьбу.

– Это несколько необычно, – задумчиво сказал Пелью. – Кроме того...

Он не хотел орать во всеуслышание, что вскоре вся команда баркаса может умереть от чумы.

– Все будет в порядке, сэр. Там недельный рацион для эскадры.

Это было самое главное. Пелью должен был взвесить, с одной стороны, возможную потерю транспортного брига, с другой – несравненно более важную возможность получить

припасы, которые позволят эскадре продолжить наблюдение за средиземноморским побережьем. С такой точки зрения предложение Хорнблауэра выглядело вполне разумным.

– Что ж, очень хорошо, мистер Хорнблауэр. К тому времени, как вы доставите припасы, я закончу перевозить команду. Назначаю вас командовать «Каролиной».

– Спасибо, сэр.

– Мистер Таплинг останется с вами пассажиром.

– Хорошо, сэр.

Так что когда команда баркаса, обливаясь потом и налегая на весла, привела оба лихтера в залив, «Каролина», оставленная командой, покачивалась на волнах, а с борта «Неустанного» десяток любопытных в подзорные трубы наблюдал за происходящим. Хорнблауэр с полудюжиной матросов поднялся на борт брига.

– Пряма-таки чертов Ноев ковчег, сэр, – сказал Максвелл.

Сравнение было очень точным: гладкая верхняя палуба «Каролины» была разделена на загоны для скота, а чтобы облегчить управление судном, над загонами были уложены мостки, образующие почти сплошную верхнюю палубу.

– И всякой твари по паре, сэр, – заметил другой матрос.

– Но у Ноя все твари сами заходили парами, – сказал Хорнблауэр. – Нам же не так повезло. И сначала придется погрузить зерно. Раздраить люки!

Две-три сотни матросов с «Неустанного» быстро перегрузили бы мешки с лихтера, теперь это предстояло сделать восемнадцати матросам с баркаса. К счастью, Пелью приказал вынуть из трюма балласт, не то пришлось бы делать сперва эту утомительную работу.

– Цепляйте к таям, – сказал Хорнблауэр.

Пелью посмотрел, как первые мешки с зерном медленно поднялись над лихтером, проплыли по воздуху и опустились в люк «Каролины».

– Он справится, – решил Пелью. – Мистер Болтон, пожалуйста, команду на шпиль, с якоря сниматься.

Хорнблауэр, распоряжавшийся погрузкой, услышал голос капитана, усиленный рупором:

– Удачи, мистер Хорнблауэр. Доложитесь через три недели в Гибралтаре.

– Очень хорошо, сэр. Спасибо, сэр.

Хорнблауэр обернулся и увидел рядом матроса, державшего руку под козырек.

– Простите, сэр. Слышите, как они мычат, сэр? Жарко ужасно, и они пить хотят, сэр.

– Черт! – сказал Хорнблауэр.

До заката ему скот не загрузить. Он оставил несколько человек продолжать погрузку и вместе с остальными стал придумывать, как же напоить несчастных животных. Полтрюма «Каролины» было заполнено фуражом и бочонками с водой, но ее пришлось перекачивать в лихтер с помощью помпы и шланга. Почувяв воду, бедные животные бросились к ней. Лихтер накренился и чуть было не перевернулся. Один из матросов (к счастью, он умел плавать) спрыгнул с лихтера через борт – иначе его задавили бы насмерть.

– Черт! – сказал Хорнблауэр, далеко не в последний раз.

Без всякой подсказки ему предстояло научиться, как обращаться со скотом в море: чуть ли не каждую секунду он получал новый урок. Действительно, странные обязанности выпадают иногда флотскому офицеру. Давно стемнело, когда Хорнблауэр разрешил своим людям закончить работу; на следующий день он поднял их до света. Заря только занималась, когда они закончили с мешками, и перед Хорнблауэром встала новая задача: как перегружать бычков с лихтера. Животные провели ночь на судне, почти без пищи и воды, и были настроены недружелюбно. Однако поначалу, пока они стояли тесно, все оказалось не так уж сложно. На ближайшего бычка надели подпругу, прицепили к ней тали, животное повисло в воздухе и опустилось через отверстие в мостках. Его легко загнали в одно из стойл. Моряки кричали и размахивали рубашками, работа их веселила. Однако следующий бычок, когда с него сняли

подпругу, пришел в ярость и принялся гоняться за ними по палубе, грозя насмерть заколоть рогами, пока не забежал в стойло, где его быстро заперли на щеколду. Хорнблауэр, глядя, как солнце быстро встает на востоке, не находил в происходящем ничего смешного.

По мере того как лихтер пустел, бычкам оставалось все больше места; они носились по палубе, и поймать их, чтобы надеть подпругу, становилось все более опасным. Вид собратьев, с мычанием проплывающих над головами, отнюдь не успокаивал полудиких бычков. Еще до середины дня люди Хорнблауэра так вымотались, словно выдержали бой, и не один из них с радостью поменял бы свою новую работу на обычный матросский труд – например, взбираться на рей и брать рифы на марселе в штормовую ночь. Когда Хорнблауэр догадался разделить внутренность лихтера на части ограждениями из рангоутного дерева, дело пошло лучше, но это заняло время, и стадо успело понести некоторые потери: бешено носясь по палубе, бычки затоптали парочку наиболее слабых животных.

Некоторое разнообразие внесла подошедшая с берега лодка со смуглыми гребцами-маврами и казначеем на корме. Хорнблауэр оставил Таплинга торговаться, – видимо, бей не настолько испугался чумы, чтобы позабыть про деньги. Хорнблауэр настоял только, чтобы лодка держалась на приличном расстоянии с подветренной стороны, а деньги отправили к ней по воде в пустых бочонках из-под рома. Наступила ночь, а в стойла перегрузили едва ли половину животных. Хорнблауэр тем временем ломал голову, как их напоить и накормить. Он тут же подхватывал любые намеки, которые удавалось дипломатично выудить из тех матросов, кто был родом из деревни. Лишь начало светать, он снова выгнал людей на работу. Он немного развлекся, глядя, как Таплинг прыгает на мостки, спасаясь от разъяренного быка. К тому времени, как всех животных благополучно заперли в стойлах, перед Хорнблауэром встала новая задача, которую один из матросов элегантно обозначил как «выгребание навоза». Задать корм... Напоить... Выгрести навоз... Полная палуба скота обещала достаточно работы для восемнадцати человек, а ведь надо будет еще управлять судном.

Но в том, что люди заняты, есть свое преимущество, мрачно решил про себя Хорнблауэр: с тех пор как началась работа, про чуму не говорили совсем. Место, где стояла «Каролина», не было защищено от северо-восточных ветров, и Хорнблауэр счел необходимым вывести ее в открытое море, пока они не задуют. Он собрал матросов и поделил их на вахты; поскольку он был единственным навигатором, пришлось назначить рулевого и младшего рулевого Джордана вахтенными офицерами. Кто-то вызвался быть коком, и Хорнблауэр, обведя собравшихся взглядом, назначил Таплинга помощником кока. Тот открыл было рот, но, увидев выражение Хорнблауэрова лица, предпочел промолчать. Ни боцмана, ни плотника... врача тоже нет, как мрачно заметил про себя Хорнблауэр. С другой стороны, если потребность во враче и возникнет, то, надо надеяться, ненадолго.

– Левая вахта, отдать кливера и грот-марсель, – приказал он. – Правая вахта, на шпиль.

Так началось путешествие транспортного брига «Каролина», ставшее (благодаря сильно приукрашенным байкам, которые матросы травили долгими собачьими вахтами в последующих плаваниях) легендарным во всем Королевском флоте. «Каролина» провела три недели карантина в бездомных странствиях по западной части Средиземного моря. Ей надо было держаться ближе к проливу, чтобы западные ветры и преобладающие течения со стороны океана не отнесли ее слишком далеко от Гибралтара. Она лавировала между испанскими и африканскими берегами, оставляя за собой крепнущий запах коровника. «Каролина» была старая, потрепанная: в любую погоду она текла, как решето; у помпы постоянно стояли матросы, то откачивая воду, то поливая палубу, чтобы ее очистить, то качая воду животным.

Верхний рангоут «Каролины» делал ее неуправляемой в свежий бриз, палубные пазы, естественно, текли, и вниз постоянно капала неопишимо мерзкая жижа. Единственным утешением было обилие свежего мяса. Многие матросы не ели его последние месяца три. Хорнблауэр щедро жертвовал по бычку в день: в таком жарком климате мясо долго не хранится. Так

что его люди пировали, ели бифштексы и языки; многие из них ни разу в жизни не пробовали бифштекса.

Но с питьевой водой было плохо – это тревожило Хорнблауэра даже сильнее, чем обычного капитана: бычки постоянно хотели пить. Дважды Хорнблауэру приходилось высаживать на заре десант, захватывать какую-нибудь деревушку и наполнять бочки речной водой.

Дело это было опасное. Когда после второй вылазки «Каролина» торопилась прочь от берега, из-за мыса на всех парусах вышел испанский люгер береговой охраны – *guarda-costa*. Первым его заметил Максвелл. Хорнблауэр увидел люгер раньше, чем Максвелл успел доложить о появлении неприятеля.

– Очень хорошо, Максвелл, – сказал Хорнблауэр, пытаясь не выдать волнения.

Он направил на люгер подзорную трубу. Тот был в милях трех, не больше, с наветренной стороны, и «Каролина» оказалась заперта в бухте. Пути к спасению были отрезаны. За то время, что они сделают два фута, люгер сделает три, а неуклюжий рангоут «Каролины» не позволял ей идти круче восьми румбов к ветру. Хорнблауэр смотрел, и в нем вскипало накопленное за последние семнадцать дней раздражение. Он злился на судьбу, впутавшую его в глупую историю. Он ненавидел «Каролину», ее неуклюжесть, ее вонь и ее груз. Он негодовал на свою неудачливость, загнавшую его в безнадежное положение.

– Черт! – произнес Хорнблауэр, от гнева буквально топая ногами по мосткам. – Тысяча чертей!

«Надо же, – с любопытством подумал он, – я пляшу от гнева». Но эта боевая лихорадка означала, что так просто он не сдастся. План действий созрел. Сколько человек в команде испанского *guarda-costa*? Двадцать? Это от силы, ведь задача подобных люгеров – бороться с мелкими контрабандистами. Поскольку внезапность на его стороне, у него есть шанс, несмотря на четыре восьмифунтовки, которые нес люгер.

– Пистолеты и абордажные сабли, ребята, – сказал он. – Джордан, выбери двух матросов и встань с ними тут, на виду. Остальные, спрячьтесь. Спрячьтесь. Да, мистер Таплинг, вам можно с нами. Не забудьте вооружиться.

Никто не будет ожидать сопротивления от нагруженного скотом транспортного судна; испанцы думают, что на борту не больше двенадцати человек, а там дисциплинированный отряд из двадцати. Главное – подманить люгер достаточно близко.

– Круто к ветру, – сказал Хорнблауэр стоявшему внизу рулевому. – Приготовьтесь прыгать, ребята. Максвелл, если кто-нибудь высунется до моего приказа, застрели его собственной рукой. Это приказ; если ослушаешься, тебе будет плохо.

– Есть, сэр, – сказал Максвелл.

Люгер приближался; несмотря на слабый ветер, под его острым носом пенилась вода. Хорнблауэр посмотрел вверх и убедился, что «Каролина» не несет флага. Это делало его план допустимым с точки зрения морских законов. Раздался выстрел, и над люгером поднялось облачко дыма: стреляли по курсу «Каролины».

– Лечь в дрейф, Джордан, – приказал Хорнблауэр. – Грот-марса-брасы. Руль под ветер.

«Каролина» привелась к ветру и лежала покачиваясь, – казалось, самое беспомощное на свете судно сдается на милость победителя.

– Ни звука, ребята, – сказал Хорнблауэр.

Животные жалобно мычали. Вот и люгер, отчетливо видна вся его команда. Офицер стоял на грот-вантах, готовясь перепрыгнуть на «Каролину». Все остальные беззаботно посмеивались над уродливой «Каролиной» и доносившимся из нее мычанием.

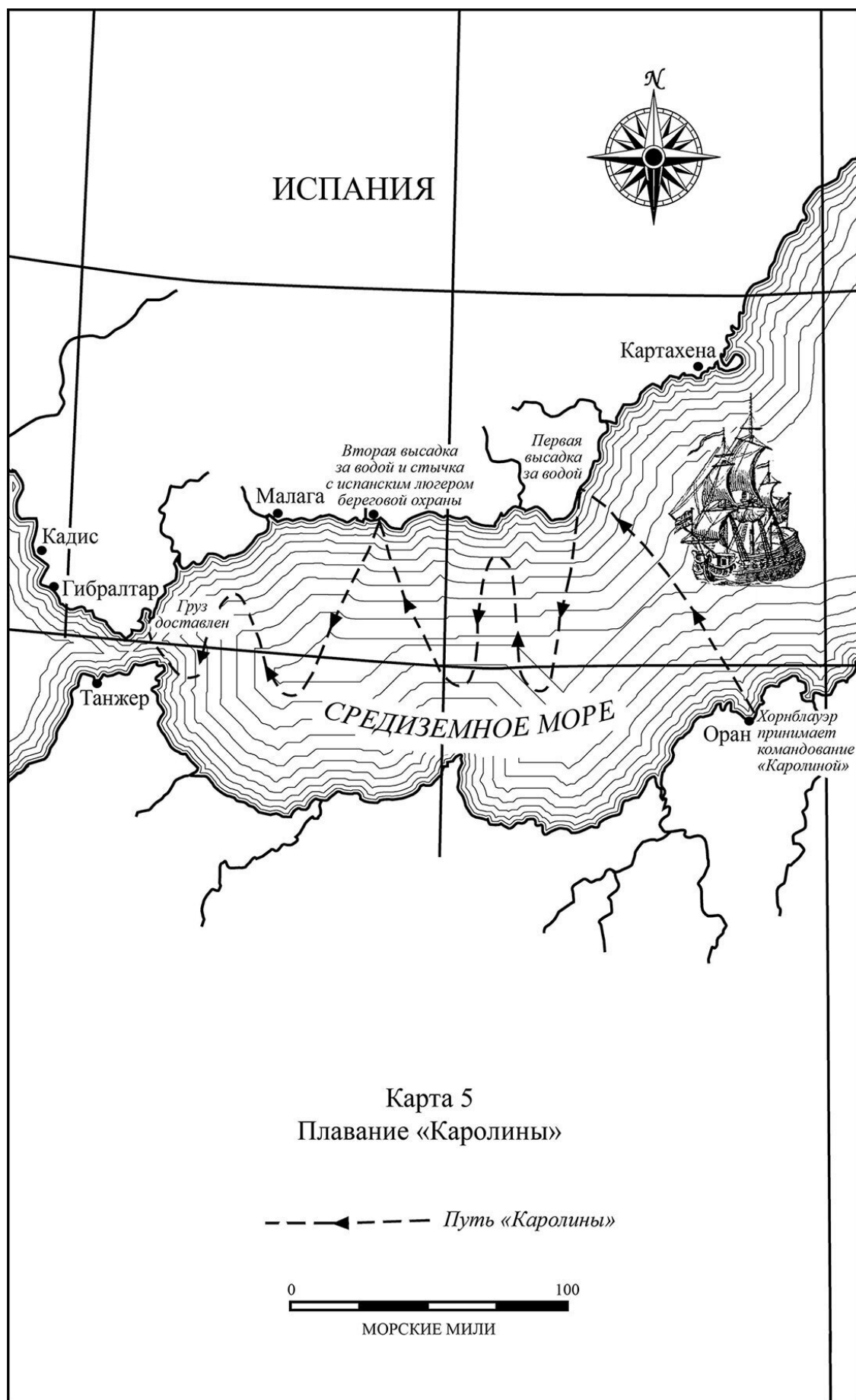
– Ждите, ребята, ждите, – сказал Хорнблауэр.

Люгер подошел к борту. Кровь прихлынула Хорнблауэру к щекам, когда он спохватился, что безоружен. Он велел своим людям взять пистолеты и сабли, посоветовал Таплингу вооружиться, а сам совершенно забыл, что ему тоже понадобятся шпага и пистолет. Исправлять это

было поздно. Кто-то с люгера окрикнул его по-испански, и Хорнблауэр жестами показал, что не понимает. Люгер коснулся «Каролины» бортом.

– За мной, ребята! – закричал Хорнблауэр.

Он побежал по мосткам и, сглотив, прыгнул на державшегося за ванты офицера. В воздухе он снова сглотив, обрушившись всем телом на несчастного, обхватил его за плечи и с ним рухнул на палубу. Позади слышались громкие крики: команда «Каролины» прыгала на люгер. Топот ног, треск, грохот. Хорнблауэр поднялся. Максвелл только что зарубил офицера саблей. Таплинг впереди матросов бежал на нос; он размахивал саблей и вопил как сумасшедший. Через мгновение все было кончено. Изумленные испанцы не успели шевельнуть пальцем в свою защиту.

Так что на двадцать второй день карантина транспортный бриг вошел в Гибралтарский залив, ведя с подветренного борта захваченный люгер *guarda-costa*. Густой запах коровника тоже был при нем, но, по крайней мере, когда Хорнблауэр поднялся на борт «Неустанного», у него был ответ для мистера мичмана Брейсгедла.

– Привет, Ной, как поживают Сим и Хам? – спросил мистер Брейсгедл.

– Сим и Хам взяли приз, – сказал Хорнблауэр. – Сожалею, что мистер Брейсгедл не может сказать о себе того же.

Но главный интендант эскадры, когда Хорнблауэр доложил ему, сказал такое, что тот не нашелся с ответом.

– Вы хотите сказать, мистер Хорнблауэр, – спросил главный интендант, – что позволяли матросам есть свежее мясо? По быку в день на восемнадцать человек? На борту было достаточно обычной провизии. Невероятное расточительство, мистер Хорнблауэр, вы меня удивляете.

Глава десятая

Герцогиня и дьявол

Исполняющий обязанности лейтенанта Горацио Хорнблауэр привел шлюп «Ле рев», приз «Неустанного», на стоянку в Гибралтар. Он нервничал: спроси его сейчас, уж не думает ли он, что весь Средиземноморский флот наблюдает за ним в подзорные трубы, Хорнблауэр лишь рассмеялся бы в ответ на это фантастическое предположение, но именно так он себя чувствовал. Никто еще не оценивал столь тщательно силу легкого попутного бриза, не измерял так старательно расстояние между большими линейными кораблями, не рассчитывал с такой точностью, сколько места нужно «Ле рев», чтобы встать на якорь. Джексон, старшина шлюпа, стоял на носу, готовый убрать кливер, и быстро исполнил соответствующий приказ.

– Руль под ветер! – кричал Хорнблауэр. – Взять на гитовы!

«Ле рев» медленно скользил вперед, его инерция снижалась с потерей ветра.

– Отдать якорь!

Канат недовольно загромыхал, когда якорь потащил его через клюз, и вот наконец раздался долгожданный плеск о воду – якорь достиг дна. Хорнблауэр внимательно наблюдал, как «Ле рев» установился на якоре, и лишь затем немного расслабился. Приз доставлен в целости и сохранности. Коммодор сэр Эдвард Пелью явно еще не прибыл, значит Хорнблауэру следует доложиться адмиралу порта.

– Спустите шлюпку, – приказал он, потом, вспомнив о долге милосердия, добавил: – Можете выпустить пленных на палубу.

Последние сорок восемь часов они были задраены вниз: каждый командир приза больше всего на свете боится, как бы пленные не захватили судно. Однако здесь, в бухте, в окружении всего Средиземноморского флота, опасность миновала. Два гребца налегали на весла, и через десять минут Хорнблауэр уже докладывал о себе адмиралу.

– Вы говорите, она быстроходна? – спросил последний, оглядывая приз.

– Да, сэр. И достаточно маневренна, – отвечал Хорнблауэр.

– Я беру ее на службу. Никогда не хватает судов для доставки депеш, – задумчиво говорил адмирал.

Несмотря на этот намек, Хорнблауэр приятно удивился, когда получил официальный приказ с множеством печатей и, вскрыв его, прочел, что «сим Вам указывается и предписывается» принять под командование шлюп его величества «Ле рев» и сразу по получении направляемых в Англию депеш «со всей возможной поспешностью» отплыть в Плимут. Это – независимое командование, возможность вновь увидеть Англию (последний раз Хорнблауэр ступал на родной берег три года назад) и, наконец, высокий профессиональный комплимент. Но другое письмо, доставленное вместе с первым, Хорнблауэр прочел с меньшим восторгом. «Их превосходительства, генерал-майор сэр Хью и леди Далримпл, просят исполняющего обязанности лейтенанта Горацио Хорнблауэра присутствовать на обеде сегодня, в три часа, в губернаторском дворце».

Может, и приятно пообедать с губернатором Гибралтара и его супругой, однако для исполняющего обязанности лейтенанта, все пожитки которого умещались в одном рундучке, необходимость одеться соответственно случаю заметно омрачала удовольствие. И все же редкий молодой человек не испытал бы радостного трепета, поднимаясь от пристани к губернаторскому дворцу, особенно если его друг мичман Брейсгедл, происходивший из богатой семьи и располагавший неплохим доходом, одолжил ему пару лучших белых чулок из китайского шелка. У Брейсгедла были полные икры, у Хорнблауэра – тощие, но эту задачу удалось искусно преодолеть. Две подушечки из пакли, несколько кусков пластыря из докторских запасов, и Хорнблауэр стал обладателем пары превосходных ног, которые не стыдно показать

людям. Теперь он мог выставлять вперед левую ногу и кланяться, не боясь, что чулок соберется в складки. Как выразился Брейсгедл, такой ногой джентльмен может гордиться.

В губернаторском дворце Хорнблауэра встретил и провел вперед блестящий и томный адъютант. Хорнблауэр поклонился сэру Хью, суетливому краснолицему старому джентльмену, и леди Далримпл, суетливой краснолицей старушке.

– Мистер Хорнблауэр, – сказала леди, – позвольте представить... ваше сиятельство, это мистер Хорнблауэр, новый капитан «Ле рев». Ее сиятельство, герцогиня Уорфедельская.

Герцогиня, ни более ни менее! Хорнблауэр выставил вперед подложенную ногу, оттянул носок, приложил руку к сердцу и поклонился так низко, как только позволяли панталоны, – он вырос с тех пор, как купил их, поступая на «Неустанный». Подняв взор, он увидел перед собой смелые голубые глаза и некогда прекрасное немолодое лицо.

– Так это, значит, он самый и есть? – спросила герцогиня. – Матильда, милочка, неужели вы доверите меня младенцу?

Резкая вульгарность произношения ошеломила Хорнблауэра. Он был готов ко всему, кроме того, что шикарно разодетая герцогиня заговорит с акцентом лондонских трущоб. Он усталился на нее, забыв даже выпрямиться, да так и замер, подняв подбородок и прижав руку к сердцу.

– Ну прямо гусак на лужайке, – сказала герцогиня. – Щас как зашипит!

Она выставила подбородок, уперла руки в колени и закачалась из стороны в сторону – точь-в-точь разъяренный гусь. Очевидно, получилось так похоже на Хорнблауэра, что остальные гости расхохотались. Хорнблауэр был в полном смущении.

– Не обижайте парнишку, – сказала герцогиня, приходя ему на помощь и хлопая его по плечу. – Молодой он просто, и нечего тут стыдиться. Наоборот, гордиться надо, что ему в таком возрасте уже доверили корабль.

К счастью, приглашение к столу спасло Хорнблауэра от дальнейшего смущения. Он с другими младшими офицерами оказался в середине стола. С одного конца восседали сэр Хью и герцогиня, с другого – леди Далримпл и коммодор. Впрочем, женщин было куда меньше, чем мужчин: Гибралтар был, по крайней мере в техническом смысле, осажденной крепостью. Так что у Хорнблауэра не оказалось дамы ни с одной стороны, ни с другой; справа сидел встретивший его молодой адъютант.

– За здоровье ее сиятельства, – сказал коммодор, поднимая бокал.

– Спасибо, – отвечала герцогиня. – Очень вовремя, а то я чуть от жажды не сдохла.

Она подняла к губам наполненный до краев бокал, а когда опустила, бокал был пуст.

– Веселенькая у вас будет попутчица, – сказал Хорнблауэру адъютант.

– Как это? – изумился Хорнблауэр.

Адъютант сочувственно посмотрел на него.

– Так вам ничего не сказали? – спросил он. – Как всегда тот, кого это больше всех касается, узнает последним. Отплывая завтра с депешами, вы будете иметь честь везти ее сиятельство в Англию.

– Господи помилуй, – сказал Хорнблауэр.

– Аминь, – благочестиво произнес адъютант, отхлебывая вино. – Какая же гадость эта сладкая малага. Старый Хейр накупил ее в девяносто пятом целую уйму, и с тех пор каждый губернатор все пытается ее допить.

– Но она-то кто? – спросил Хорнблауэр.

– Ее сиятельство герцогиня Уорфедельская. Разве вы не слышали, как леди Далримпл ее представила?

– Но герцогини так не говорят, – настаивал Хорнблауэр.

– Да. Старый герцог был в старческом маразме, когда на ней женился. Ее друзья говорят, что она вдова трактирщика. Можете вообразить, что говорят ее враги.

– А как она тут очутилась? – не унимался Хорнблауэр.

– Она следует в Англию. Насколько я понимаю, она была во Флоренции, когда туда вошли французы, бежала оттуда в Ливорно, там подкупила шкипера каботажного судна и добралась досюда. Она попросила сэра Хью отправить ее в Англию, а сэр Хью попросил адмирала. Сэр Хью разобьется в лепешку для герцогини, даже если ее друзья говорят, что она вдова трактирщика.

– Ясно, – сказал Хорнблауэр.

За столом послышался взрыв хохота. Герцогиня ручкой ножа тыкала губернатора в обтянутый алой материей бок – убедиться, что тот понял шутку.

– По крайней мере, вам не скучно будет возвращаться домой, – сказал адъютант.

Тут перед Хорнблауэром водрузили дымящийся говяжий филей, и его тревоги померкли перед необходимостью разделявать мясо с соблюдением всех приличий. Он с опаской взял нож, вилку и оглядел собравшихся.

– Позвольте положить вам кусочек говядины, ваше сиятельство. Мадам? Сэр? Достаточно, сэр? Немного жира?

В зале было жарко: орудуя ножом и вилкой, Хорнблауэр обливался потом. К счастью, большинство гостей предпочитали другие блюда, так что много резать не пришлось. Пару изуродованных кусков он положил в свою тарелку, скрыв таким образом наиболее явные огрехи.

– Говядина из Тетуана, – фыркнул адъютант. – Жесткая и жилистая.

Хорошо губернаторскому адъютанту! Он и вообразить не мог, какой пищей богов показалось мясо молодому флотскому офицеру, только что с переполненного фрегата. Даже перспектива принимать герцогиню не могла до конца испортить Хорнблауэру аппетит. А заключительные блюда – меренги, миндальные пирожные, кремы и фрукты – что за упоение для молодого человека, чьим единственным лакомством был воскресный пудинг на нутряном жире с коринкой.

– Сладкое портит вкус, – сказал адъютант.

Хорнблауэра это не волновало.

Теперь шли официальные тосты. Хорнблауэр стоя выпил за здоровье короля и королевской семьи, поднял бокал за герцогиню.

– Теперь за наших врагов, – сказал сэр Хью, – чтобы их нагруженные сокровищами галеоны попытались пересечь Атлантику.

– В добавление к вашему тосту, сэр Хью, – произнес коммодор с другого конца стола. – Чтобы доны надумали наконец выйти из Кадиса.

За столом поднялся звероподобный гул. Почти все присутствующие флотские офицеры были из Средиземноморской эскадры Джервиса, которая последние несколько месяцев моталась по Атлантике в надежде напасть на испанцев, если те посмеют высунуть нос наружу. Джервис поочередно отправлял корабли в Гибралтар пополнять припасы, и два сейчас стояли в порту – офицеры с них и присутствовали на обеде у губернатора.

– Джонни Джервис сказал бы на это «аминь», – произнес сэр Хью. – По полной за донов, джентльмены, и пусть они выходят из Кадиса.

Дамы под предводительством хозяйки покинули комнату, и Хорнблауэр при первой возможности извинился и выскользнул из дворца. Он твердо решил не напиваться перед первым самостоятельным плаванием.

Может быть, перспектива принимать на борту герцогиню оказалась неплохим лекарством от чрезмерного возбуждения и спасла Хорнблауэра от излишних переживаний по поводу его первого самостоятельного плавания. Он проснулся до зари – еще до краткого в Средиземноморье предрассветного сумрака – убедиться, что его драгоценный корабль готов к встрече с морем, а также с врагами, которыми это море изобиловало. Для защиты от них Хорнблауэр

располагал четырьмя игрушечными четырехфунтовыми пушечками, то есть не мог противостоять никому. Его суденышко – слабейшее в море, даже самый маленький торговый бриг и тот вооружен сильнее. Для слабых созданий единственное спасение – скорость. Хорнблауэр в полумраке посмотрел наверх, туда, где будут подняты паруса, от которых столько будет зависеть. Вместе с двумя своими офицерами – мичманом Хантером и подштурманом Виньятом – он прошелся по списку членов команды и еще раз убедился, что все одиннадцать знают свои обязанности. После этого осталось только облачиться в лучшую походную форму, кое-как проглотить завтрак и ждать герцогиню.

К счастью, она явилась рано: чтобы проводить знатную гостью, их превосходительствам пришлось встать с постели в самый неурочный час. Мистер Хантер со сдерживаемым волнением доложил о приближении губернаторского баркаса.

– Спасибо, мистер Хантер, – холодно отвечал Хорнблауэр – так требовала служба, хотя всего несколько недель назад они вместе играли в салки на вантах «Неустанного».

Баркас подошел к борту, и два опрятно одетых матроса зацепили трап. «Ле рев» так мало возвышался над водой, что взобраться на него не составило труда даже для дам. Губернатор ступил на борт под звуки всего лишь двух дудок, составлявших весь оркестр «Ле рев», за ним – леди Далримпл. Потом герцогиня, потом ее служанка, молодая женщина, такая красавица, какой могла быть раньше сама герцогиня. Когда на борт поднялись два адъютанта, на палубе «Ле рев» стало так тесно, что некуда было внести герцогинин багаж.

– Позвольте показать вам каюту, ваше сиятельство, – сказал губернатор.

Леди Далримпл сочувственно закудахтала при виде крошечной каюты – там еле помещались две койки, и каждый входящий неизменно бился головой о палубный бимс.

– Переживем, – стойчески произнесла герцогиня, – а ведь те, кто идет прогуляться на Тайберн, и этого сказать не могут.

Один из адъютантов в последний момент извлек на свет пакет с депешами и попросил Хорнблауэра расписаться в получении; отзвучали последние прощания, и сэр Хью с леди Далримпл под звуки дудок покинули корабль.

– На брашпиль! – закричал Хорнблауэр, как только гребцы баркаса взялись за весла.

Несколько секунд напряженной работы, и «Ле рев» снялся с якоря.

– Якорь поднят, сэр, – доложил Виньят.

– Кливер-фалы! – кричал Хорнблауэр. – Грота-фалы!

Подняв паруса, «Ле рев» повернулся через фордевинд. Вся команда была занята: одни брали якорь на кат, другие ставили паруса, так что Хорнблауэру пришлось самому салютовать флагом, когда «Ле рев», подгоняемый слабым северо-восточным ветром, обогнул мол и погрузил нос в первый из атлантических валов, набегающих через пролив. Корабль качнуло. Хорнблауэр сквозь световой люк услышал грохот падающего предмета и вскрик, но ему было не до женщин там, внизу. Он стоял с подзорной трубой, направляя ее сначала на Альхесирас, потом на Тарифу – какой-нибудь капер или военный корабль мог неожиданно появиться оттуда и сцапать беззащитное суденышко. До конца послеполуденной вахты он так и не передохнул. Они обогнули мыс Марроки, и Хорнблауэр указал курс на Сан-Висенти. Горы Южной Испании начали таять за горизонтом. Лишь когда с правого борта появился Трафальгарский мыс, Хорнблауэр сложил трубу и подумал об обеде; хорошо быть капитаном и заказывать обед по своему вкусу. Боль в ногах говорила, что он простоял слишком долго – одиннадцать часов кряду. Если в дальнейшем ему придется часто самостоятельно командовать кораблями, он доконает себя таким поведением.

Сидя в каюте на рундуке, Хорнблауэр блаженно расслабился и отправил кока постучать герцогине, передать приветствия и спросить, все ли в порядке. Резкий голос герцогини ответил, что ничего не надо, обеда тоже. Хорнблауэр философски пожал плечами и с юношеским

аппетитом уничтожил принесенный обед. На палубу он поднялся с приближением темноты. Вахту нес Виньят.

– Туман сгущается, сэр, – сказал тот.

Так оно и было. Закатное солнце скрылось за густой пеленой тумана. Хорнблауэр знал, что это оборотная сторона попутного ветра; зимой в этих широтах холодный бриз, достигая Атлантики, вызывает туман.

– К утру еще гуще будет, – сказал он мрачно и внес коррективы в ночной приказ, изменив курс вест-тень-норд на вест. Он хотел на случай тумана держаться подальше от мыса Сан-Висенти.

Вот такие-то пустяки и могут перевернуть всю жизнь – у Хорнблауэра было впоследствии вдоволь времени порассуждать, что случилось бы, не прикажи он изменить курс. Ночью он часто поднимался на палубу и вглядывался в непроницаемую мглу, но критический момент застал его внизу спящим. Разбудил Хорнблауэра матрос, энергично трясший его за плечо:

– Пожалуйста, сэр. Пожалуйста, сэр. Меня послал мистер Хантер. Он просит вас подняться на палубу, сэр.

– Сейчас. – Хорнблауэр заморгал и встал.

Густой туман слегка розовел в свете только что забрезжившей зари. «Ле рев», качаясь, полз по мрачному морю.

Слабый ветер едва обеспечивал ту минимальную скорость, при которой корабль слушается руля. Хантер в крайнем напряжении стоял спиной к штурвалу.

– Послушайте, – сказал он шепотом и от волнения забыл прибавить обязательное при обращении к капитану «сэр» – Хорнблауэр от волнения этого не заметил.

Прислушавшись, Хорнблауэр уловил привычные корабельные звуки – скрип древесины, шум разрезаемого носом моря. Тут он услышал другие корабельные звуки: рядом тоже скрипело дерево, еще одно судно разрезало воду.

– Какой-то корабль совсем близко, – сказал Хорнблауэр.

– Да, сэр, – подтвердил Хантер. – После того как я послал за вами, я слышал команду. Она была на испанском – по крайней мере, на иностранном языке.

Страх, подобно туману, сгущался вокруг суденышка.

– Всех наверх. Тихо, – сказал Хорнблауэр.

Отдав команду, он тут же засомневался в ее целесообразности. Можно расставить матросов по местам, зарядить пушки, но если корабль в тумане не просто торговое судно, то они – в смертельной опасности. Хорнблауэр попытался успокоить себя, – может быть, это лакомый испанский галеон, набитый сокровищами, и, захватив его, он станет богатым на всю жизнь.

– Поздравляю с Валентиновым днем³², – произнес голос совсем рядом.

Хорнблауэр чуть не подпрыгнул от неожиданности: он совершенно забыл о герцогине.

– Прекратите шуметь, – зашипел он, и герцогиня изумленно смолкла.

Она была закутана в плащ с капюшоном, больше ничего в тумане видно не было.

– Позвольте спросить... – начала она.

– Молчать! – прошептал Хорнблауэр.

В тумане послышался резкий голос, другие голоса повторили приказ, раздались свистки, шум и топот.

– Испанцы, сэр, да? – прошептал Хантер.

– Испанцы, испанцы. Меняют вахту. Слушайте!

До них донеслись два сдвоенных удара колокола. Четыре склянки утренней вахты. Неожиданно со всех сторон зазвучали колокола, словно вторя первому.

³² В Валентинов день, 14 февраля 1797 г., у мыса Сан-Висенти произошло сражение британского флота под командованием Джона Джервиса с превосходящим его испанским, закончившееся победой британцев.

– Господи, да мы посреди флота, – прошептал Хантер.

– Большие корабли, сэр, – сказал Виньят. Он присоединился к ним по команде «Свистать всех наверх!». – Когда меняли вахту, я насчитал не меньше шести различных дудок.

– Значит, доны все-таки вышли из Кадиса, – сказал Хантер.

«А я указал курс прямо на них», – горько думал Хорнблауэр. Сумасшедшее, душераздирающее совпадение. Но он запретил себе об этом говорить. Он даже подавил истерический смешок, возникший при воспоминании о тосте сэра Хью. Сказал же он следующее:

– Они прибавляют парусов. Даго на ночь всё убирают и дрыхнут, как какие-нибудь жирные торговцы. Только с восходом они ставят брамсели.

В тумане со всех сторон доносился скрип шкивов в блоках, топот ног у фалов, удары брошенных на палубу концов, многоголосый гомон.

– Ну и шумят же, черти, – сказал Хантер.

Он стоял, пытаясь проникнуть взглядом за стену тумана. Во всей его позе чувствовалось напряжение.

– Дай бог, чтоб они шли другим курсом, – рассудительно заметил Виньят. – Тогда мы их скоро минуем.

– Вряд ли, – сказал Хорнблауэр.

«Ле рев» шел почти прямо по ветру; если бы испанцы шли в бейдевинд или в галфвинд, то звуки, доносившиеся с ближайшего судна, постепенно стихали бы или, напротив, становились громче. Скорее всего, «Ле рев» догнал испанский флот с его убранными на ночь парусами и теперь был в самой его гуще. Вопрос, что в таком случае делать: убавить парусов и лечь в дрейф, чтобы пропустить испанцев мимо, или, наоборот, прибавить и попытаться их обогнать. Но с каждой минутой становилось все яснее: шлюп идет практически одним курсом с флотом, иначе он неизбежно сблизился бы с каким-нибудь судном. Пока туман не рассеялся, такая позиция надежнее всего.

Однако с наступлением утра туман неизбежно рассеется.

– Может, нам изменить курс, сэр? – спросил Виньят.

– Погодите, – сказал Хорнблауэр.

В свете разгорающейся зари мимо проносились клочья более густого тумана – верный признак, что долго он не продержится. Тут они вышли из полосы тумана на чистую воду.

– Вот он! – сказал Хантер.

Офицеры и матросы забежали в панике.

– Стоять, черт возьми! – сорвался Хорнблауэр.

Меньше чем в кабельтове с правого борта почти параллельным курсом шел трехпалубный корабль. Впереди и по правому борту угадывались силуэты трех боевых кораблей. Ничто не спасет шлюп, если он привлечет к себе внимание; единственный шанс – идти как ни в чем не бывало. Остается надежда, что в беспечном испанском флоте вахтенные офицеры не знают, что у них нет такого шлюпа, как «Ле рев», или даже чудом, что такой шлюп у них есть. В конце концов, «Ле рев» построен во Франции и оснащен по-французски. Борт о борт «Ле рев» и военные корабли шли по беспокойному морю. С такого расстояния любая из пятидесяти больших пушек могла бы расстрелять их в упор; одного попадания хватило бы, чтобы потопить шлюп. Хантер вполголоса ругался грязными словами, но дисциплина была безупречная – направленная с испанской палубы подзорная труба не обнаружила бы на борту шлюпа ничего подозрительного. Мимо них вновь проплыли клочья тумана, и они вошли в новую полосу.

– Слава Богу! – выдохнул Хантер, не заметив контраста между набожностью фразы и недавними богохульствами.

– Поворот через фордевинд! – скомандовал Хорнблауэр. – Положите его на правый галс.

Матросам не надо было напоминать, чтобы они работали тихо: все и так прекрасно сознавали опасность. «Ле рев» плавно развернулся, шкоты были выбраны и свернуты без единого звука; теперь шлюп шел круто к ветру и волны набегали на его правую скулу.

– Сейчас мы пересечем их курс, – сказал Хорнблауэр.

– Дай бог нам пройти у них под кормой, а не под носом, – заметил Виньят.

Герцогиня по-прежнему стояла на корме, закутанная в плащ с капюшоном. Она старалась никому не попадаться под ноги.

– Быть может, вашему сиятельству лучше спуститься в каюту? – Хорнблауэр с трудом заставил себя обращаться официально.

– О нет, пожалуйста, – сказала герцогиня. – Я этого не вынесу.

Хорнблауэр пожал плечами и тут же забыл о герцогине, охваченный новой тревогой. Он ринулся вниз и вернулся с двумя большими запечатанными пакетами депеш. Вынув из ограждения кофель-нагель, он принялся куском веревки тщательно приматывать его к пакетам.

– Пожалуйста, – сказала герцогиня, – пожалуйста, мистер Хорнблауэр, скажите, что вы делаете?

– Хочу убедиться, что они утонут, если судно будет захвачено и я выброшу их за борт, – мрачно ответил Хорнблауэр.

– Но тогда они пропадут?

– Это лучше, чем если их прочтут испанцы.

Хорнблауэр с трудом сохранял спокойствие.

– Я могу позаботиться о них, – сказала герцогиня. – Конечно могу.

Хорнблауэр пристально посмотрел на нее.

– Нет, – сказал он. – Испанцы могут обыскать ваш багаж. Скорее всего, так они и поступят.

– Багаж! – воскликнула герцогиня. – Как будто я собираюсь убирать их в багаж! Я спрячу их на себе – меня-то обыскивать не будут. У меня под юбкой их точно никто не найдет.

Неприкрытый реализм этих слов слегка ошеломил Хорнблауэра и одновременно заставил его почувствовать, что в предложении герцогини что-то есть.

– Если нас захватят, – продолжала герцогиня, – не дай бог, конечно, но если нас захватят, меня в плен не возьмут. Меня отправят в Лиссабон и при первой же возможности посадят на английское судно. Тогда я немедленно передам депеши. Поздно, конечно, но лучше поздно, чем никогда.

– Верно, – задумчиво произнес Хорнблауэр.

– Я буду беречь их пуще жизни, – сказала герцогиня. – Клянусь, что не расстанусь с ними. Я никому не скажу, что они у меня, пока не передам их королевскому офицеру.

Она посмотрела на Хорнблауэра. Ее взгляд светился честностью.

– Туман рассеивается, сэр, – заметил Виньят.

– Быстро! – сказала герцогиня.

Медлить было нельзя. Хорнблауэр высвободил пакеты из намотанной на них веревки, вручил их герцогине и вставил кофель-нагель на место.

– Ох уж эта чертова французская мода, – сказала герцогиня. – Я правду сказала, что спрячу их под юбками. За пазухой у меня места нет.

Действительно, верхняя часть платья отнюдь не выглядела вместительной: талия располагалась прямо под мышками, а дальше платье свисало свободно, в полном противоречии с анатомией.

– Дайте мне ярд веревки, быстро, – сказала герцогиня.

Виньят отрезал ножом кусок троса и протянул герцогине. Она уже задрала юбки. Хорнблауэр в ужасе увидел полоску белого тела над чулками и тут же отвернулся. Туман, несомненно, рассеивался.

– Можете смотреть, – сказала герцогиня, но юбки упали в тот самый миг, когда Хорнблауэр обернулся. – Они у меня под сорочкой, прямо на теле, как я вам обещала. Со времен Директории никто больше не носит корсетов. Так что я привязала их веревкой, один к животу, другой к спине. Вы что-нибудь видите?

Она повернулась кругом, чтобы Хорнблауэр смог убедиться.

– Нет, ничего не видно, – сказал он. – Я должен поблагодарить ваше сиятельство.

– Некоторое утолщение есть, – заметила герцогиня, – но не важно, что подумают испанцы, раз они не подумают правды.

Невозможность что-либо делать ставила Хорнблауэра в неудобное положение. Обсуждать с женщиной ее сорочки и корсеты – или отсутствие оных – занятие более чем странное.

Бледное солнце, еще совсем низкое, пробило туман и засияло им в глаза. Грот отбрасывал на палубу бледную тень. Солнце с каждой минутой светило все ярче.

– Вот оно, – сказал Хорнблауэр.

Горизонт стремительно распахнулся – сначала с нескольких ярдов до сотен, затем с сотен ярдов до полумили. Море было усеяно кораблями. Не менее шести были видны отчетливо, четыре линейных корабля и два больших фрегата. На их мачтах развевались красно-золотые испанские флаги, и, что еще более характерно, с них свисали большие деревянные кресты.

– Разверните судно обратно, мистер Хантер, – сказал Хорнблауэр. – Назад в туман.

Это был единственный шанс на спасение. Приближающиеся корабли обязательно их заметят. «Ле рев» развернулся, но полоска тумана, из которой они только что вынырнули, уже растаяла под жарким солнцем. Последние остатки ее плыли впереди, однако и они, тая, относились ветром. Прогремел пушечный выстрел, и недалеко от правого борта взвился фонтан брызг. Хорнблауэр оглянулся – как раз вовремя, чтобы увидеть последние клубы дыма над носом преследующего фрегата.

– Два румба вправо, – приказал он рулевому, пытаясь учесть одновременно курс фрегата, направление ветра, расположение других судов и последнего островка тумана.

– Есть два румба вправо, – повторил рулевой.

– Фока- и грота-шкоты! – скомандовал Хантер.

Новый выстрел. Ядро упало далеко за кормой, но направление было выбрано верно. Хорнблауэр неожиданно вспомнил о герцогине.

– Вы должны спуститься в каюту, ваше сиятельство, – отрывисто сказал он.

– Нет, нет, нет, – сердито запротестовала герцогиня. – Пожалуйста, позвольте мне остаться. Я не могу спуститься в каюту, там моя горничная лежит в морской болезни и собирается помирать. Только не в эту вонючую коробку.

Да и незачем было отсылать ее в каюту. Тонкая обшивка «Ле рев» не устояла бы перед артиллерийским обстрелом. В трюме, ниже ватерлинии, женщины были бы в безопасности, но для этого им пришлось бы лечь на бочки с солониной.

– Корабль впереди! – крикнул впередсмотрящий.

Туман рассеялся, и меньше чем в полумиле впереди возник силуэт линейного корабля, идущего почти тем же курсом, что и «Ле рев». Бабах – донеслось с фрегата. Эти выстрелы наверняка всполошили всю эскадру. На линейном корабле впереди поняли, что за шлюпом погоня. В воздухе с пугающим свистом пролетело ядро. Линейный корабль ждал их – марсели его медленно разворачивались.

– К шкотам! – приказал Хорнблауэр. – Мистер Хантер, поворот через фордевинд.

«Ле рев» снова развернулся, направляясь в быстро сужающийся просвет между кораблями. Фрегат ринулся наперерез. Ядро с ужасающим свистом пронеслось в нескольких футах от Хорнблауэра, так что поток воздуха заставил его пошатнуться. В гроте появилась дыра.

– Ваше сиятельство, – сказал Хорнблауэр, – это не предупредительные выстрелы.

Теперь по ним стрелял линейный корабль: его капитан наконец-то подготовил корабль к бою и расставил людей на батарее верхней палубы. Одно ядро попало в корпус «Ле рев»; палуба задрожала под ногами, словно корабль разваливался на куски. Тут же другое ядро ударило в мачту, штаги и ванты лопнули, на палубу посыпались щепки. Мачта, паруса, гик, гафель – все полетело за борт. Зацепившись за воду, они развернули двигавшийся по инерции корпус. Все на мгновение оцепенели.

– Кто-нибудь ранен? – спросил Хорнблауэр, приходя в себя.

– Только царапина, сэр, – ответил кто-то. – Просто чудо, что никто не убит.

– Плотник, замерьте уровень воды в льяле, – сказал Хорнблауэр и тут же опомнился: – Нет, черт возьми. Отставить. Если доны могут спасти судно, пусть делают это сами.

Линейный корабль, чей залп произвел эти разрушения, уже расправил марсели и двинулся прочь, фрегат быстро настигал их. Из ахтерлюка выбралась рыдающая женщина. То была горничная герцогини, от страха позабывшая про морскую болезнь.

– Вашему сиятельству стоит сложить багаж, – сказал Хорнблауэр. – Без сомнения, вы скоро нас покинете. Надеюсь, доны предоставят вам каюту поудобнее.

Он изо всех сил старался говорить спокойно, как если бы в самом скором времени его не ждал испанский плен; но от его спутницы не укрылись ни подергивание обычно твердого рта, ни плотно сжатые кулаки.

– Как мне выразить, насколько меня это огорчает? – В голосе герцогини сквозила жалость.

– Тем тяжелее это для меня, – сказал Хорнблауэр и даже выдавил улыбку.

Испанский фрегат лег в дрейф в кабельтове с наветренной стороны.

– Позвольте, сэр, – сказал Хантер.

– Да?

– Мы можем сражаться, сэр. Только прикажите. Когда доны будут высаживаться на «Ле рев», можно внезапным выстрелом потопить шлюпки. Первый раз мы их отобьем.

Измученный Хорнблауэр чуть было не выпалил: «Бросьте валять дурака», но сдержался и просто указал на фрегат. Двадцать пушек глядели на них в упор. Даже шлюпка, спускаемая сейчас с фрегата, несла по крайней мере в два раза больше людей, чем их шлюп. «Ле рев» был не больше иной прогулочной яхты. Это не десять к одному, даже не сто к одному.

– Понятно, сэр, – сказал Хантер.

Испанская шлюпка спустилась на воду и готовилась отвалить.

– Мне надо поговорить с вами наедине, мистер Хорнблауэр, – неожиданно сказала герцогиня.

Хантер и Винят, услышав ее слова, отошли в сторону.

– Да, ваше сиятельство, – сказал Хорнблауэр.

Герцогиня, по-прежнему обнимая плачущую горничную, посмотрела прямо на него.

– Я такая же герцогиня, как и вы, – сказала она.

– Господи! – воскликнул Хорнблауэр. – Кто же вы?

– Китти Кобэм.

Имя показалось Хорнблауэру смутно знакомым.

– Я вижу, мистер Хорнблауэр, вы слишком молоды, чтобы меня помнить. Прошло пять лет с тех пор, как я последний раз играла на сцене.

Вот оно что! Актриса Китти Кобэм.

– Я не успею вам все рассказать, – продолжала герцогиня (испанская лодка быстро приближалась), – но вступление французов во Флоренцию было лишь последним звеном в череде моих несчастий. Я бежала от них без единого пенса в кармане. Кто шевельнет пальцем ради бывшей актрисы, брошенной и покинутой? Другое дело герцогиня. Старушка Далримпл в Гибралтаре из кожи вон лезла, чтобы угодить герцогине Уорфедельской.

– Почему вы выбрали этот титул? – против воли спросил Хорнблауэр.

– Я ее знаю, – пожала плечами герцогиня. – Она именно такая, как я ее изобразила. Потому я ее и выбрала – характерные роли всегда давались мне лучше, чем откровенный фарс. И не так скучно долго играть.

– Мои депеши! – всполошился Хорнблауэр. – Верните их немедленно.

– Как скажете, – отвечала герцогиня. – Но когда придут испанцы, я смогу по-прежнему оставаться герцогиней. Меня освободят при первой возможности. Я буду хранить эти депеши как зеницу ока, клянусь вам, клянусь! Если вы доверите их мне, я передам их не позже чем через месяц.

Хорнблауэр смотрел в ее умоляющие глаза. Быть может, она шпионка и искусно пытается сохранить депеши, чтобы потом передать их испанцам. Но никакой шпион бы не рассчитал, что «Ле рев» в тумане зайдет в самую середину испанского флота.

– Да, я прикладывалась к бутылке, – говорила герцогиня. – Я пила. Но в Гибралтаре я оставалась трезвой, так ведь? И я не выпью ни капли, ни одной капли, до возвращения в Англию. Клянусь. Прошу вас, сэр. Умоляю вас. Позвольте мне сделать для моей страны то, что в моих силах.

Это был нелегкий выбор для девятнадцатилетнего молодого человека, который ни разу в жизни не разговаривал с актрисой. За бортом слышались голоса – сейчас испанская лодка зацепится за шлюп.

– Оставьте их у себя, – сказал Хорнблауэр. – Вручите, когда сможете.

Он не сводил глаз с ее лица, ждал, не мелькнет ли в ее глазах торжество. Если бы он увидел что-нибудь в таком роде, то в ту же минуту сорвал бы депеши с тела герцогини. Однако лицо ее выражало обыкновенное удовольствие, и лишь тогда он решил ей поверить – не прежде.

– О, благодарю вас, сэр, – сказала герцогиня.

Испанская лодка зацепилась за шлюп, и испанский офицер неуклюже попытался вскарабкаться на борт. Наконец он на четвереньках выбрался на палубу, поднялся на ноги, и Хорнблауэр заспешил ему навстречу. Победитель и побежденный обменялись поклонами. Хорнблауэр не понимал, что говорит испанец, но, очевидно, это были официальные фразы. Испанец заметил женщин и замер в изумлении. Хорнблауэр поспешил представить на ломаном испанском:

– *Señor el teniente Espanol. Señora la Duquesa de Wharfedale*³³.

Титул явно произвел впечатление, лейтенант низко поклонился, герцогиня отвечала высокомерным безразличием. Хорнблауэр мог не опасаться за судьбу депеш. Эта мысль немного скрашивала ему ожидание испанского плена на борту своего полузатонувшего суденышка. Тут он услышал с подветренной стороны как бы раскаты дальнего грома. Гром не может греметь так долго. Это бортовые залпы сражающихся кораблей – или флотов. Где-то за мысом Сан-Висенти британский флот настиг наконец испанцев. Артиллерийские залпы гремели все яростней. Взорвавшиеся на палубу испанцы заволновались. Хорнблауэр стоял с непокрытой головой и ждал, пока его уведут.

Плен – это ужасно. Хорнблауэр ощутил всю его тоску, как только прошло первое оцепенение. Даже весть о разгроме испанского флота у мыса Сан-Висенти не могла смягчить отчаяние несчастного пленника. Не тяжелые условия (десять квадратных футов на человека в пустом парусном хранилище вместе с другими пленными уорент-офицерами) угнетали его – младшему офицеру в море приходится не лучше. Страшнее всего была утрата свободы, сам факт плена.

³³ Сеньор испанский лейтенант. Сеньора герцогиня Уорфедельская (исп.).

Только через четыре месяца ему пришло первое письмо – испанское правительство, нерасторопное во всех отношениях, располагало худшей почтовой системой в Европе. Но вот письмо, с несколько раз поправленным адресом, в его руках, после того как Хорнблауэр буквально вырвал его из рук тупого унтер-офицера, озадаченного странной фамилией. Почерк был незнакомый; сломав печать и прочитав обращение, Хорнблауэр подумал было, что вскрыл чужое письмо. «Милый мальчик» – начиналось оно. Кто мог так его называть? Он читал как во сне.

Милый мальчик!

Надеюсь, Вам приятно будет узнать, что данное мне Вами доставлено по назначению. Когда я вручала его, мне сказали, что Вы в плену. Сердце мое обливается кровью. Еще мне сказали, что адмиралы очень довольны тем, как Вы поступили. А один из этих адмиралов – совладелец театра «Друри-Лейн». Кто бы мог подумать? Но он улыбнулся мне, а я улыбнулась в ответ. Я тогда не знала, что он совладелец, и улыбалась просто от доброты сердечной. Боюсь, рассказывая ему о своих злключениях с драгоценным грузом, я всего лишь разыграла представление. Но он мне поверил, а моя улыбка и мои приключения так его растрогали, что он потребовал у Шерри³⁴ роль для меня, и вот теперь я играю вторые роли, преимущественно трагических матерей, и срываю аплодисменты галерки. Это – утешение в старости, приближение которой я чувствую все острее. Я не притрагивалась к вину с тех пор, как рассталась с Вами, и никогда больше не притронусь. И еще одно: мой адмирал обещал переправить письмо со следующей картелью – Вам это слово, без сомнения, говорит больше, чем мне. Надеюсь только, что письмо когда-нибудь доберется до Вас и утешит Вас в Ваших бедствиях.

Молюсь за Вас ежедневно.

Ваш преданный друг Катарина Кобэм

Утешит в бедствиях? Возможно. Отрадно было сознавать, что депеши доставлены по назначению и что, судя по письму, лорды Адмиралтейства им довольны. Отрадно было даже то, что герцогиня вновь играет на сцене. Но все это меркло рядом с его страданиями.

Тут появился стражник и повел Хорнблауэра к коменданту. Рядом с комендантом сидел переводчик – перебежчик из ирландцев. На столе лежали бумаги, – видимо, комендант получил их с той же картелью, что и послание Китти Кобэм.

– Добрый вечер, сударь, – как всегда вежливо сказал комендант, предлагая стул.

– Добрый вечер, сударь, премного благодарен. – Хорнблауэр учил испанский язык медленно и мучительно.

– Вы получили повышение, – сказал ирландец по-английски.

– Что? – переспросил Хорнблауэр.

– Повышение, – повторил ирландец. – Вот письмо: «До сведения испанских властей доводится, что ввиду безупречной службы временно назначенный исполнять обязанности лейтенанта мичман Горацио Хорнблауэр утвержден в лейтенантском чине. Лорды Адмиралтейства выражают уверенность, что мистеру Горацио Хорнблауэру будут немедленно предоставлены все причитающиеся младшему офицерскому составу привилегии». Вот так, молодой человек.

– Примите поздравления, сударь, – сказал комендант.

– Большое спасибо, сударь, – ответил Хорнблауэр.

³⁴ Шерри (Ричард Бринсли Шеридан; 1751–1816) – британский поэт, драматург и политик, совладелец, позднее единоличный владелец театра «Друри-Лейн».

Добродушный старый комендант ласково улыбнулся нескладному юноше и хотел было продолжать, однако Хорнблауэр не мог разобрать испанских терминов и в отчаянии посмотрел на переводчика.

– Теперь вы офицер, – сказал тот, – и вас переведут в помещение для пленных офицеров.

– Спасибо, – отвечал Хорнблауэр.

– Вы будете получать половину причитающегося вашему званию жалованья.

– Спасибо.

– Вас будут отпускать под честное слово. Дав слово, вы сможете в течение двух часов посещать город и его окрестности.

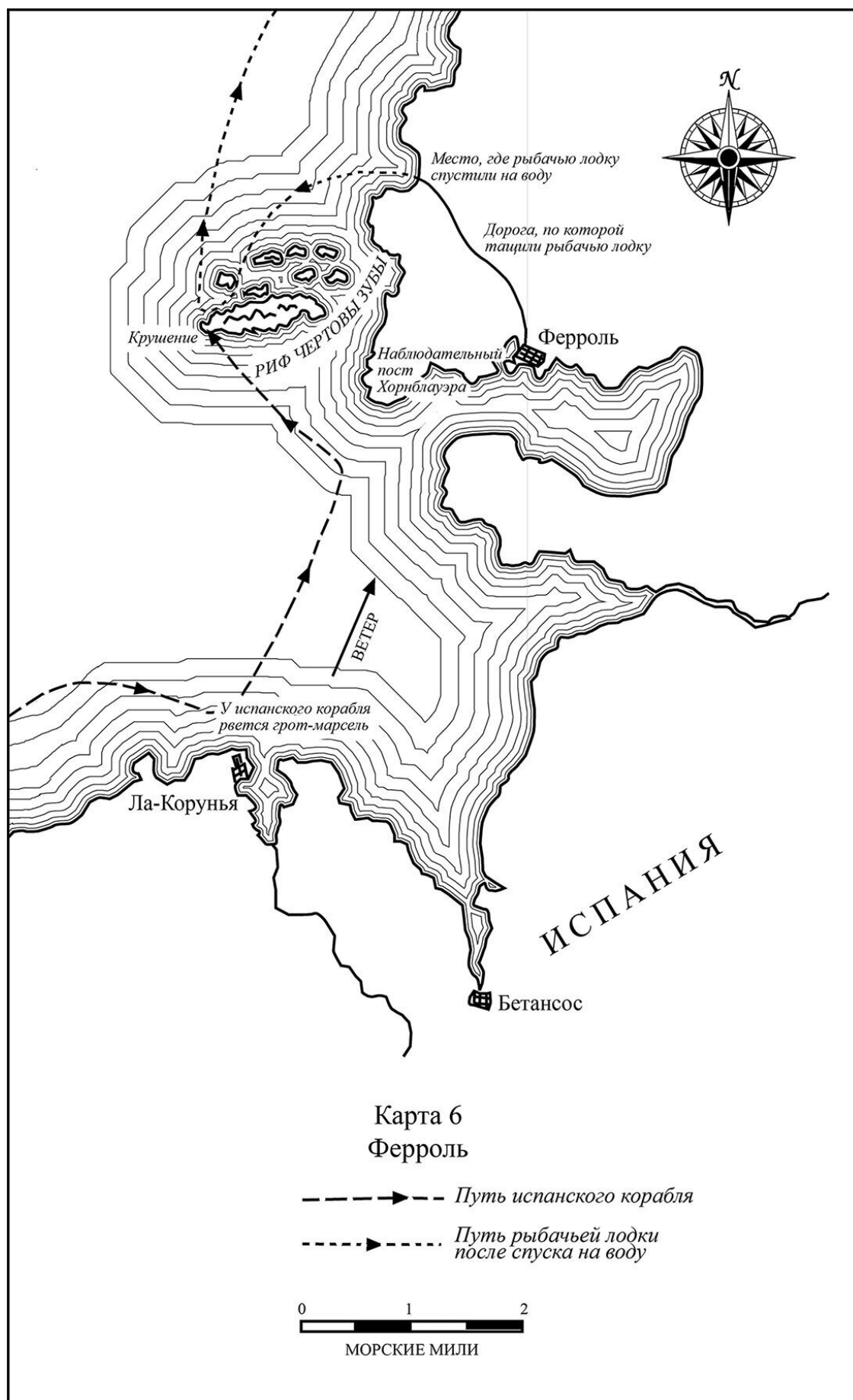
– Спасибо, – сказал Хорнблауэр.

В последующие долгие месяцы страдания Хорнблауэра несколько облегчались тем, что на два часа ежедневно его честное слово давало ему свободу: свободу побродить по улочкам маленького городка, выпить чашку шоколада или стаканчик вина (если были деньги), вежливо и с большим трудом поговорить с испанскими солдатами, матросами или горожанами. Но еще лучше было провести свои два часа, бродя по козьим тропкам на мысу, подставив голову ветру и солнцу, в обществе моря, исцеляющего горькую тоску плена. Еда теперь была чуть получше, помещение чуть поудобнее. А главное – сознание, что он лейтенант, лейтенант королевской службы, и если когда-нибудь, хоть когда-нибудь война закончится и его выпустят на свободу, он сможет голодать на половинное жалованье – ибо с окончанием войны на флоте не останется свободных мест для младших офицеров. Однако он честно заработал офицерский чин. Он заслужил одобрение начальства. Об этом стоило подумать во время одиноких прогулок.

И вот наступил день, когда задул штормовой зюйд-вест с той стороны Атлантики. Пролетев над бескрайним водным простором, он беспрепятственно набирал скорость, обращая море в череду бегущих валов, с грохотом и брызгами разбивающихся об испанский берег. Хорнблауэр стоял на мысу над Феррольской бухтой, придерживая рваный плащ и наклоняясь навстречу ветру, чтобы устоять на ногах. Ветер дул в лицо с такой силой, что перехватывало дыхание. Если повернуться к ветру спиной, дышать становилось легче, но тогда ветер задувал в глаза растрепанные волосы, задирает на голову плащ и так шаг за шагом заставлял Хорнблауэра спускаться вниз, к Ферролю, куда ему сейчас совсем не хотелось возвращаться. На два часа он один и свободен, и эти два часа были для него драгоценны. Он мог вдыхать атлантический воздух, идти куда пожелает, делать что захочет. Мог смотреть на море: иногда с мыса удавалось разглядеть британский военный корабль, медленно пробирающийся вдоль берега в надежде захватить врасплох каботажное судно, наблюдая одновременно за военноморскими приготовлениями испанцев. Когда такой корабль появлялся в отпущенные Хорнблауэру два часа, он стоял и не отрываясь глядел на него, как умирающий от жажды глядит на недостижимый стакан воды, примечал все мелкие детали, вроде формы марселей и особенностей покраски; сердце его разрывалось на части. Кончался второй год плена. Двадцать два месяца, по двадцать четыре часа в сутки он находился под замком вместе с пятью другими младшими офицерами в тесной комнатухе крепости Эль-Ферроль. А сегодня ветер бушевал над ним, свободный и неукротимый. Хорнблауэр стоял лицом к ветру, перед ним лежала Корунья: белые домики, рассыпанные по склонам, как куски сахара. Между ним и Коруньей раскинулась покрытая барашками бухта Корунья, а слева тянулся узкий проход в Феррольский залив. Справа была открытая Атлантика; от подножия невысоких обрывов к северу тянулась цепочка рифов *Dientes del Diablo* – Чертовы Зубы. Подгоняемые ветром валы с промежутком в полминуты накатывали на рифы, ударяя о них с такой силой, что содрогался самый мыс, на котором стоял Хорнблауэр. Каждый вал рассыпался фонтаном брызг, которые тут же относил ветер, вновь открывая взору черные клыки скал.

Хорнблауэр был на мысу не один: в нескольких ярдах от него нес дозорную службу артиллерист испанского ополчения. Он непрерывно осматривал море в подзорную трубу. Воюя с

Англией, приходится все время быть начеку: на горизонте может внезапно появиться флот, высадить небольшой десант, захватить Ферроль, сжечь док и корабли. Сегодня на это надеяться не приходилось – в такую погоду войско на берег не высадишь.

Однако часовой, без сомнения, пристально смотрел в какую-то точку с наветренной стороны; вытерев заслезившийся глаз рукавом, он стал смотреть снова. Хорнблауэр глядел туда же, не понимая, что привлекло внимание часового. Тот что-то пробормотал, потом повернулся и затрусил к караулке, где грелись остальные ополченцы, обслуживающие установленные на обрыве пушки. Вернулся он с дежурным сержантом, который взял подзорную трубу и стал смотреть туда же, куда прежде часовой. Оба затараторили на варварском галисийском диалекте; за два года упорных трудов Хорнблауэр овладел не только кастильским, но и галисийским, однако сейчас в реве ветра не понимал ни слова. Наконец, когда сержант согласно кивнул, Хорнблауэр невооруженным глазом разглядел, о чем они спорили. Светло-серый прямоугольник над серым морем – парус какого-то корабля. Корабль несется по ветру, чтобы укрыться в Корунье или Ферроле.

Весьма опрометчиво, ибо судну будет одинаково трудно как лечь в дрейф и бросить якорь в бухте Корунья, так и пройти узкий пролив, соединяющий с морем Феррольский залив. Осторожный капитан предпочел бы лавировать от подветренного берега, пока ветер не ослабнет. «Ох уж эти испанские капитаны, – подумал Хорнблауэр, пожимая плечами. – Впрочем, естественно, они стараются побыстрее добраться до гавани, ведь море прочесывает Королевский флот». Однако сержант и часовой не стали бы так волноваться из-за одного-единственного судна. Хорнблауэр не мог больше сдерживаться. Он подошел к оживленно разговаривающим ополченцам, мысленно формулируя фразы на чужом языке.

– Прошу вас, господа, – сказал он и начал снова: – Прошу вас, господа, скажите, что вы видите?

Сержант, повинувшись какому-то непонятному порыву, вручил ему трубу – Хорнблауэр чуть не выхватил ее из рук. В подзорную трубу он различил корабль с полностью зарифленными марсеями (все равно куда больше парусов, чем разумно в такую погоду), стремительно мчащийся к ним навстречу. Через секунду Хорнблауэр увидел еще один серый прямоугольник. Еще парус. Еще корабль. Фор-стенга значительно короче грот-стенги, да не только это: весь облик до боли знакомый – британский военный корабль, британский фрегат, преследующий другое судно – очевидно, испанский капер. Упорная погоня – силы участников почти равны. Вполне вероятно, что испанцы укроются под защитой береговых батарей раньше, чем фрегат их настигнет. Хорнблауэр опустил трубу, давая отдых глазу, и сержант тут же ее забрал. Он внимательно следил за англичанином и по выражению его лица прочел все, что хотел. Эти корабли ведут себя так, что он поступит правильно, если позовет офицера и поднимет тревогу. Сержант и часовой побежали в караулку, и через несколько секунд артиллеристы уже бежали к пушкам на краю обрыва. Вскоре на дороге, прищипывая коня, показался офицер. Взглянув в подзорную трубу, он тут же поскакал к батарее, и через считанные мгновения пушечный выстрел оповестил всю береговую охрану о появлении неприятельского корабля. На флагштоке рядом с батареей взвился испанский флаг; в ответ флаг взметнулся над Сан-Антоном, где другая батарея охраняла бухту Корунья. В готовность была приведена и артиллерия порта. Теперь, если британский фрегат подойдет на пушечный выстрел, ему несдобровать.

Преследователь и преследуемый были уже гораздо ближе к Корунье. Теперь Хорнблауэр с мыса видел их целиком. Они стремительно неслись вперед, и он каждую минуту ожидал, что ветер сломает стеньги или сорвет паруса. Фрегат отставал примерно на полмили; чтобы стрелять из пушек в такую качку, нужно было подойти значительно ближе. Вот по дороге прискакал комендант со своими офицерами, он заметил Хорнблауэра и с испанской учтивостью поднял шляпу; Хорнблауэр, без шляпы, постарался отвесить столь же учтивый поклон. Он подошел к коменданту с неотложной просьбой – ему пришлось ухватиться за луку седла и кричать испанцу прямо в лицо:

– Сударь, я дал честное слово и должен вернуться через десять минут. Можно мне продлить отлучку? Пожалуйста, разрешите мне остаться!

– Оставайтесь, сеньор, – милостиво согласился комендант.

Хорнблауэр смотрел за погоней и в то же время внимательно наблюдал подготовку к обороне. Он дал честное слово, но никакой кодекс чести не запрещает ему напоминать то, что он видит. Когда-нибудь, возможно, он будет свободен, и тогда, может быть, знания об обороне Ферроля ему пригодятся. С приближением кораблей волнение нарастало. Английский капитан держался ярдов на сто мористее испанца, но догнать его никак не мог – Хорнблауэру даже показалось, что испанец увеличивает разрыв. Однако английский корабль ближе к открытому морю, значит этот путь закрыт. Свернув от берега, испанец потеряет свое преимущество. Если он не сумеет попасть в бухту Корунья или Феррольский залив, он обречен.

Сейчас испанец поравнялся с мысом Корунья – пора круто поворачивать руль и заходить в бухту, рассчитывая, что под защитой мыса якоря смогут удержать корабль. Но когда такой силы ветер свистит среди скал и обрывов, невозможно учесть все. Видимо, идущий из бухты порыв ветра ударил судно в лоб при попытке обогнуть мыс. Оно закачалось, а потом, когда встречный порыв стих и ветер вновь подхватил его, накренилось и почти легло на борт. Когда судно выровнялось, Хорнблауэр на мгновение увидел дыру в грот-марселе. На мгновение, ибо после образования дыры миги марселя сочтены – только что появилась дыра, и вот уже парус исчез, разорванный в клочья. Баланс давления нарушился, и судно тут же потеряло управление; ветер, наполнив фор-марсель, развернул его, как флюгер. Если б у испанцев хватило времени поставить хоть какой-нибудь парус ближе к корме, судно еще можно было бы спасти, но в этих замкнутых водах лишнего времени не бывает. Только что судно могло обогнуть мыс Корунья, теперь эта возможность утрачена.

У испанца оставались еще шансы проскочить в узкий проливчик, соединяющий с морем Феррольский залив, ветер для этого был попутный – почти. Хорнблауэр, стоя на мысу, пытался представить себе, что думает на качающейся палубе испанский капитан. Тот выровнял судно и направил его в узкий пролив, знаменитый у моряков своей труднопроходимостью. Несколько секунд казалось, что испанцам удастся-таки, несмотря ни на что, проскочить точно в пролив. Тут снова налетел встречный ветер. Если бы судно хорошо слушалось руля, оно могло бы спасти, но с нарушенным балансом парусов оно неизбежно запаздывало. Яростный порыв ветра развернул его нос, и стало ясно, что спасения нет. Однако испанский капитан решил играть до конца. Он не хотел выбрасывать корабль на подножие низких обрывов. Круто развернув руль, он предпринял смелую попытку обогнуть Феррольский мыс на отраженном от обрывов ветре.

Попытка смелая, но с самого начала обреченная на неудачу, – судно и впрямь обогнуло мыс, однако ветер вновь развернул его нос, и корабль полетел на зазубренную цепочку Чертовых Зубов. Хорнблауэр, комендант и все остальные бросились на другую сторону мыса, досмотреть финальный акт трагедии. Судно, подхваченное попутным ветром, с невероятной быстротой несло к рифам. Волна подхватила его, еще увеличив скорость. Оно ударилось о риф и на секунду исчезло из виду, скрытое пеленой брызг. Когда брызги рассеялись, его трудно было узнать. Все три мачты исчезли, и только черный корпус возвышался над белой пеной. Инерция и волна почти протащили его через риф – без сомнения, распоров днище, – и судно зацепилось кормой, а носом зарылось в относительно спокойную воду позади рифа.

На палубе оставались люди. Хорнблауэр видел, как они, ища спасения, жмутся к полуюту. Новый вал разбился о Чертовы Зубы, окутав брызгами несчастное судно. Но вот оно появилось вновь, черное на фоне белой пены. Теперь, под прикрытием погубившего его рифа, оно было относительно защищено. Хорнблауэр видел, как на палубе копошатся живые существа. Жить им оставалось недолго – минут пять, если повезет. Если не повезет – часов пять.

Вокруг испанцы выкрикивали проклятия. Женщины плакали, мужчины в ярости грозили кулаками уходящему фрегату, который, удовлетворившись достигнутым, вовремя развернулся и теперь под штормовыми парусами лавировал в открытое море. Ужасно было смотреть на обреченных испанцев. Если более крупная волна, перекатившись через риф, не смоет корму

и судно не затонет окончательно, оно так и будет биться о рифы вместе с бедными моряками. Если оно не разобьется сразу, несчастные не вынесут постоянных ударов ледяных брызг. Надо что-то сделать, надо их спасти, но лодка не сможет обогнуть мыс и Чертовы Зубы, не сможет добраться до останков судна. Но... Мысли Хорнблауэра понеслись галопом. Комендант, сидя на лошади, что-то сердито говорил испанскому флотскому офицеру, очевидно о том же самом, офицер разводил руками, объясняя, что любая попытка спасти потерпевших обречена на провал. И все же... Два года Хорнблауэр был в плену; вся его искусственно сдерживаемая энергия рвалась наружу, а после двух лет заключения ему было все равно, будет он жить или погибнет. Он подошел к коменданту и вмешался в спор.

– Сударь, – сказал он, – позвольте, я попробую их спасти. Может быть, из той бухточки... Если со мной отправятся несколько рыбаков...

Комендант посмотрел на офицера. Офицер пожал плечами.

– Как вы хотите это сделать? – спросил комендант Хорнблауэра.

– Мы должны перетащить через мыс лодку из дока, – объяснил Хорнблауэр, с трудом облекая свои мысли в испанские фразы. – Но надо быстро... быстро!

Он указал на обломки судна. Волна, разбивающаяся о Чертовы Зубы, прибавила силы его словам.

– Но как вы перетащите лодку? – спросил комендант.

Даже по-английски кричать против ветра было бы очень трудно; кричать же по-испански было выше его сил.

– Покажу вам в доке, сударь! – крикнул Хорнблауэр. – Объяснить не могу! Но надо быстрее!

– Так вы хотите отправиться в док?

– Да, да.

– Садитесь позади меня, сударь, – сказал комендант.

Хорнблауэр неловко вскарабкался на круп и уцепился за пояс коменданта. Лошадь побежала вниз по склону. Хорнблауэра замотало из стороны в сторону. Все городские и гарнизонные зеваки бежали следом.

Феррольский док пришел в полный упадок по причине британской блокады. Расположенный в одном из самых глухих уголков Испании, связанный с ее внутренними частями самыми плохими дорогами, он получал большую часть припасов морским путем, а теперь, в результате блокады, оказался от них отрезан. Заход испанских военных кораблей лишил его последних запасов, тогда же почти всех докеров завербовали на флот. Но Хорнблауэр из прежних внимательных наблюдений знал: все, что ему понадобится, там есть. Он соскользнул с лошадиного крупа, счастливо избежав инстинктивного удара копытом со стороны раздраженного животного, и собрался с мыслями. Он указал на низкую телегу – скорее даже платформу на колесах. На ней обычно возили к пристани бочки с солониной и коньяком.

– Лошади, – сказал он, и десятки добровольных помощников бросились запрягать лошадей.

Рядом с причалом покачивались с полдюжины лодок. Здесь же было все необходимое для подъема тяжестей. Пропустить под лодку канаты и поднять ее было делом нескольких минут. Испанцы, как правило, ленивы и медлительны, но убедил их в необходимости действовать быстро, вдохнови, предложи им смелый план – они будут работать как одержимые. А умелых работников было хоть отбавляй. Весла, мачта, парус (впрочем, парус не понадобится), руль, румпель, черпаки – все оказалось на месте. Кто-то сбегал на склад за подпорками для лодки, их тут же поставили на телегу, телегу подвели под тали и взгромоздили на нее лодку.

– Пустые бочки, – приказал Хорнблауэр. – Вот эти.

Смуглый галисийский рыбак сразу понял, чего Хорнблауэр хочет, и подкрепил его ломанные фразы более пространными объяснениями. Тут же притащили дюжину пустых бочек из-

под воды, с плотно пригнанными затычками. Смуглый рыбак забрался на телегу и принялся найтовить их под банками. Если бочки хорошо закрепить, они удержат лодку на плаву, даже если она наберет воды по самый планширь.

– Мне нужно шесть человек, – крикнул Хорнблауэр, стоя на телеге и оглядывая толпу. – Шесть рыбаков, кто знает маленькие лодки.

Смуглый рыбак, тот, что привязывал к банкам бочонки, оторвался от своего дела:

– Я знаю, кто нам нужен, сударь.

Он выкрикнул несколько имен, и вперед выступили шесть рыбаков: сильные, обветренные, уверенные в себе. Очевидно, смуглый галисиец был их капитаном.

– Ну, вперед! – сказал Хорнблауэр, но галисиец остановил его.

Хорнблауэр не понял, что тот сказал, но в толпе кто-то кивнул, побежал и скоро вернулся, сгибаясь под тяжестью бочонка с водой и ящичка – видимо, с сухарями. Хорнблауэр мысленно обругал себя; он забыл, что их может отнести в море. Комендант, не слезая с лошади, внимательно наблюдал за происходящим и тоже заметил эти припасы.

– Помните, сударь, что вы дали мне слово, – сказал он.

– Я дал вам слово, сэр, – повторил Хорнблауэр.

На несколько блаженных секунд он совершенно позабыл о своем плене.

Припасы аккуратно убрали под кормовую банку. Капитан рыбацкой лодки поглядел на Хорнблауэра. Тот кивнул.

– Вперед! – крикнул толпе комендант.

Подковы зацокали по мостовой, и телега, подпрыгивая, двинулась вперед. Одни вели лошадей, другие толпой шли рядом, а Хорнблауэр с капитаном восседали на повозке, словно генералы. Процессия миновала ворота дока, прошла по главной городской улице и свернула на крутую дорожку, ведущую за гребень мыса. Энтузиазм толпы еще не остыл, и, когда на склоне лошади замедлили шаг, сотня людей налегла сзади, с боков, ухватила за построжки и втащила телегу на холм. На гребне дорога почти исчезла, но телега продолжала тащиться вперед. Дальше дорога стала еще хуже. Петля между земляничными и миртовыми деревьями, она серпантинном спускалась со склона в песчаную бухточку, о которой Хорнблауэр сразу и подумал. Он видел, как в хорошую погоду рыбаки закидывали там сети, и еще тогда заприметил бухточку как наиболее подходящее место для высадки десанта, если когда-нибудь Королевский флот захочет напасть на Ферроль.

Ветер неистовствовал по-прежнему. Все море было в белых барашках. Перевалив через гребень мыса, все увидели тянущуюся от берега цепочку Чертовых Зубов и остов корабля, черный на фоне бушующей пены. Кто-то заорал, все налегли на телегу, так что лошади перешли на рысь и телега, подпрыгивая на кочках, понеслась вперед.

– Тише, – крикнул Хорнблауэр. – Тише!

Если они сломают ось или потеряют колесо, вся затея позорно провалится. Комендант присоединился к Хорнблауэру и несколькими громкими командами привел своих людей в чувство. Уже поспокойнее, телегу спустили к краю песчаной отмели. Ветер с силой подхватывал мокрый песок и безжалостно швырял в лицо, но волны, накатывающие на песок, были совсем небольшие: бухточка глубоко вдавалась в береговую линию, а с наветренной стороны валы разбивались о Чертовы Зубы и дальше бежали уже параллельно берегу. Колеса зарылись в песок, и лошади остановились у кромки воды. Десяток добровольцев бросился распрягать лошадей, а с полсотни других затащили телегу в воду – при таком избытке рабочих рук сделать это было нетрудно. Как только первая волна прокатилась под телегой, команда вскарабкалась в лодку. Дно было покрыто каменными глыбами, но ополченцы и докеры, по грудь в воде, налегли посильнее и протащили телегу через них. Лодка едва не уплывала с подпорок и, как только команда освободила ее и забралась внутрь, начала поворачиваться под напором ветра. Моряки ухватились за весла и несколькими сильными гребками заставили ее слушаться;

капитан-галисиец уже вставил рулевое весло в паз на корме, не полагаясь на руль и румпель. Берясь за весло, он посмотрел на Хорнблауэра. Тот молча кивнул, уступая ему эту работу.

Хорнблауэр, согнувшись против ветра, стоял на корме, ища между камнями путь к останкам корабля. Тихая бухточка осталась далеко позади. Лодка пробиралась по бушующим волнам, вокруг завывал ветер. Волны двигались беспорядочно, и лодку мотало из стороны в сторону. К счастью, рыбаки привыкли грести по бурному морю. Они держали лодку на ходу, так что капитан, с силой налегая на рулевое весло, мог вести ее через обезумевшие волны. Хорнблауэр, выбиравший путь, жестами указывал капитану направление, и тот мог сосредоточить все внимание на том, чтобы неожиданная волна не опрокинула лодку. Ветер ревел, лодка подсакивала на каждой волне, но пядь за пядью они приближались к погибшему кораблю. Если в движении волн и была какая-то закономерность, так это то, что все они огибали Чертовы Зубы с дальнего конца, поэтому лодку приходилось постоянно разворачивать носом навстречу волне, затем обратно, отвоевывать у ветра бесценные пяди. Хорнблауэр взглянул на гребцов: они работали на износ. Ни секунды передышки – весла к себе, весла от себя, к себе, от себя; Хорнблауэр дивился, как сердце и мускулы выдерживают такое напряжение.

Тем не менее они постепенно приближались к погибшему кораблю. Когда брызги рассеялись, Хорнблауэр увидел всю его перекошенную палубу. Видел он и человеческие фигурки, укрывавшиеся за полуютом. Кто-то из них махнул ему рукой. Тут из моря, ярдах в двадцати впереди, вынырнуло чудовище. В первую секунду Хорнблауэр не понял, что это такое. Лишь когда оно вновь вынырнуло, он узнал толстый конец сломанной мачты. Мачта еще держалась за судно последним уцелевшим штагом, привязанным к ее верхнему концу. Ее отнесло к подветренному борту, и здесь она вздымалась и подпрыгивала на волнах, – казалось, некое морское божество, скрытое под водой, в гневе грозит пловцам. Хорнблауэр указал на опасность рулевому, тот кивнул и крикнул: «*Nombre de Dios!*»³⁵ – но крик утонул в шуме ветра. Они обогнули мачту. Имея неподвижный ориентир, Хорнблауэр смог лучше оценить их скорость. Он видел, что каждый дюйм дается отчаянным усилием гребцов, видел, как лодка останавливается или даже относится назад более сильными порывами ветра, которым весла не могли противостоять.

Теперь они были за мачтой, почти у затонувшего носа и достаточно близко к Чертовым Зубам, так что каждая волна, разбившись о противоположную сторону рифов, осыпала их водопадом брызг. На дне лодки плескалась вода, вычерпывать ее было некому и некогда. Наступила самая сложная часть всего предприятия: подвести лодку к судну. Вдоль кормы торчали острые камни, и, хотя полубак выступал над водой, вся носовая часть шкафута была затоплена. К счастью, остов несколько наклонился на правый борт, к ним, что облегчало задачу. Когда вода спадала, то есть прямо перед тем, как следующий вал разбивался о риф, Хорнблауэр, встав и вытянув шею, видел, что рядом с центральной частью шкафута, там, где палуба соприкасается с водой, камней вроде бы нет. Он указал туда рулевому, потом взмахами привлёк внимание уцелевших матросов у полуюта и показал, куда им двигаться. Волна, перекатываясь через риф, разбилась о палубу остова и почти по края наполнила лодку. Она завертелась в круговороте, но бочонки удержали ее на плаву, а могучие усилия рулевого и гребцов – от удара о скалы или об остов.

– Ну, давай! – крикнул Хорнблауэр.

Не важно, что в решающий момент он заговорил по-английски, – его поняли и так. Лодка продвинулась вперед, а потерпевшие, распутав веревки, которыми привязались в своем укрытии, поползли вниз по палубе. Хорнблауэра поразило, что их всего четверо, – человек двадцать-тридцать смыло за борт, когда корабль налетел на риф. По команде рулевого гребцы подняли весла. Один из потерпевших собрался с духом и прыгнул на нос лодки. Еще одно усилие гребцов, и лодка снова продвинулась вперед, еще один потерпевший прыгнул в нее.

³⁵ «Имя Господне!» (исп.)

Тут Хорнблауэр, следивший за морем, увидел, как новый вал вздымается над рифом. По его сигналу лодка отошла в безопасное – относительно безопасное – место, а два оставшихся на палубе матроса вскарабкались обратно к полуюту. Волна прокатилась с грохотом и ревом, пена шипела, брызги стучали, лодка вновь придвинулась к остову. Третий потерпевший приготовился прыгать, не рассчитал и упал в море. Больше его никто не видел. Обессиленный от холода и усталости, он камнем пошел на дно, но печалиться было некогда. Четвертый потерпевший ждал своей очереди. Как только лодка подошла, он прыгнул и счастливо приземлился на носу.

– Есть кто еще? – крикнул Хорнблауэр и получил отрицательный ответ.

Они спасли три жизни, рискуя восемью.

– Вперед, – сказал Хорнблауэр, но рулевой не нуждался в его словах.

Он уже позволил ветру отнести лодку подальше от погибшего корабля, подальше от скал – и дальше от берега. Достаточно было лишь изредка налегать на весла, чтобы держать ее носом к ветру и волне. Хорнблауэр посмотрел на потерпевших, без чувств лежащих на дне лодки. По ним прокатывалась вода. Он наклонился и затряс их, приводя в сознание, потом с трудом сунул черпаки в их занемевшие руки. Они должны двигаться, иначе умрут. С изумлением он увидел, что уже темнеет. Надо немедленно решать, что делать дальше. Гребцы явно не могли больше грести; если попытаться вернуться в песчаную бухточку, откуда они начали свой путь, ночь застанет их, обессиленных, меж предательских прибрежных камней. Хорнблауэр сел рядом с капитаном-галисийцем, который, не спуская глаз с набегающих волн, лаконично изложил свои соображения:

– Темнеет. – Он поглядел на небо. – Камни. Люди устали.

– Лучше не возвращаться, – сказал Хорнблауэр.

– Да.

– Тогда надо выйти в открытое море.

Годы блокадной службы приучили Хорнблауэра держаться подальше от подветренного берега.

– Да, – сказал капитан и добавил несколько слов, которые Хорнблауэр не разобрал из-за ветра и плохого знания языка.

Капитан повторил свои слова громче, сопровождая их выразительными жестами. Показывать ему приходилось одной рукой, другая была занята рулевым веслом.

«Плавучий якорь, – решил про себя Хорнблауэр. – Совершенно верно».

Он оглядел исчезающий из виду берег, прикинул направление ветра. Вроде бы он стал поужнее. Если ветер не переменится, они смогут дрейфовать на плавучем якорю всю ночь, не опасаясь быть выброшенными на берег.

– Хорошо, – сказал Хорнблауэр вслух.

Он тоже прибег к пантомиме, и капитан одобрительно кивнул, потом приказал двум баковым гребцам вынуть весла и сделать плавучий якорь – привязать весла к длинному фалиню, пропущенному под носом лодки. При таком напоре ветра лодка будет сильно тянуть плавучий якорь, а значит – разворачиваться носом к открытому морю. Хорнблауэр наблюдал, как плавучий якорь устанавливается в воде.

– Хорошо, – сказал он снова.

– Хорошо, – повторил капитан, кладя в лодку рулевое весло.

Хорнблауэр только сейчас понял, что все это время, мокрый до нитки, стоял на пронизывающем зимнем ветру. У его ног без чувств лежал один из потерпевших, двое других вычерпали почти всю воду и благодаря своим усилиям были живы и в сознании. Гребцы валились от усталости. Капитан-галисиец уже опустился на дно лодки и обхватил бесчувственное тело. Повинуясь общему импульсу, все сгрудились на дне лодки, под банками, подальше от ревающего ветра.

Так наступила ночь. Хорнблауэр почувствовал, что прикосновение человеческих тел согревает его, почувствовал на спине чью-то руку и сам кого-то обнял. Под ними на дне лодки плескались остатки воды, сверху яростно завывал ветер. Лодка кренилась то на нос, то на корму и, взбираясь на волну, резко вздрагивала, стопорясь плавучим якорем. Каждую секунду новая порция брызг обрушивалась на съезжившиеся от холода тела; через короткое время на дне набралось столько воды, что пришлось расцепиться, сесть и на ощупь в темноте вычерпывать воду. Потом снова можно было сгрудиться под банками.

Посреди этого ночного кошмара, когда они в третий раз собрались вычерпывать воду, Хорнблауэр обнаружил, что тело, на котором лежала его рука, неестественно застыло. Матрос, которого капитан пытался привести в сознание, так и умер, лежа между ним и Хорнблауэром. Капитан в темноте оттащил тело на корму. Ночь продолжалась: холодный ветер, холодные брызги, качка; садись, вычерпывай воду, ложись, съезживайся, дрожи. Мучения были невыносимые – Хорнблауэр не мог поверить своим глазам, когда увидел наконец первые признаки наступающего утра. Постепенно забрезжила заря, и надо было думать, что делать дальше. Но вот окончательно рассвело, и все проблемы решились сами собой. Один из рыбаков, встав на ноги, хрипло закричал, указывая на север. Там отчетливо вырисовывался корабль, дрейфующий под штормовыми парусами. Капитан с первого взгляда узнал его.

– Английский фрегат, – сказал он.

Видимо, за ночь фрегат снесло на то же расстояние, что и дрейфующую на плавучем якоре лодку.

– Сигнальте ему, – сказал Хорнблауэр.

Никто не возразил.

В лодке не оказалось ничего белого, кроме рубашки Хорнблауэра, и тот снял ее, дрожа от холода; рубашку привязали к веслу и подняли на мачту. Капитан увидел, что Хорнблауэр надевает на голое тело мокрый сюртук, одним движением стянул через голову толстую вязаную фуфайку и протянул ему.

– Спасибо, не надо, – запротестовал Хорнблауэр, но капитан настаивал; с широкой ухмылкой он показал на застывшее тело, лежащее на корме, и объяснил, что переоденется в фуфайку мертвеца.

Спор был прерван новым криком одного из рыбаков. Фрегат привелся к ветру. Под взятыми в три рифа фор- и грот-марселями он двинулся к ним, подгоняемый слабеющим ветром. Хорнблауэр смотрел на корабль, потом, оглянувшись, увидел бледнеющие на горизонте галисийские горы. Впереди были тепло, свобода, товарищи, позади – одиночество и плен.

С подветренного борта фрегата любопытные лица смотрели на бешено плясавшую лодку. Англичане спустили шлюпку, и двое проворных матросов перепрыгнули с нее к рыбакам. С фрегата в лодку перебросили канат, на конце его был спасательный круг со штанами. Английские матросы помогали окоченевшим испанцам по очереди забираться в штаны и придерживали, пока тех поднимали на палубу.

– Я пойду последним, – сказал Хорнблауэр, когда они повернулись к нему. – Я королевский офицер.

– Разрази меня гром! – только и мог выговорить матрос.

– Тело тоже отправьте наверх, – велел Хорнблауэр. – Его надо будет похоронить как положено.

Труп гротескно закачался в воздухе. Капитан-галисиец начал было препираться с Хорнблауэром, кому принадлежит честь последним покинуть лодку, но Хорнблауэра было не переспорить. Наконец матрос помог ему сунуть ноги в штаны спасательного круга и обвязал страховочным концом. Хорнблауэр взмыл вверх, раскачиваясь вместе с кораблем. Полдюжины сильных рук подхватили его и аккуратно положили на палубу.

– Ну вот, моя радость, ты и здесь, целый и невредимый, – произнес бородатый матрос.

– Я королевский офицер, – сказал Хорнблауэр. – Где вахтенный?

Вскоре Хорнблауэр, облаченный в невероятно сухую одежду, попивал горячий грог в каюте Крома, капитана фрегата его величества «Сиртис». Кром был с виду бледен и угрюм, но Хорнблауэр слышал о нем как о первоклассном офицере.

– Галисийцы отличные моряки, – сказал Кром. – Я не могу их завербовать, но, может, кто из них предпочтет стать добровольцем, чем отправляться в плавучую тюрьму.

– Сэр... – начал Хорнблауэр и замялся. Негоже младшему лейтенанту спорить с капитаном.

– Да?

– Они вышли в море спасать потерпевших. Они не подлежат взятию в плен.

Серые глаза Крома стали ледяными. Хорнблауэр был прав, негоже младшему лейтенанту спорить с капитаном.

– Вы будете меня учить, сэр? – спросил Кром.

– Упаси меня бог, – поспешно отвечал Хорнблауэр. – Я давно не читал Адмиралтейские инструкции и боюсь, что память меня подвела.

– Адмиралтейские инструкции? – переспросил Кром несколько другим тоном.

– Наверное, я ошибаюсь, сэр, – сказал Хорнблауэр, – но мне казалось, что та же инструкция касалась и двух других, потерпевших кораблекрушение.

Даже капитан не волен нарушать Адмиралтейские инструкции.

– Я приму это во внимание, – сказал Кром.

– Я отправил покойника на корабль, сэр, – продолжал Хорнблауэр, – в надежде, что вы, быть может, разрешите похоронить его как следует. Эти галисийцы рисковали жизнью, чтобы его спасти, и, думаю, сэр, будут чрезвычайно вам признательны.

– Папистские похороны? Я распоряжусь, пусть делают что хотят.

– Спасибо, сэр, – сказал Хорнблауэр.

– Теперь касательно вас. Вы сказали, что имеете чин лейтенанта. Вы можете служить на этом корабле до встречи с адмиралом. Тогда он решит. Я не слышал, чтобы «Неустанный» списывал команду, так что формально вы можете числиться в его списках.

Вот тут-то, когда Хорнблауэр еще раз глотнул горячего грога, дьявол и попытался его искушить. Юноша до боли радовался тому, что вновь очутился на королевском корабле. Снова есть солонину и сухари, а нут и фасоль – никогда. Ступать по корабельной палубе, говорить по-английски. Быть свободным. Свободным! Очень маловероятно, что он еще когда-нибудь попадет в руки к испанцам. Хорнблауэр с мучительной ясностью вспомнил беспрсветную тоску плена. И все, что от него требуется, – день или два подержать язык за зубами. Но дьявол недолго искушал его. Хорнблауэр еще раз отхлебнул горячего грога, отогнал искушителя и посмотрел Крому прямо в глаза:

– Мне очень жаль, сэр.

– В чем дело?

– Я здесь под честное слово. Я дал слово, прежде чем покинуть берег.

– Вот как? Это меняет дело. Здесь вы, конечно, в своем праве.

То, что британского офицера отпустили под честное слово, было настолько обычно, что не вызывало расспросов.

– Вы дали слово в обычной форме? – спросил Кром. – Что не попытаетесь бежать?

– Да, сэр.

– И что же вы решили?

Кром, конечно, и думать не мог повлиять на джентльмена в таком личном деле, как честное слово.

– Я должен вернуться, сэр, – сказал Хорнблауэр. – При первой возможности.

Он оглядел уютную каюту. Сердце его разрывалось.

– По крайней мере, вы сможете пообедать и переночевать на борту, – сказал Кром. – Я не рискну приближаться к берегу, пока ветер не уляжется. При первой возможности я отправлю вас в Корунью под белым флагом. И я посмотрю, что говорят инструкции об этих пленных.

Было солнечное утро, когда часовой форта Сан-Антон в бухте Корунья доложил офицеру, что британское судно обогнуло мыс, легло в дрейф вне досягаемости пушек и спустило шлюпку. На этом ответственность часового кончалась, и он праздно наблюдал, как офицер разглядывает тендер, плавно идущий под парусами, и белый флаг на нем. Тендер лег в дрейф на расстоянии чуть больше ружейного выстрела. К изумлению часового, на окрик офицера кто-то встал в лодке и отвечал на чистейшем галисийском диалекте. Подойдя по приказу офицера к причалу, тендер высадил десять человек и повернул обратно к фрегату. Девять из десяти кричали и смеялись, десятый, самый молодой, шел с каменным лицом. Выражение его не изменилось даже тогда, когда остальные с нескрываемым расположением обняли его за плечи. Никто не потрудился объяснить часовому, кто этот непроницаемый молодой человек, да его это и не слишком волновало. Отправив всю компанию в Ферроль через бухту Корунья, он выкинул их из головы.

Была почти уже весна, когда испанский ополченец вошел в барак, служивший в Ферроле офицерской тюрьмой.

– Сеньор Орнбловэрро? – спросил он.

По крайней мере, сидевший в углу Хорнблауэр понял, что обращаются к нему. Он уже привык, как испанцы коверкают его фамилию.

– Да? – спросил он, вставая.

– Будьте добры следовать за мной. Комендант послал меня за вами, сударь.

Комендант лучился улыбкой. В руках он держал депешу.

– Это, сударь, – сказал он, размахивая депешей под носом у Хорнблауэра, – персональный приказ. Вторая подпись герцога де Фуэнтесауко, министра флота, но первая – премьер-министра, князя Мира, герцога Алькудийского.

– Да, сэр, – сказал Хорнблауэр.

Тут он должен был начать надеяться, но в жизни каждого заключенного наступает пора, когда все надежды умирают. Сейчас его больше заинтересовал странный титул князя Мира.

– Тут говорится: «Мы, Карлос Леонардо Луис Мануэль де Годой и Боэгас, премьер-министр его католического величества, князь Мира, герцог Алькудийский и гранд первого класса, граф Алькудийский, кавалер Священного ордена Золотого руна, кавалер Святого ордена Калатравы, кавалер ордена Меча святого Якова Компостельского, генералиссимус морских и сухопутных сил его католического величества, адмирал Двух океанов, генерал от кавалерии, от инфантерии, от артиллерии...»³⁶ – во всяком случае, сударь, мне приказано немедленно предпринять шаги для вашего освобождения. Я должен под белым флагом передать вас вашим соотечественникам в благодарность «за смелость и самопожертвование, проявленные при спасении людей с риском для собственной жизни».

– Спасибо, сударь, – ответил Хорнблауэр.

³⁶ *Мануэль де Годой* (1767–1851) – министр испанского короля Карла IV и фаворит королевы Марии-Луизы, фактический правитель Испании с 1792 по 1808 г. Поддерживал линию на союз с Францией, за примирение с которой и был пожалован титулом князя Мира (де ла Пас).

Хорнблауэр и вдова Маккул (Рассказ)

Ла-Маншский флот ушел наконец на стоянку к берегам Англии, временно прервав надзор за Брестом, продолжавшийся все шесть лет блокады. Западные штормовые ветры достигли такой силы, что дерево, полотно и пенька не могли им более противостоять. Девятнадцать линейных кораблей и семь фрегатов под командованием адмирала лорда Бридпорта³⁷ на флагманском корабле «Виктория» обогнули мыс Берри-Хед и бросили якоря в Торском заливе. Человек сухопутный не назвал бы это место укрытием, но измученным командам залив показался раем, хотя и здесь ветер ревел в ушах, а волны пенились белыми барашками. Можно было даже послать шлюпки в Бриксем и Торки за письмами и свежей водой; на большей части кораблей офицеры и матросы три месяца обходились без того и другого. Восхитительно было даже в такой холодный день влить в себя полный глоток свежей чистой воды после вчерашней отмеренной порции вонючей зеленой жижи.

Младший лейтенант корабля его величества «Слава» вышагивал по палубе, кутаясь в плотный бушлат. Глаза у него слезились от резкого ветра, и тем не менее он то и дело подносил к ним подзорную трубу, поскольку, как сигнальный лейтенант, отвечал за немедленное прочтение и передачу сообщений, а сейчас в любую минуту можно было ждать распоряжений об отправке больных или о погрузке припасов, приглашения от адмирала капитанам пожаловать на обед или даже последних новостей с берега.

От захваченного вчера французского судна отошла шлюпка и направилась к «Славе». Подштурман Харт, возглавивший призовую команду, блестяще завершил рискованное предприятие и теперь возвращался с докладом. Казалось бы, сигнального лейтенанта это никак не касалось, однако Харт поднялся на борт взволнованный, кратко отрапортовал вахтенному офицеру, поспешил вниз, и почти сразу нашлась работа по сигнальной части. Сам капитан Сойер в сопровождении Харта вышел на палубу, чтобы лично наблюдать за передачей сообщения.

– Мистер Хорнблауэр!

– Сэр!

– Будьте любезны поднять этот сигнал.

Адмиралу от капитана. Это просто. Всего два флага скажут: «„Слава“ флагману». Другие термины тоже обозначались кратко – «приз», «француз», «бриг», – но здесь были также имена собственные, которые приходилось передавать буква за буквой. «Приз – французский бриг „Эсперанс“, на борту Барри Маккул».

– Мистер Джеймс! – заорал Хорнблауэр.

Мичман-сигнальщик стоял рядом наготове, но на мичманов всегда все орут, а свежеепеченные лейтенанты – особенно.

Хорнблауэр диктовал номера, флаги один за другим взлетали на рей; сигнальные фалы трепетали на ветру. Капитан Сойер ждал ответа на палубе; все указывало, что дело серьезное. Хорнблауэр передал сообщение не вникая, как набор слов и букв, но и при повторном чтении оно не обрело внятного смысла. Лишь три месяца назад он освободился из двухлетнего испанского плена, и в его знаниях о последних событиях еще зияли пробелы. Впрочем, адмиралу послание явно говорило много. Едва миновало время, за которое вахтенный мичман мог сбегать в адмиральскую каюту, как на нее «Виктории» взвилось: «Флагман „Славе“». Хорнблауэр читал флажки по мере их появления: «Маккул жив?»

³⁷ Лорд Бридпорт, Александр Худ, 1-й виконт Бридпорт (1726–1814) – адмирал Королевского флота эпохи революционных и Наполеоновских войн и брат другого знаменитого адмирала, Сэмюэла Худа.

– Ответ утвердительный, – сказал капитан Сойер.

Флажок едва успел подняться, а «Виктория» уже сигналила: «Доставить на борт немедленно. Собрать трибунал».

Трибунал! Кто, черт побери, этот Маккул? Дезертир? Поимка простого дезертира не должна беспокоить главнокомандующего. Изменник? Странно, что изменника судит флот. По приказу капитана Харт прыгнул в шлюпку, чтобы доставить загадочного пленника с брига, а с «Виктории» летели сигналы другим кораблям, назначающие трибунал на «Славе».

Хорнблауэр, читавший сообщения, краем глаза видел, как Харт поднимает через правый борт арестанта и его сундук. Довольно молодой, высокий и стройный, руки связаны за спиной (потому его и пришлось втаскивать), в синем мундире с красными обшлагами – очевидно, во французской пехотной форме. Шляпы на нем не было, и ветер трепал рыжую шевелюру. Сочетание фамилии, рыжих волос и мундира объяснило все. Даже в Ферроль, где Хорнблауэр томился в плену, дошли известия об ирландском восстании и о том, как жестоко оно было подавлено. Многие бежавшие мятежники вступили во французскую армию. Этот, очевидно, из их числа, хотя все равно непонятно, почему адмирал утруждается судить его здесь, а не передает гражданским властям.

Разгадки пришлось ожидать еще час, до двух склянок следующей вахты, когда в кают-компании накрыли обед.

– Завтра утром будет веселенькое представление, – сказал корабельный врач Клайв.

Он взял себя за шею жестом, от которого Хорнблауэра передернуло.

– Кой-кому, надеюсь, пойдет на пользу, – сказал второй лейтенант Робертс, старший из присутствующих офицеров, – первый лейтенант Бакленд отсутствовал, занятый приготовлениями к трибуналу.

– За что его повесят? – спросил Хорнблауэр.

– Дезертир, – ответил Робертс, удивленно косясь на Хорнблауэра. – Впрочем, откуда вам знать, ведь вы новичок. Я же его и зачислял на этот самый корабль в девяносто восьмом. Харт сразу его приметил.

– Но я думал, он мятежник?

– И мятежник, само собой, – согласился Робертс. – Тогда, в девяносто восьмом, из Ирландии был один способ сбежать – завербоваться на флот.

– Понятно, – сказал Хорнблауэр.

– Мы той осенью набрали сотню матросов, – добавил Смит, третий лейтенант.

Не спрашивая, отчего те вдруг решили податься в матросы, подумал Хорнблауэр. Англия отчаянно нуждалась в моряках и готова была делать их из кого угодно.

– Маккул сбежал темной ночью, когда мы заштилели вблизи берега, – пояснил Робертс. – Выбрался через нижний пушечный порт, прихватив с собой решетку от люка вместо плота. Мы думали, он утонул, пока до нас не дошли известия, что он в Париже и принялся за старое. Он своим побегом хвастался, так мы и узнали, что он тот самый О'Шонесси, который служил у нас.

– Вольф Тон³⁸ тоже был во французской форме, – сказал Смит, – и его бы вздернули, если бы он не успел перерезать себе глотку.

– Для дезертира иностранный мундир отягчает обвинение, – подтвердил Робертс.

Хорнблауэр задумался, и было о чем. Его мучило от одной мысли о завтрашней казни. И еще этот вечный ирландский вопрос, о котором чем больше размышляешь, тем больше запутываешься. Если брать голые факты, то все просто. В сегодняшнем мире Ирландия может быть либо под властью Англии, либо под властью Франции; третьего не дано. Не верилось, что кто-то

³⁸ Теобальд Вольф Тон (1763–1798) – ирландский публицист, борец с английским владычеством. В 1796 г. отправился во Францию просить у Директории военной помощи для восстания, которое он готовил вместе со своими друзьями, в 1798 г. вернулся в Ирландию, но был арестован и приговорен к смертной казни.

захочет променять английскую корону – пусть при ней ирландские католики поражены в правах, а их землями владеют англичане – на кровавую Французскую республику. Рисковать ради этой перемены жизнью – значит действовать вопреки всякой логике, но патриотизм, горько признал про себя Хорнблауэр, неподвластен логике и не признает фактов.

Но и методы Англии заслуживают критики. Ирландцы чтут Вольфа Тона и Фицджеральда³⁹ как мучеников, будут чтить и Маккула. Ничто так не укрепляет и не облагораживает идею, как мученичество.

Повесить Маккула – значит подбросить хвороста в костер, который Англия пытается погасить. Два народа, одержимые сильнейшими из страстей – инстинктом выживания и жадой независимости, – сошлись в схватке, которая едва ли разрешится в представимом будущем.

Бакленд вошел в кают-компанию с озабоченным видом и окинул взглядом собравшихся. Младшие офицеры, предчувствуя неприятное поручение, отвели глаза. И естественно, тут же прозвучала фамилия самого младшего лейтенанта.

– Мистер Хорнблауэр, – сказал Бакленд.

– Сэр! – ответил Хорнблауэр, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не прозвучала обреченность.

– Вам поручается ответственность за арестанта.

– Сэр? – произнес Хорнблауэр чуть изменившимся тоном.

– Харт будет свидетельствовать перед трибуналом, – объяснил Бакленд (и то удивительно, что он вообще снизошел до объяснений). – Сержант корабельной полиции, сами знаете, дурак. Маккул должен предстать перед судом живым и здоровым, а также оставаться живым и здоровым до самой казни. Собственные слова капитана.

– Есть, сэр, – ответил Хорнблауэр, поскольку иного ответа не существовало.

– Чтобы никаких вольф-тоновских штучек, – вставил Смит.

Вольф Тон перерезал себе горло в ночь перед казнью и умер в мучениях через неделю.

– Обращайтесь ко мне при первой необходимости, – сказал Бакленд.

– Есть, сэр.

– Фалрепные! – проревел вдруг голос на палубе над их головами, и Бакленд бросился вон; появление офицера высокого ранга означало, что трибунал собирается.

Хорнблауэр уронил голову на грудь. Мир беспощаден, а законы флота, на котором он служит, самые беспощадные в мире – сказать «я не могу» так же невозможно, как сказать «я боюсь».

– Не повезло, Хорни, – неожиданно мягко проговорил Смит, и над столом пронесся ропот сочувствия.

– Исполняйте, молодой человек, – тихо сказал Робертс.

Хорнблауэр поднялся. Не доверяя своему голосу, он попрощался коротким поклоном.

– Здесь он, жив-здоров, мистер Хорнблауэр, – сказал сержант корабельной полиции, пригласив его в темноте низкого твиндека.

Морской пехотинец у двери посторонился, сержант осветил фонарем замочную скважину в двери и вставил ключ.

– Я его в пустой кладовке запер, сэр, – продолжал сержант, – тут с ним два моих капрала.

Дверь открылась, выпустив свет другого фонаря. Воздух внутри был спертый; Маккул сидел на сундуке, два корабельных капрала прямо на полу, прислонившись спиной к переборке. Они встали перед офицером, и все равно вновь прибывшие еле поместились в кладовой. Хорнблауэр придиричиво осмотрел место заключения. Побег или самоубийство казались равно невозможными. В конце концов он заставил себя посмотреть в глаза Маккулу.

³⁹ Лорд Эдвард Фицджеральд (1763–1798) – ирландский аристократ, исследователь Северной Америки, один из самых заметных участников восстания; был арестован по доносу предателя и умер в тюрьме от полученных при задержании ран.

– Мне поручено вас охранять, – сказал он.

– Какая честь для меня, мистер... мистер... – вставая, ответил Маккул.

– Хорнблауэр.

– Счастлив познакомиться с вами, мистер Хорнблауэр.

У него был выговор образованного человека, с небольшим акцентом, выдававшим ирландское происхождение. Рыжие волосы Маккул успел заплести в аккуратную косицу, голубые глаза странно блестели даже в слабом свете свечи.

– Вы в чем-нибудь нуждаетесь?

– Я не отказался бы что-нибудь съесть или выпить. Видите ли, у меня ничего не было во рту с самого захвата «Эсперанса».

«Эсперанс» захватили вчера. Этот человек ничего не ел и не пил больше двадцати четырех часов.

– Я распоряжусь. Еще что-нибудь?

– Матрас... подстилку... на чем можно сидеть. – Маккул указал на свой сундук. – Я горжусь своим именем, но не хотел бы, чтобы оно впечаталось в мою плоть.

Сундук был дорогой, красного дерева; на толстой крышке рельефно выступали буквы: «Б. И. Маккул».

– Я пришлю вам матрас, – сказал Хорнблауэр.

В дверном проеме показался лейтенант.

– Я Пейн, из адмиральского штаба, – представился он. – У меня приказ обыскать арестованного.

– Конечно, – ответил Хорнблауэр.

– Я не возражаю, – сказал Маккул.

Сержанту и его подручным пришлось покинуть тесное помещение; Хорнблауэр остался стоять в углу. Пейн управлялся быстро и деловито. Сперва он велел Маккулу раздеться догола и тщательно проверил одежду – швы, подкладку, пуговицы. Он старательно прощупал каждую часть, наклонив ухо к материи, на случай если внутри зашита бумага, затем встал на колени перед сундуком; ключ уже был в замке, осталось лишь его повернуть. Форма, рубашки, нижнее белье, перчатки; каждый предмет был вынут, проверен и отложен в сторону. Особое внимание Пейн уделил двум маленьким детским портретам, но и в них ничего не обнаружилось.

– То, что вы ищете, отправилось за борт прежде, чем призовая команда взойшла на «Эсперанс», – заявил Маккул. – Здесь нет ничего, что выдало бы моих соратников, и вы утруждались совершенно напрасно.

– Можете одеться, – бросил Пейн.

Кивнув Хорнблауэру, он поспешил прочь.

– Человек, чья вежливость просто ошеломляет, – сказал Маккул, застегивая штаны.

– Я распоряжусь касательно ваших просьб, – сказал Хорнблауэр.

Он чуть помедлил, убедился, к своему удовольствию, в непреклонной бдительности сержанта и капралов, вышел, торопливо отдал распоряжение, чтобы пленному принесли еду и воду, и тотчас вернулся. Маккул жадно выпил кварту воды, затем принялся за кусок жесткого мяса и сухарь.

– Ни ножа. Ни вилки, – сказал он.

– Да, – сухо ответил Хорнблауэр.

– Понятно.

Странно было стоять так и смотреть сверху вниз на человека, который обречен завтра умереть, а сейчас безуспешно пытается оторвать зубами хоть маленький кусочек солонины.

Переборка, к которой прислонялся Хорнблауэр, слегка задрожала, и до слуха донесся слабый звук пушечного выстрела – сигнал, что заседание трибунала началось.

– Пора идти? – спросил Маккул.

– Да.

– Значит, я могу, не нарушая благоприличия, покинуть эту изысканную трапезу.

Вверх по трапу на главную палубу, два морских пехотинца впереди, Маккул за ними, Хорнблауэр следом и два капрала в арьергарде.

– Частенько я бегал по этим палубам, – озираясь, произнес арестант, – но без всяких церемоний.

Хорнблауэр напряженно следил, чтобы он не вырвался и не бросился в море.

Трибунал. Золотой позумент и быстрая, отработанная процедура, пока «Слава» медленно поворачивалась на якоре и корабельное дерево отзывалось на дрожь снастей под ветром. Установление личности. Короткие вопросы.

– Ничто из того, что я имел бы сказать, не будет услышано среди этих символов тирании, – заявил подсудимый, отвечая председателю суда.

Чтобы отправить человека на смерть, хватило пятнадцати минут. «По приговору этого суда вы, Барри Игнациус Маккул, будете повешены за шею...»

Кладовая, в которую Хорнблауэр вернул Маккула, теперь стала камерой смертника. Почти сразу же туда постучал запыхавшийся мичман:

– Капитан приветствует вас, сэр, и приглашает в свою каюту.

– Очень хорошо.

– С ним адмирал, – в приступе откровенности добавил мичман.

Контр-адмирал досточтимый сэр Уильям Корнваллис⁴⁰ и впрямь находился в капитанской каюте с Пейном и капитаном Сойером. Едва Хорнблауэр предстал перед ним, он сразу перешел к делу:

– Вам поручено распоряжаться казнью?

– Да, сэр.

– Видите ли, юноша...

Корнваллис был адмирал любимый, твердый, но добрый, неизменно отважный и чрезвычайно опытный, герой бесчисленных баек и баллад под кличкой Голубоглазый Билли. Однако и он слегка замялся, дойдя до сути, что совершенно было на него не похоже.

– Видите ли, – повторил адмирал, – предсмертной речи не будет.

– Не будет, сэр? – переспросил Хорнблауэр.

– Четверть матросов на корабле – ирландцы, – продолжал Корнваллис. – Позволить Маккулу держать к ним речь – все равно что бросить факел в пороховой погреб.

– Понимаю, сэр.

Однако существует ритуал. С незапамятных времен приговоренный имел право обратиться к зрителям с последним словом.

– Вздерните его, – говорил Корнваллис, – и они поймут, чем кончается дезертирство. Но только дайте ему открыть рот – а этот малый мастер трепать языком, – и команда полгода не успокоится.

– Да, сэр.

– Так смотрите, мальчик. Накачайте его ромом, что ли. Не дайте ему говорить любой ценой.

– Есть, сэр.

Пейн вышел из каюты вслед за Хорнблауэром.

– Заткните ему рот паклей, – предложил он. – Со связанными руками он ее не вытащит.

– Да. – Хорнблауэр похолодел.

⁴⁰ Сэр Уильям Корнваллис (Корнуоллис; 1744–1819) – прославленный британский адмирал. Командовал Ла-Маншским флотом в 1801 и 1803–1806 гг.

– Я нашел попа, – продолжал Пейн, – но он тоже ирландец, и на его помощь рассчитывать не приходится.

– Да.

– Маккул хитрая бестия. Не сомневаюсь, он все выбросил за борт, прежде чем его схватили.

– Что он собирался делать? – спросил Хорнблауэр.

– Высадиться в Ирландии, затеять новые безобразия. Просто повезло, что он нам попался. А главное – что мы смогли судить его за дезертирство и быстро покончить с этим делом.

– Да.

– Не очень-то надейтесь напоить его, как посоветовал Голубоглазый Билли. Трезвые или пьяные, эти ирландцы всегда готовы болтать. Я вам лучше подсказал.

– Да, – ответил Хорнблауэр, подавляя дрожь.

Он вернулся в камеру смертника, словно еще один приговоренный. Маккул сидел на присланном соломенном матрасе, два капрала не спускали с него глаз.

– Входит палач. – Узник улыбнулся почти непринужденно.

Хорнблауэр очертя голову бросился вперед; он не видел возможности смягчить свои слова.

– Завтра... – начал он.

– Да, завтра?..

– Вы не будете завтра произносить речь.

– Не попрощаюсь с моими соотечественниками?

– Да.

– Вы лишите умирающего законного права?

– У меня приказ, – сказал Хорнблауэр.

– И вы намерены его исполнить?

– Да.

– Можно узнать, каким образом?

– Набью вам пакли в рот, – грубо сказал Хорнблауэр.

Маккул взглянул на его бледное измученное лицо.

– Вы не похожи на идеального исполнителя, – сказал Маккул, и тут его осенила некая мысль. – Допустим, я вас избавлю от затруднений.

– Как?

– Дам слово ничего не говорить.

Хорнблауэр не знал, насколько можно доверять фанатику в последние мгновения перед казнью, но постарался скрыть свои сомнения – видимо, не очень успешно.

– О, вы можете не верить мне на слово, – горько произнес Маккул. – Если хотите, заключим сделку. Вам не придется исполнять ваши обязательства, если я нарушу свои.

– Сделку?

– Да. Позвольте мне написать моей вдове. Вы беретесь отправить ей письмо и вот этот сундук – вы видели, ценность его чисто сентиментальная, – а я в свою очередь соглашусь не произнести ни слова с той минуты, как покину это место, и до... до... – Даже у Маккула не хватило духа закончить фразу. – Вы меня поняли?

– Ну... – начал Хорнблауэр.

– Можете прочесть письмо, – добавил Маккул. – Вы видели, как обыскивали мои вещи. Посылая их в Дублин, вы заведомо не совершаете ничего такого, что у вас называется изменой.

– Прежде чем согласиться, я прочту письмо, – решил Хорнблауэр.

Кажется, выход из ужасного положения найден. Не так уж трудно найти каботажное судно, идущее в Дублин; за несколько шиллингов он отправит и письмо, и сундук.

Пора было заняться другими жуткими приготовлениями. Пропустить линь через блок на правом ноке фок-рея, убедиться, что он свободно скользит по блоку, и обвести мелом круг на палубных досках там, где опустился конец. Проверить, легко ли скользит узел петли. Условиться с Баклендом, что тот назначит десять матросов – тянуть, когда придет время. Все это Хорнблауэр проделал как в страшном сне.

Когда он вернулся в камеру, Маккул был бледен и встревожен, но смог выдавить улыбку.

– Как видите, я решился побеспокоить музу, – сказал он.

У его ног лежало несколько листов бумаги, и, взглянув на них, Хорнблауэр увидел характерные следы поэтических исканий – многочисленные зачеркнутые варианты.

– Но вот чистовик, – сказал Маккул, протягивая страничку.

«Моя дорогая жена, – начиналось письмо. – Как трудно подобрать слова прощания с той, кого я люблю больше всего на свете...»

Хорнблауэр читал с трудом, как сквозь пелену тумана. Одно, впрочем, было ясно: это и впрямь всего лишь письмо от мужчины женщине, которую тот больше не увидит. В конце говорилось: «Я добавил скромный стишок, чтобы ты и через много лет помнила меня, ненаглядная. А теперь прощай, до встречи на небесах. Твой муж, верный и в смерти, Барри Игнатиус Маккул».

Далее следовало стихотворение:

Небесный сонм! Свершаю смертный путь.
Когда б поднять и круто повернуть.
В град бессердечный утекает жизнь,
Ликут злые силы, им унизь!
А вверх вздымайся, к стрелке часовой,
Спешащей в путь свой вечный круговой,
К неотвратимому движенью вспять
Управа. Будет адский огонь пылать,
Когда главу поднимет элемент
Се мой и мне подобных монумент.

Хорнблауэр перечитал выпренные невразумительные вирши, поражаясь их мрачной образности. Впрочем, сказал он себе, вряд ли ему самому удалось бы за несколько часов до смерти сочинить хоть одну осмысленную строку.

– Адрес на обороте, – сказал Маккул, и Хорнблауэр перевернул лист. Письмо предназначалось вдове Маккул, на такой-то улице Дублина. – Вы принимаете мой залог?

– Да, – ответил Хорнблауэр.

Ужасное свершилось в предутренние часы. «Команде присутствовать при казни». Пропели боцманские дудки, на шкафуте собрались матросы, глядя прямо перед собой. Поперек палубы выстроились морские пехотинцы. Ряды и ряды белых лиц – вот что увидел Хорнблауэр, выводя на палубу осужденного. При появлении Маккула послышался ропот. Корабль окружали шлюпки со всей эскадры, наполненные людьми: им надлежало быть свидетелями экзекуции, но также, в случае возмущения на палубе, немедленно штурмовать «Славу».

Меловой круг и стоящий в нем Маккул. Сигнальный выстрел; топтание десяти матросов, тянувших линь. И Маккул умер, как обещал, без единого слова.

Тело болталось и крутилось в такт корабельной качке, обреченное оставаться здесь до темноты, в то время как Хорнблауэр, бледный, измученный, занялся поисками каботажного судна из Бриксема в Дублин, чтобы довершить свою половину сделки. Однако его намерению не суждено было исполниться, а мертвецу – провисеть до положенного срока. Ветер сменился на северный, явно собираясь стихнуть. Западный ветер заперал французскую эскадру в Бресте;

северный мог выпустить ее оттуда, и Ла-Маншской эскадре следовало поторопиться на свой пост. С флагмана полетели сигналы. «На шпигеле стоять! – заревели боцманматы на двадцати четырех кораблях. – Все наверх паруса ставить!»

Под взятыми в два рифа марсельями корабли выстроились в линию и двинулись через Ла-Манш. На «Славе» прозвучал еще один приказ: «Мистер Хорнблауэр, распорядитесь, чтобы *это* убрали». Пока матросы вращали шпигель, труп спустили с рея и зашили в парусину вместе с пушечным ядром. В виду мыса Берри-Хед он был отправлен за борт без всяких молитв и церемоний. Маккул умер как жалкий преступник, как жалкий преступник и похоронен. И, лавируя в крутой бейдевинд, большие корабли потянулись к своим постам среди скал и течений побережья Бретани. А на борту «Славы» по крайней мере один несчастный лейтенант мучился кошмарными воспоминаниями. В крошечной каюте, которую он делил со Смитом, пребывало нечто, не позволявшее забыть то утро: сундук красного дерева с рельефной надписью «Б. И. Маккул» на крышке. И в бюваре лежало письмо с бредовым стихотворением. Ни то ни другое Хорнблауэр не мог отправить вдове, пока «Слава» не вернется к берегам Англии. Невозможность сдержать слово злила его, вид сундука под койкой нервировал. Лишняя вещь в тесной каюте раздражала Смита.

Хорнблауэр не мог выбросить Маккула из головы; утомительная монотонность блокадной службы не давала иной пищи для ума. Пришла весна, погода стала мягче. Открыв как-то бювар, из которого опять глянуло письмо, Хорнблауэр испытал знакомый приступ беспокойства. Он перевернул страничку; в полутьме тесной каюты нежные слова прощания почти не читались. Странное стихотворение он знал почти наизусть и все же уставился на него вновь, хотя попытка проникнуть в мысли, записанные отважным человеком накануне казни, представлялась почти кощунством. «Поднять и круто повернуть». Что? Какое чувство могло внушить это требование? «К стрелке часовой, спешащей...» Какая «Управа»? Что тут делать небесному сонму?

Внезапно Хорнблауэра поразила необычная мысль. Трогательное прощальное письмо написано без единой помарки, но стихотворение... Хорнблауэр помнил исчерканные, разорванные странички. А вот и оно, старательно и заботливо перебеленное. Безумец, человек в состоянии аффекта, наверное, мог потратить столько усилий, чтобы создать нечто столь бессмысленное; однако он не написал бы такое письмо. Что, если... Вместо того чтобы растянуться на койке, Хорнблауэр сел. «Им унизь». Не было разумного объяснения, почему Маккул написал «им» вместо «их». Он производил впечатление человека образованного. Что, если это шифр? Но при чем тогда сундук? Почему Маккул просил обязательно доставить сундук с не очень ценной одеждой? Там два детских портрета, однако их легко было вложить в конверт с письмом. Сундук красного дерева, с резной крышкой, конечно, недурной предмет обстановки; но все это очень странно.

Не выпуская письма, Хорнблауэр прыгнул с койки и выволок сундук. «Б. И. МАККУЛ». Барри Игнациус Маккул. Пейн тщательно проверил все, что там было. Хорнблауэр отпер сундук, еще раз заглянул внутрь, но не увидел ничего интересного, поэтому опустил крышку и повернул ключ. «Б. И. Маккул». Тайник! Весь дрожа, Хорнблауэр вновь поднял крышку, выбросил одежду и проверил дно и стенки ящика. Сразу же стало ясно, что если тайник и есть, то разве что микроскопический. Крышка с виду толстая и тяжелая, но ничего подозрительного в ней как будто нет. Хорнблауэр опустил ее и попробовал вдавить или сдвинуть выступающие буквы. Никакого результата.

Он уже собирался запихать вещи на место, когда его осенила новая идея. «Б поднять!» Судорожно вцепившись в букву «Б», Хорнблауэр нажал ее, попытался повернуть. «Б поднять». Он ухватил вертикальную черту большим и средним пальцем, сжал крепко и потянул вверх, почти готовый бросить всю затею. И тут буква, чуть скрипнув, вытянулась вверх на полдюйма.

Хорнблауэр снова открыл ящик – никакой разницы. Что же он за дурак! «И круто повернуть». Большой и указательный палец на «И». В одну сторону, в другую – «И» повернулось!

Пока никакого результата. Снова заглянул в листок. «В град бессердечный утекает жизнь». Кажется, отсюда ничего не извлечешь. «Ликут злые силы». Тоже нет. Да вот же: «им унизь». Это же «и М»! Хорнблауэр положил руку на «М» в «Маккул» и резко нажал. Буква погрузилась в дерево. «А вверх вздымайся» – он вытянул вверх «А». «К стрелке часовой, спешащей...» – под нажимом первое «К» повернулось по часовой стрелке, второе против. «Управа» – «У» вправо. «У» сдвинулось вправо. Оставалось только «Л». Хорнблауэр бросил взгляд на стих. «Будет адский огонь пылать, когда главу поднимет элемент» – «эль!». Он зацепил «Л» за верхушку, потянул, буква поднялась из крышки, словно встала на ноги, и в тот же миг внутри что-то отчетливо щелкнуло. Больше ничего не произошло.

Хорнблауэр осторожно взялся за крышку и приподнял ее. Открылась только верхняя часть; нижняя половина осталась как была, и в пустом промежутке между ними обнаружилось несколько плотно уложенных пакетов. В первом Хорнблауэр с изумлением увидел толстую пачку пятифунтовых банкнот – огромную сумму. То же и во втором. Вполне достаточно, чтобы финансировать новое восстание. В третьем конверте сверху лежал перечень имен с краткими примечаниями. Не нужно было прочитывать его до конца, чтобы сообразить: здесь все сведения для руководителей будущего мятежа. Был также текст прокламации. «Ирландцы!» – начинался он.

Хорнблауэр сел на койку и попытался думать, взлетая и опускаясь вместе с кораблем. Эти деньги могут обеспечить ему богатую жизнь. Эти сведения, переданные правительству, зададут работу всем палачам Ирландии. Он аккуратно сложил все обратно, закрыл крышку и, чтобы оттянуть решение, принялся изучать механизм секретного замка. Ничего не произойдет, если не проделать все движения последовательно. «И» не повернешь, если сначала не поднять «Б», и так далее. Практически невероятно, чтобы кто-нибудь без подсказки достаточно сильно потянул «Б» или вообще заметил, что крышка сборная. И тем не менее, если он объявит о своем открытии, над Пейном станет потешаться весь флот – ведь тот обыскал вещи Маккула и ничего не нашел.

Хорнблауэр затолкал сундук обратно под койку на случай, если войдет Смит, и попытался разобраться, что же он такое узнал. Маккул не лгал в последнем письме. «Верный и в смерти». Последней мыслью осужденного было дело, за которое он умирал. Если бы западный ветер продержался еще пару часов, сундук сейчас был бы в Дублине. С другой стороны, открытие сулило благодарность в приказе, награду, внимание начальства – что и нужно младшему лейтенанту без связей на пути к капитанскому званию. А палачам в Ирландии предстоит работа. Хорнблауэр вспомнил, как умирал Маккул, и его снова затошнило. В Ирландии сейчас тихо. Победы при Сан-Висенти, Абукире и Кампердауне избавили Англию от непосредственной опасности. Она может позволить себе быть великодушной. Он может позволить себе быть великодушным. А деньги?

Когда потом Хорнблауэр мысленно возвращался к этому событию, он цинично объяснял свое решение тем, что банковские билеты вещь коварная, они нумерованы, их легко проследить, а деньги в сундуке вполне могли оказаться фальшивками французского производства. Подлинные же его мотивы были столь смутны и запутанны, что он их стыдился и потому не желал признавать. Он хотел забыть о Маккуле, хотел, чтобы вся эта история осталась в прошлом.

Решение стоило ему многочасового вышагивания по палубе и нескольких бессонных ночей. В конце концов, собравшись с мыслями, Хорнблауэр тщательно все подготовил и, когда настало время, действовал без колебаний. Он стоял первую вахту, вечер был спокойный, и «Слава» под малыми парусами скользила по темной воде на пределе видимости от других кораблей эскадры. Смит в кают-компании играл в карты с врачом и казначеем. Хорнблауэр

отправил двух самых тупых вахтенных матросов за сундуком, заранее обернутым парусиной. Сундук сильно потяжелел, потому что под одеждой в нем скрывались два двадцатичетырехфунтовых ядра. Хорнблауэр велел матросам поставить ношу в шпигат, а когда после четырех склянок «Слава» меняла галс, сумел одним рывком выбросить сундук за борт. За шумом поворота всплеск прошел незамеченным.

Однако оставалось письмо. Оно лежало в бюваре и постоянно мучило Хорнблауэра. Эти нежные строки, эти страстные прощания; ужасно, что вдова Маккул лишена утешения видеть их, перечитывать и бережно хранить. Но... но... когда «Слава» стояла в устье реки Теймар, готовясь к походу в Вест-Индию, Хорнблауэр оказался за обедом бок о бок с Пейном. Несложно было направить беседу в нужную сторону.

– Кстати, – спросил Хорнблауэр с хорошо наигранной небрежностью, – у Маккула осталась вдова?

– Вдова? Нет. Еще там, в Париже, он впутался в громкий скандал из-за Ла Гитаниты, танцорки. А вдовы никакой нет.

– О, – сказал Хорнблауэр.

Итак, прощальное письмо, как и стих, было художественным вымыслом. Да, жильцы некоего дома в Дублине порадовались бы и посылке, и письму «вдове Маккул». Досадно, что он столько думал об этой вдове, зато письмо теперь можно было спокойно отправить вслед за сундуком.

И Пейн не стал посмешищем флота.

Лейтенант Хорнблауэр (Роман)

I

Лейтенант Уильям Буш прибыл на борт корабля его величества «Слава», когда тот стоял на якоре в устье реки Теймар, неподалеку от Плимута. Он доложился вахтенному офицеру – высокому и довольно нескладному молодому человеку со впалыми щеками и меланхолическим выражением лица. Мундир на нем сидел так, словно он оделся в темноте и больше об этом не вспоминал.

– Рад видеть вас на борту, сэр, – сказал вахтенный. – Меня зовут Хорнблауэр. Капитан на берегу. Первый лейтенант десять минут назад ушел с боцманом на бак.

– Спасибо, – ответил Буш.

Он внимательно огляделся, примечая, как ведутся бесчисленные работы для подготовки корабля к долгому плаванию в отдаленных морях.

– Эй, вы! На сей-талях! Помалу! Помалу! – кричал Хорнблауэр через плечо Буша. – Мистер Хоббс! Следите, что делают ваши люди!

– Есть, сэр, – последовал унылый ответ.

– Мистер Хоббс! Пройдите сюда!

Жирный мужчина с толстой седой косичкой вразвалку приблизился к стоящим на шкафуте Хорнблауэру и Бушу. Яркий свет слепил ему глаза, и он заморгал, глядя на Хорнблауэра; солнце осветило седую щетину на многочисленных подбородках.

– Мистер Хоббс! – Хорнблауэр говорил тихо, но прозвучавший в его словах напор удивил Буша. – Порох нужно загрузить дотемна, и вы об этом знаете. Так что не отвечайте на приказы подобным тоном. В следующий раз отвечайте бодро. Как вы заставите матросов работать, если сами скулите? Идите на бак и не забудьте, что я сказал.

Говоря, Хорнблауэр немного наклонился вперед. Сцепленные за спиной руки, вероятно, служили противовесом выставленному вперед подбородку, но в целом небрежная поза не соответствовала яростному напору его слов. При этом говорил он так тихо, что никто, кроме них троих, ничего не слышал.

– Есть, сэр, – сказал Хоббс, поворачиваясь, чтобы идти на бак.

Буш отметил про себя, что этот Хорнблауэр – горячая голова. Тут он встретился с ним взглядом и с изумлением увидел, как меланхолический глаз легонько ему подмигивает. Внутренним чутьем он понял, что свирепый молодой лейтенант совсем не так свиреп, а жар, с которым он говорил, – напускной, почти как если бы Хорнблауэр практиковался в иностранном языке.

– Только позволь им скулить, и они совсем разболтаются, – объяснил Хорнблауэр. – А Хоббс еще хуже других. Исполняющий обязанности артиллериста, причем очень плохой. Вконец обленился.

Двоедушие молодого лейтенанта покорило Буша. Человеку, который может напустить на себя притворный гнев и тут же легко его отбросить, доверять нельзя. Однако карий глаз щурился так заразительно, что честный голубой глаз Буша тоже подмигнул, почти помимо его воли. Буш почувствовал прилив неожиданной приязни к Хорнблауэру, но природная осторожность взяла верх над внезапным чувством. Впереди долгое плавание, и времени, чтобы составить взвешенное суждение, будет предостаточно. Пока Буш видел, что молодой офицер

пристально его разглядывает, явно намереваясь спросить – о чем, мог догадаться даже Буш. В следующую секунду оказалось, что он не ошибся.

– Когда вы были назначены? – спросил Хорнблауэр.

– В июле девяносто шестого, – сказал Буш.

– Спасибо.

Ровный тон Хорнблауэра ничего не сообщил Бушу, и тому пришлось в свою очередь спросить:

– А вы?

– В августе девяносто седьмого, – сказал Хорнблауэр. – Вы старше меня. И Смита тоже – у него январь девяносто седьмого.

– Так вы, значит, младший лейтенант.

– Да, – ответил Хорнблауэр.

Судя по голосу, он ничуть не огорчился, что новоприбывший оказался старше, однако Буш без труда угадывал его чувства. Буш сам недавно был младшим лейтенантом на линейном корабле и прекрасно знал, что это такое.

– Вы будете третьим, – продолжал Хорнблауэр. – Смит – четвертый, я – пятый.

– Я буду третьим? – задумчиво, как бы самому себе, сказал Буш.

Каждый лейтенант имеет право помечтать, даже если он, подобно Бушу, начисто лишен воображения. Возможность повышения существует хотя бы теоретически: от гусеницы-лейтенанта до бабочки-капитана, иногда даже минуя стадию куколки – капитан-лейтенанта. Без сомнения, лейтенантов иногда продвигают по службе; по большей части, естественно, тех, у кого есть друзья при дворе или в парламенте, или тех, кому повезло привлечь внимание адмирала как раз тогда, когда открылась вакансия. Большинство капитанов в капитанском списке обязаны своим возвышением тому или иному из этих обстоятельств. Но иногда лейтенанта повышали за боевые заслуги – вернее сказать, при удачном стечении благоприятных обстоятельств и боевых заслуг, а это, как известно, дело случая. Если корабль исключительно отличился в некой исторической операции, первый лейтенант мог продвигнуться в звании (как ни странно, это считалось комплиментом капитану). В случае же гибели капитана заменивший его лейтенант (старший из оставшихся в живых) иногда получал чин даже за небольшой успех. С другой стороны, лихая шлюпочная операция, блестящий успех наземного десанта могут привести к повышению командовавшего ими лейтенанта – старшего, разумеется. Честно говоря, шансы ничтожны, но все-таки они есть.

Однако даже эти малые шансы по большей части относятся к первому лейтенанту; для младшего они и того меньше. Так что лейтенант, мечтающий о капитанском чине с его почетом, неплохим жалованьем и призовыми деньгами, вскоре вновь мысленно возвращался к теме своего старшинства. Если «Слава» окажется в далеких краях, где адмирал не сможет назначать на нее лейтенантами своих любимчиков, то всего две жизни будут отделять Буша от места первого лейтенанта с вытекающими отсюда шансами на повышение. Естественно, он думал об этом. Столь же естественно, он не думал о том, что стоящего перед ним человека отделяют от этого положения четыре жизни.

– Впереди Вест-Индия, – философски заметил Хорнблауэр. – Желтая лихорадка. Малярия. Ядовитые змеи. Плохая вода. Тропическая жара. Сыпной тиф. И в десять раз больше шансов на боевые действия, чем в Ла-Маншском флоте.

– Верно, – признательно согласился Буш.

Оба молодых человека с их двумя-тремя годами лейтенантской выслуги (и свойственной молодости верой в свое бессмертие) могли с удовлетворением обсуждать опасности вест-индской службы.

– Капитан приближается, сэр, – торопливо доложил вахтенный мичман.

Хорнблауэр молниеносно поднес к глазу подзорную трубу и устремил ее на движущуюся к ним шлюпку.

– Совершенно верно, – сказал он. – Бегите на нос и доложите мистеру Бакленду. Боцманматы! Фалрепные! Поживей!

Капитан Сойер поднялся через входной порт, приложил руку к полям треуголки, приветствуя офицеров, и подозрительно огляделся. На корабле царил полный хаос, как всегда перед дальним плаванием, но это едва ли оправдывало косые быстрые взгляды, которые бросал по сторонам Сойер.

У капитана было крупное лицо и длинный крючковатый нос, которым он, стоя на шканцах, поводил из стороны в сторону. Сойер заметил Буша; тот подошел и доложил.

– Вы поднялись на борт в мое отсутствие, так ведь? – спросил Сойер.

– Да, сэр. – Буш несколько удивился.

– Кто сказал вам, что я на берегу?

– Никто, сэр.

– Тогда как вы догадались?

– Я не догадывался об этом, сэр. Я не знал, что вы на берегу, пока мне не сказал мистер Хорнблауэр.

– Мистер Хорнблауэр? Так вы знакомы?

– Нет, сэр. Я доложил ему по прибытии на борт.

– Значит, вы втайне от меня успели перекинуться несколькими словами с глазу на глаз?

– Нет, сэр.

Буш собирался было добавить «конечно нет», но смолчал. Пройдя суровую жизненную школу, Буш научился не произносить лишних слов в разговоре со старшим офицером, склонным к раздражительности, что старшим офицерам вообще свойственно. В данном случае раздражительность казалась еще более неоправданной, чем обычно.

– Извольте запомнить, я не позволю никому сговариваться у меня за спиной, мистер... э... Буш, – сказал капитан.

– Есть, сэр.

Буш встретил испытующий взгляд капитана со спокойствием ни в чем не повинного человека, но при этом изо всех сил постарался скрыть изумление, а так как актер он был никудышный, борьба эта отразилась на его лице.

– Ваша вина написана у вас на физиономии, мистер Буш, – сказал капитан. – Я это запомню.

Он повернулся и пошел вниз, а Буш, стоявший до того навтыжку, расслабился и обернулся к Хорнблауэру, чтобы выразить свое изумление. Ему очень хотелось порасспросить о необычном поведении капитана, но слова застряли у него в горле при виде деревянного, ничего не выражающего лица молодого офицера. Буш отвернулся, удивленный и немного обиженный. Он уже готов был записать Хорнблауэра в капитанские прихлебатели – или вместе с капитаном в безумцы, – когда краем глаза увидел, что голова Сойера вновь появилась над палубой. Видимо, у основания трапа тот решил вернуться, чтобы захватить врасплох обсуждающих его офицеров, – и Хорнблауэр знал привычки своего капитана лучше, чем Буш. Последний усилием воли заставил себя выглядеть естественно.

– Можно мне попросить у вас матросов, чтобы отнести вниз мой рундук? – спросил он, надеясь, что слова его не покажутся капитану такими вымученными, какими они прозвучали в его собственных ушах.

– Конечно, мистер Буш, – отвечал Хорнблауэр совершенно официально. – Позаботьтесь об этом, пожалуйста, мистер Джеймс.

– Ха! – фыркнул капитан, снова сбега по трапу.

Хорнблауэр, глядя в сторону Буша, слегка приподнял бровь, но то был единственный знак, что поведение капитана несколько необычно. Буш, спускаясь за своим рундуком в каюту, с отчаянием осознал, что на корабле никто не решается открыто высказывать собственное мнение. Но «Слава» среди свиста и сутолоки готовилась к выходу в море, и Буш был на борту, по закону – один из ее офицеров. Оставалось лишь философски покориться судьбе. Придется пережить это плавание, если одна из тех причин, которые Хорнблауэр перечислил в первом разговоре, не избавит его от дальнейших хлопот.

II

«Слава» лавировала к зюйду под зарифленными марселями. Западный ветер кренил ее набок. Она шла в те широты, где ее подхватит северо-восточный пассат и понесет прямо к Вест-Индии. Ветер пел в туго натянутом такелаже, ревел в ушах балансирующего на палубе с правой стороны шканцев Буша. Один за другим огромные серые валы набегали на судно; сначала волну встречал правый борт, медленно поднимался, устремляя в небо бушприт, но не успевал закончиться килевой крен, как начинался бортовой. Корабль медленно-медленно наклонялся вбок, бушприт вставал все круче и круче. Бортовой крен еще продолжался, а нос уже соскальзывал с дальнего края волны, вспенивая воду; бушприт начинал двигаться по дуге вниз, и корабль тяжеловесно возвращался в горизонтальное положение. Тут ветер наклонял его, и тотчас же волна, уходя, поднимала корму, нос опускался, завершая штопор с тяжелым достоинством, какого и следует ожидать от громадного сооружения, несущего на палубах пятисот тонн артиллерии. Крен на корму, на борт, подъем, крен на другой борт; это было чудесно, ритмично, это завораживало. Буш балансировал на палубе с легкостью, какую дает десятилетний опыт, и был бы почти счастлив, если бы крепчающий ветер не нес с собой необходимость взять еще один риф. По действующему на корабле постоянному приказу-инструкции это означало, что следует поставить в известность капитана.

Однако впереди оставались несколько благословенных секунд, пока можно стоять на качающейся палубе, предаваясь вольному полету мыслей. Не то чтобы Буш находил необходимость в размышлениях – он бы только улыбнулся, скажи ему кто-нибудь такое. Однако последние три дня пронесли в сплошном круговороте, с того момента, как пришел письменный приказ, получив который Буш сразу простился с сестрами и матерью (он провел с ними три недели после того, как «Завоеватель» списал команду на берег) и поспешил в Плимут, подсчитывая по дороге оставшиеся в кармане деньги: точно ли хватит заплатить за почтовую карету. На «Славе», готовящейся к отплытию в Вест-Индию, царила спешка, и в прошедшие тридцать часов Буш не успел не то что поспать, а даже присесть. Первый раз ему удалось нормально отдохнуть ночью, когда «Слава» уже лавировала через залив. Но с самого прибытия на судно он был озабочен фантастическими настроениями капитана – то безумно подозрительного, то по-глупому беспечного. Буш никогда не был чувствителен к моральному климату – человек стойкий, он философски относился к необходимости исполнять свой долг в тяжелейших морских условиях, – однако подспудно ощущал напряженность и страх, пронизывающие жизнь «Славы». Он испытывал смутные недовольство и беспокойство, не зная, что это свойственные ему формы напряженности и страха. За три дня в море Буш почти ничего не узнал о товарищах; он предполагал, что Бакленд – первый лейтенант – знает свое дело и уверен в себе, что второй лейтенант Робертс добр и беспечен; Хорнблауэр казался сообразительным и бойким, Смит – немного нерешительным. Но все это были только догадки. Все в кают-компании – лейтенанты, штурман, врач и баталер – держались замкнуто. В каком-то смысле Буш такое одобрял – он и сам не любил лишней болтовни, но в данном случае доходило до того, что разговоры ограничивались несколькими словами, и то строго по делу. Многое о корабле и его команде Буш быстро узнал бы, если бы другие офицеры решили поделиться своими наблюдениями за проведенный на «Славе» год. Однако, за исключением Хорнблауэра, подавшего ему один-единственный намек в день прибытия, никто не проронил ни слова. Будь у Буша романтическое настроение, он представил бы себя призраком в обществе других призраков, отрезанных от людей и друг от друга, с неведомой целью бороздящих бескрайние моря. Как он догадывался, скрытность офицеров проистекала от странных настроений капитана. Это вернуло его мысли к тому, что ветер все усиливается и нужен второй риф. Он прислушался к пению такелажа, почувствовал наклон палубы под ногами и грустно тряхнул головой. Ничего не поделаешь.

– Мистер Уэллард, – сказал Буш стоявшему рядом волонтеру, – доложите капитану, я думаю, нужен второй риф.

– Есть, сэр.

Через несколько секунд Уэллард снова появился на палубе:

– Капитан поднимется сам, сэр.

– Очень хорошо, – ответил Буш.

Произнося эти ничего не значащие слова, он не смотрел волонтеру в глаза – не хотел, чтобы Уэллард видел, как он воспринял эту новость, и не хотел знать, что выражает лицо Уэлларда. Вот появился капитан. Его спутанные длинные волосы развевались на ветру, крючковатый нос, по обыкновению, двигался из стороны в сторону.

– Вы хотите взять еще риф, мистер Буш?

– Да, сэр, – сказал Буш, ожидая язвительного замечания.

К его приятному удивлению, замечания не последовало. Капитан казался почти добродушным.

– Очень хорошо, мистер Буш. Свистать всех наверх!

По всей палубе засвистели дудки.

– Все наверх! Все наверх брать рифы на марселях! Все наверх!

Матросы выбегали на палубу; команда «Свистать всех наверх!» заставила офицеров покинуть кают-компанию и мичманскую каюту. С расписанием постов в карманах они спешили убедиться, что недавно реорганизованная команда заняла свои места. В шуме ветра слышались приказы капитана. Матросы встали к фалам и риф-талям. Корабль качался в сером море под серым небом, и неморяк удивился бы, как в такую погоду вообще можно устоять на палубе, не то что карабкаться по вантам. В самый разгар маневра капитанский приказ прервал юный, срывающийся от волнения голос:

– Стой! Стой выбирать!

В голосе звучала такая убежденность, что матросы послушно остановились. Капитан закричал с полуюта:

– Кто отменяет мой приказ?

– Я, сэр. Уэллард.

Молодой волонтер повернулся к корме и громко кричал, чтобы его было слышно против ветра. Со своего места Буш видел, как капитан подошел к леерному ограждению полуюта. Его трясло от гнева, нос указывал вперед, словно ища жертву.

– Вы об этом пожалеете, мистер Уэллард. О да, вы пожалеете.

Рядом с Уэллардом появился Хорнблауэр. С самого отплытия из Плимутской бухты он был зелен от морской болезни.

– Риф-сезень зацепился за блок риф-талей, сэр, с наветренной стороны, – крикнул он.

Буш, отойдя немного, увидел, что так оно и есть. Если бы матросы продолжали тянуть за трос, порвался бы парус.

– Как вы смеее вставать между мной и ослушником! – закричал капитан. – Бессмысленно его выгораживать!

– Здесь мой пост, сэр, – отвечал Хорнблауэр. – Мистер Уэллард исполнял свой долг.

– Заговор! – произнес капитан. – Вы с ним стакнулись!

В ответ на это невероятное обвинение Хорнблауэр только застыл навтыжку, обратив к капитану бледное лицо.

– Отправляйтесь вниз, мистер Уэллард! – заревел капитан, поняв, что ответа не последует. – И вы тоже, мистер Хорнблауэр. Я разберусь с вами через несколько минут. Слышите меня? Вниз! Я вас научу, как строить козни!

Нельзя не подчиниться приказу. Хорнблауэр и Уэллард медленно двинулись к корме. Было заметно, что Хорнблауэр не смотрит в сторону мичмана, чтоб нечаянно не обменяться с

ним взглядом и не навлечь на себя новое обвинение в сговоре. Под пристальным наблюдением капитана оба двинулись вниз. Когда они сошли по трапу, капитан вновь поднял свой большой нос.

– Пошлите матроса освободить риф-галь, – приказал он, повысив голос лишь настолько, чтобы перекрыть ветер. – Выбирай!

Второй риф на марселях был взят, и матросы начали слезать с реев. Капитан совершенно спокойно стоял у ограждения полукота.

– Ветер отходит, – сказал он Бакленду. – Эй, наверху, пошлите матроса прижать стень-фордуны к обечайке. Команду к брасам с наветренной стороны! Ютовая команда! Нажать на грота-брас с наветренной стороны! Дружней нажимай, ребята! Хорошо, фока-рей! Хорошо, грота-рей! Ни дюйма больше!

Приказы отдавались разумно и здраво. Вскоре матросы уже стояли в ожидании, когда отпустят подвахтенных.

– Боцманмат! Передайте мои приветствия мистеру Ломаксу и скажите, что я желал бы видеть его на палубе.

Мистер Ломакс был баталером. Офицеры на шканцах невольно обменялись взглядами: невозможно было вообразить, зачем он понадобился на палубе.

– Вы посылали за мной, сэр? – спросил запыхавшийся Ломакс, поднимаясь на шканцы.

– Да, мистер Ломакс. Матросы выбирали грота-брас с наветренной стороны.

– Да, сэр.

– Теперь мы хотим наложить на него сплесень.

– Что, сэр?

– Что слышали. Мы собираемся наложить сплесень на грота-брас⁴¹. Каждому матросу по глоточку рома. Да, и каждому юнге.

– Что, сэр?

– Что слышали. Я сказал, по глоточку рома. Я что, должен повторять свои приказы дважды? Каждому матросу по глоточку рома. Даю вам пять минут, мистер Ломакс, и ни секундой больше.

Капитан вынул часы и выразительно на них посмотрел.

– Есть, сэр, – ответил Ломакс.

Ничего другого он сказать не мог. Однако секунду или две он стоял, глядя то на капитана, то на часы, пока длинный нос не поднялся в его сторону, а кустистые брови не начали сходиться. Тогда он повернулся и побежал: пяти минут, отведенных на исполнение невероятного приказа, ему едва хватало на то, чтобы собрать свою команду, отпереть кладовую, где хранилось спиртное, и вынести ром. Разговор между капитаном и баталером вряд ли могли слышать больше пяти-шести матросов, но наблюдали его все и теперь переглядывались, не веря своему счастью. На некоторых лицах появились ухмылки, которые Бушу страстно хотелось стереть.

– Боцманмат! Бегите и скажите мистеру Ломаксу, что две минуты прошли. Мистер Бакленд! Попрошу вас собрать матросов!

Матросы столпились на шкафуте. Быть может, у Буша разыгралось воображение, но ему показалось, что они ведут себя расхлябанно. Капитан подошел к ограждению шканцев. Его лицо лучилось улыбкой, так непохожей на прежний оскал.

– Я знаю, где искать верность, ребята! – крикнул он. – Я видел ее. Я вижу ее сейчас. Я вижу ваши верные сердца. Я вижу ваш неустанный труд. Я вижу его, как вижу все, что творится на корабле. Все, я сказал. Предатели понесут наказание, а верность будет вознаграждена. Ура, ребята!

⁴¹ Наложить сплесень на грота-брас – на морском жаргоне означает выдать матросам по чарке рома.

Матросы крикнули «ура!», кто неохотно, кто с излишним воодушевлением. Из грота-люка появился Ломакс, за ним – четверо матросов, каждый с двухгаллонным бочонком в руках.

– Еле-еле успели, мистер Ломакс. Если бы вы опоздали, вам пришлось бы очень сильно пожалеть. Смотрите, чтобы при раздаче не случилось несправедливости, как на других кораблях. Мистер Бут! Идите сюда.

Толстый коротконогий боцман засеменил к нему.

– Надеюсь, ваша трость при вас?

– Да, сэр.

Бут продемонстрировал длинную, оправленную серебром трость из ротанговой пальмы. Через каждые два дюйма на дереве шли толстые узловатые сочленения. Все лентяи в команде знали эту трость, да и не только лентяи – в пылу возбуждения Бут имел обыкновение лупить ею направо и налево без разбору.

– Выберите двух самых крепких ваших помощников. Правосудие должно свершиться.

Теперь капитан не лучился и не скалился. На его крупных губах играла усмешка, но она ничего не означала и не отражалась в его глазах.

– За мной, – сказал капитан Буту и его помощникам.

С этим он покинул палубу, оставив Буша уныло созерцать нарушение привычного корабельного распорядка и дисциплины, вызванное странным капризом капитана.

После того как ром был роздан и выпит, Буш смог отпустить подвахтенных и заняться тем, чтобы вновь заставить вахтенных работать, горькими словами ругая их за леность и безразличие. Он не испытывал никакого удовольствия, стоя на качающейся палубе, наблюдая движение корабля и бегущие атлантические валы, следя за поворотом парусов и рулевым у штурвала. Буш так и не осознал, что в этих повседневных делах можно находить удовольствие, но он чувствовал: что-то ушло из его жизни.

Бут и его помощники вернулись на бак, вот на шканцах появился Уэллард.

– Явился в наряд, сэр, – сказал он.

Лицо мальчика было белым и напряженным. Буш, пристально разглядывая, заметил, что глаза его чуть влажноваты. Шел Уэллард прямо и не сгибался. Возможно, гордость заставила его расправить плечи и поднять подбородок, но была и другая причина, по которой он не сгибал ноги в бедре.

– Очень хорошо, мистер Уэллард, – сказал Буш.

Он вспомнил узлы на трости Бута. Он часто видел несправедливость. Не только мальчиков, но и взрослых мужчин иногда били незаслуженно. Когда такое случалось, Буш мудро кивал: он считал, что встреча с несправедливостью жестокого мира необходимо входит в воспитание каждого. Взрослые мужчины переглядывались с улыбкой, когда мальчишек порол. Они твердо знали, что это пойдет на пользу обеим сторонам; мальчиков били с начала времен, и, если когда-нибудь, невероятным образом, мальчиков перестанут бить, мир станет хуже. Все так, и тем не менее Буш жалел Уэлларда. К счастью, надо было сделать одно дело, подходящее для настроя и состояния юного волонтера.

– Надо сверить песочные часы, мистер Уэллард, – сказал Буш, кивая в сторону нактоуза. – Как только в семь склянок перевернут получасовые часы, проверьте их минутными.

– Есть, сэр.

– Отмечайте каждую минуту на доске, если не хотите сбиться со счета, – добавил Буш.

– Есть, сэр.

Смотреть, как бежит песок в минутных склянках, быстро их переворачивать, отмечать на доске и снова смотреть – занятие поможет Уэлларду отвлечься от своих неприятностей, не требуя в то же время физических усилий. Буш сомневался в получасовых склянках, и проверить их будет невредно. Уэллард, не сгибая ног, подошел к нактоузу и начал готовиться к наблюдениям.

Поводя носом из стороны в сторону, на палубе появился капитан. Настроение его снова изменилось: беспокойная суетливость улетучилась, он выглядел как человек, который хорошо пообедал. В соответствии с требованиями этикета Буш при его появлении отошел на подветренную сторону шканцев, и капитан начал медленно прохаживаться с наветренной стороны, по многолетней привычке приноравливая шаг к бортовой и килевой качке. Уэллард взглянул на него и всецело погрузился в работу: только что пробили семь склянок и перевернули получасовые часы. Некоторое время капитан прохаживался взад-вперед. Остановившись, он изучил состояние атмосферы с наветренной стороны, почувствовал щекой ветер, внимательно посмотрел на колдунчик и вверх на марсели, убедился, что реи обрасоплены правильно, подошел к нактоузу, проверил, как рулевой держит курс. Все это было совершенно нормально, любой капитан любого корабля вел бы себя на палубе точно так же. Уэллард знал, что капитан близко, и старался не выдавать беспокойства; он перевернул минутные склянки и сделал на доске пометку.

– Мистер Уэллард работает? – спросил капитан.

Говорил он сбивчиво и невразумительно, совсем не тем озабоченным тоном, что за несколько минут до того.

Уэллард, смотревший на склянки, ответил не сразу. Буш догадывался, что он придумывает самый безопасный и в то же время точный ответ.

– Так точно, сэр.

На флоте никогда сильно не ошибешься, отвечая так старшему.

– Так точно, сэр, – передразнил капитан. – Мистер Уэллард понял, что значит интриговать против капитана, против своего законного начальника, поставленного над ним его всемиловейшим величеством, королем Георгом Вторым?

На это было не так-то просто ответить. В склянках бежали последние песчинки, и Уэллард ждал, пока они пересыплются; «да» и «нет» могли оказаться равно роковыми.

– Мистер Уэллард невесел, – говорил капитан. – Быть может, мистер Уэллард размышляет о том, что ждет его впереди. «На реках Вавилонских мы сидели и плакали». Но мистер Уэллард горд и не плачет. И сидеть он тоже не будет. Нет, он постарается не садиться. Постыдная часть его тела расплатилась за его постыдное поведение. Взрослых мужчин за их вину бьют кошками по спине, но мальчишек, гадких испорченных мальчишек, наказывают иначе. Так ведь, мистер Уэллард?

– Да, сэр, – пробормотал несчастный. Ничего другого он сказать не мог, а отвечать было надо.

– Для такого случая как раз годится трость мистера Бута. Она знает свое дело. Согнутый над пушкой злоумышленник может поразмыслить о своих деяниях.

Уэллард перевернул склянки, а капитан, видимо удовлетворившись, к огромному облегчению Буша, пару раз прошелся по палубе. Однако, проходя мимо Уэлларда, капитан остановился на полушаге и снова заговорил; теперь голос его стал пронзительным.

– Так вы вступили в сговор против меня? – спросил он. – Вы хотели выставить меня на посмешище перед матросами?

– Нет, сэр. – Уэллард встревожился. – Нет, сэр, конечно нет, сэр.

– Вы и этот щенок Хорнблауэр. Мистер Хорнблауэр. Вы замыслили принизить мою законную власть.

– Нет, сэр!

– Только матросы верны мне на этом корабле, где все остальные сговорились против меня. И вы коварно искали способ уменьшить мое влияние на них. Выставить меня смешным в их глазах. Сознайтесь!

– Нет, сэр. Я этого не делал, сэр.

– Зачем отрицать? Все ясно, все логично. Кто придумал зацепить риф-сезень за блок риф-талей?

– Никто, сэр. Он...

– Кто отменил мой приказ? Кто опозорил меня перед обеими вахтами, когда все матросы были на палубе? По всем признакам детально продуманный план.

Капитан стоял, сцепив за спиной руки и легко балансируя на палубе. Ветер хлопал полами его сюртука и отдувал волосы на щеки, но Буш видел, что капитан трясется от гнева, если не от страха. Уэллард вновь перевернул минутные склянки и сделал пометку на доске.

– Так вы потому прячете лицо, что на нем написана ваша вина! – неожиданно заорал капитан. – Вы делаете вид, будто заняты, думаете меня обмануть! Лицемер!

– Я приказал мистеру Уэлларду сверить часы, сэр, – сказал Буш.

Ему не хотелось вмешиваться, но вмешаться было все-таки легче, чем просто стоять и слушать. Капитан посмотрел на него так, словно впервые увидел:

– Вы, мистер Буш? Вы прискорбно заблуждаетесь, если полагаете, что в этом молодом человеке есть хоть капля хорошего. Разве что... – лицо капитана на мгновение исказил страх, – разве что вы сами замешаны в этом позорном деле. Но ведь это не так, мистер Буш? Я всегда был о вас лучшего мнения, мистер Буш.

Испуганное выражение сменилось чарующим благодушием.

– Да, сэр, – ответил Буш.

– Весь мир ополчился против меня, но я всегда полагался на вас, мистер Буш, – продолжал капитан, бросая беспокойные взгляды из-под бровей. – Так что вы должны радоваться, когда это дьявольское отродье получает по заслугам. Мы добьемся от него правды.

Буш чувствовал: быстрый на язык сообразительный человек мог бы использовать новое настроение капитана, чтобы вызволить Уэлларда из беды, – разыграть верного друга, высмеять в то же время мысль о заговоре, успокоить страхи капитана. Так он чувствовал, но не полагался на себя.

– Он ничего не знал, сэр, – сказал Буш, выдавив ухмылку. – Он не отличит гик от ватерштага.

– Вы так думаете? – с сомнением произнес капитан, качаясь на каблуках вместе с кренящимся судном. Казалось, он поверил, но тут ему в голову пришли новые соображения. – Нет, мистер Буш. Вы слишком честны. Я это понял, как только вас увидел. Вы не знаете, в какую пучину зла может погрузиться человек. Этот негодяй вас обманул. Обманул вас!

Голос капитана перешел в хриплый визг. Уэллард повернул к Бушу побелевшее, искаженное от страха лицо.

– Право, сэр... – начал Буш, снова выдавливая ухмылку, похожую на оскал черепа.

– Нет, нет, нет! – орал капитан. – Правосудие должно совершиться! Правда должна выйти на свет! Я ее от него добыю! Старшина-рулевой! Бегите на нос и скажите мистеру Буту идти сюда. И его помощникам.

Капитан заходил по палубе, как если бы открыл выпускной клапан, сбрасывая лишнее давление. Неожиданно он обернулся:

– Я от него добыю! Или он за борт выпрыгнет! Вы меня слышите? Где боцман?

– Мистер Уэллард не закончил проверять часы, сэр. – Буш предпринял последнюю слабую попытку оттянуть дело.

– И не закончит, – сказал капитан.

Вот и боцман семенит короткими ногами, за ним два помощника.

– Мистер Бут! – сказал капитан. Его настроение опять изменилось, на губах играла невеселая улыбка. – Возьмите этого негодяя. Справедливость требует, чтобы вы снова занялись им. Еще дюжина ударов тростью, да как следует. Еще дюжина, и он запоем как миленький.

– Есть, сэр, – ответил боцман, но он колебался.

Это походило на живую картину: капитан в хлопающем сюртуке, боцман просительно глядит на Буша, дородные боцманматы стоят за ним, словно истуканы; рулевой, внешне безразличный ко всему, держит штурвал, глядя на марсели; несчастный мальчик сжался возле нактоуза – все это под серым небом, а кругом, до горизонта, безжалостное серое море.

– Отведите его на главную палубу, мистер Бут, – сказал капитан.

Это было неизбежно; за словами капитана стояла власть парламента и освященная веками традиция. Поделаться ничего было нельзя.

Уэллард положил руки на нактоуз, словно собирался вцепиться в него и держать, пока его не уташат силой. Однако он опустил руки по швам и последовал за боцманом. Капитан, улыбаясь, проводил его взглядом.

Буш был рад, когда его отвлек старшина-рулевой, доложивший:

– Десять минут до восьми склянок, сэр.

– Очень хорошо. Будите подвахтенных.

Хорнблауэр появился на шканцах и подошел к Бушу.

– Не вы должны меня сменять, – сказал тот.

– Нет, я. Приказ капитана.

Хорнблауэр говорил без всякого выражения. Буш уже привык, что офицеры на корабле держатся скрытно, и знал, по какой причине. Однако любопытство заставило еще спросить:

– Почему?

– Мне назначено двухвахтное дежурство, – бесстрастно ответил Хорнблауэр. – До дальнейших распоряжений.

Говоря, он смотрел на горизонт, лицо его не выражало никаких чувств.

– Плохо дело, – сказал Буш и тут же засомневался: не слишком ли далеко зашел, выразив таким образом сочувствие. Однако поблизости никого не было.

– В кают-компании не давать мне спиртного, – продолжал Хорнблауэр, – до дальнейших распоряжений. Ни моего, ни чьего-либо еще.

Для некоторых офицеров то было наказание похлеще двухвахтного дежурства – четыре часа на посту и четыре часа отдыха, – но Буш слишком мало знал о привычках Хорнблауэра, чтобы судить, так ли это в его случае. Он собирался еще раз сказать «плохо дело», когда завывания ветра прорезал дикий вопль. Через мгновение он повторился громче. Хорнблауэр, не меняясь в лице, смотрел на горизонт. Буш, глядя на него, решил не обращать внимания на крики.

– Плохо дело, – сказал он.

– Могло быть хуже, – ответил Хорнблауэр.

III

Было воскресное утро. «Слава», подхватив северо-восточный пассат, стремительно неслась через Атлантику. С обеих сторон были поставлены лисели. Ревущий ветер ритмично крепил судно, под высоко поднятым носом корабля то и дело взвивался фонтан брызг, и в нем на мгновение возникала радуга. Громко и чисто пели натянутые тросы, сплетая свои дискант и тенор с баритоном и басом скрипящей древесины, – симфония морей. Несколько ослепительно-белых облаков плыли по небу, меж ними светило животворное солнце, отражаясь в бесчисленных гранях лазурного моря.

В таком изысканном обрамлении корабль был изысканно-красив, его высоко поднятый нос и ряды пушек дополняли картину. То был великолепный боевой механизм, повелитель волн, по которым он сейчас летел в гордом одиночестве. Само это одиночество говорило о многом: военно-морские силы противников закупорены в портах, заблокированы стоящими на страже эскадрами, и «Слава» может держать свой курс, никого не страшась. Ни одно тайком прорвавшее блокаду судно не сравнится с ней силой; в море нет ни одной вражеской эскадры, способной ее атаковать. «Слава» может насмехаться над неприятельскими берегами: все враги заперты и бессильны, она может нанести свой могучий удар там, где сочтет нужным. И сейчас она неслась по волнам, чтобы нанести такой удар по слову лордов Адмиралтейства.

На главной палубе выстроилась вся корабельная команда – люди, занятые бесконечным трудом по поддержанию этого механизма в рабочем состоянии, устранением постоянных неполадок, причиняемых морем, погодой и даже просто течением времени. Снежно-белые палубы, яркая краска, точное и правильное расположение рангоута и такелажа – все свидетельствовало о прилежности их работы. А когда «Славе» придет время высказать последний аргумент в споре о морском владычестве, именно они встанут к пушкам. Да, «Слава» – великолепная боевая машина, но своей мощью она обязана усилиям слабых человеческих созданий. Они, как и сама «Слава», служат лишь крошечными винтиками еще большей машины – Королевского флота. В большинстве своем привыкшие к освященным временем флотским традициям и дисциплине, они вполне удовлетворялись ролью винтиков, необходимостью мыть палубу и ставить паруса, направлять пушки или обрушиваться с бордажными саблями на вражеский фальш-борт. Они не задумывались, указывает ли нос судна на север или на юг, француз ли, испанец ли, немец рухнет под их ударом. На сегодня только капитан знал, с какой целью и куда лорды Адмиралтейства (очевидно, после обсуждения с кабинетом министров) направляют «Славу». Известно было только, что она держит курс в Вест-Индию, но куда именно и зачем – знал лишь один человек из семисот сорока на палубах «Славы».

В то воскресное утро на палубу выгнали всех, кого можно: не только обе вахты, но и «бездельников», не несших вахт, – трюмных, работавших так глубоко внизу, что многие из них неделями в буквальном смысле слова не видели белого света, купора и его помощников, парусного мастера, кока и вестовых. Все были в лучшей одежде. Офицеры в треуголках и при шпагах стояли рядом со своими отделениями. Лишь вахтенный офицер с помогавшим ему мичманом, старшина-рулевой у штурвала, впередсмотрящие да еще с десятков матросов, необходимых для управления судном в случае совершенно непредвиденных обстоятельств, не стояли на шкафуте по стойке смирно в покачивающихся вместе с палубой рядах.

Утро было воскресное, и вся команда стояла с непокрытыми головами, слушая капитана. Однако их собрали не для церковной службы. Эти люди обнажили голову не для того, чтоб поклониться своему Творцу. Богослужению отводились три воскресенья в месяц, но тогда корабль не обыскивали так тщательно, добиваясь присутствия всех членов команды. Веротерпимое Адмиралтейство недавно освободило католиков, иудеев и даже диссентеров от обязанности присутствовать на корабельных службах. Сегодня было четвертое воскресенье, когда

поклонение Богу отменялось ради более строгой, более торжественной церемонии, требовавшей тех же чистых рубашек и обнаженных голов, но не опущенных глаз. Напротив, каждый прямо смотрел вперед. Шляпы все держали перед собой, и ветер трепал им волосы: они слушали закон, всеохватывающий, как десять заповедей, кодекс, строгий, как Книга Левит, – каждое четвертое воскресенье месяца капитан вслух читал команде Свод законов военного времени, чтобы даже неграмотные не смогли потом оправдаться своим незнанием. Религиозный капитан мог втиснуть перед этим небольшое богослужение, но чтение Свода законов было обязательно.

Капитан перевернул страницу.

– Статья девятнадцатая, – читал он. – «Если кто-либо на флоте созовет или попытается созвать мятежную сходку с любой противоправной целью, лица, повинные в этом преступлении и признанные таковыми трибуналом, подлежат смерти».

Буш, стоявший рядом со своим отделением, слушал эти слова, как слушал их десятки раз до того. Он слышал их так часто, что обычно оставлял без внимания; вот и слова предыдущих восемнадцати статей он пропустил мимо ушей. Но девятнадцатую статью он услышал отчетливо. Возможно, капитан читал ее с особым ударением; кроме того, Буш, поднявший в ярком солнечном свете глаза, увидел Хорнблауэра, несшего вахту. Тот тоже слушал, стоя у ограждения шканцев. И это слово «смерть». Оно прозвучало как всплеск упавшего в колодец камня, и это было странно, потому что и в первых статьях, которые читал капитан, это слово повторялось часто – «смерть уклонившемуся от опасности», «смерть заснувшему при несении вахты».

Капитан продолжал читать:

– «Всякий, подстрекающий к мятежу, повинен смерти... Если офицер, морской пехотинец или нижний чин проявит непочтительность по отношению к старшему по званию офицеру...»

Сейчас, когда Хорнблауэр смотрел на Буша, эти слова значили гораздо больше; он почувствовал какое-то беспокойство. Буш глянул на капитана, нечесаного, неряшливо одетого, и вспомнил события последних нескольких дней. Если есть в мире человек, абсолютно неспособный к исполнению своих обязанностей, то это капитан, однако его неограниченную власть утверждал тот самый Свод законов, который он сейчас зачитывал. Буш снова поглядел на Хорнблауэра; он чувствовал, что знает наверняка, о чем тот думает, стоя у ограждения шканцев. Странно было жалеть неуклюжего, угловатого молодого лейтенанта, с которым он так мало знаком.

– «Если офицер, морской пехотинец, нижний чин или другое лицо на флоте, – капитан дошел до двадцать второй статьи, – осмелится вступить в ссору с кем-нибудь из старших по званию офицеров либо не подчинится законному приказанию, таковое лицо подлежит смерти».

Буш до сих пор не обращал внимания, как настойчиво Свод законов возвращается к этой теме. Буш всегда спокойно подчинялся дисциплине, философски убеждая себя, что несправедливость и некомпетентность начальства можно стерпеть. Теперь он четко видел, почему их надо терпеть. И как бы для того, чтобы забить последний гвоздь, капитан читал последнюю статью, восполняющую последние пробелы:

– «Все другие преступления, совершенные лицом или лицами на флоте, не упомянутые в настоящем документе...»

Буш вспомнил эту статью. С ее помощью офицер может добить подчиненного, у которого хватило ума не подпасть под действие предыдущих статей.

Капитан прочел последние мрачные слова и оторвал взгляд от страницы. Словно наводимая пушка, двинулся из стороны в сторону длинный нос, указывая на каждого офицера по очереди; небритое лицо выражало злобное торжество. Казалось, читая эти статьи, капитан на время победил страх. Он расправил грудь и даже встал на цыпочки, готовясь произнести заключительные слова:

– Вы должны знать, что все эти статьи относятся к моим офицерам точно так же, как и ко всем остальным.

Буш не поверил своим ушам. Невероятно, чтобы капитан говорил команде такие слова. Невозможно представить более губительную для дисциплины речь. Дальше капитан продолжал, как обычно:

– Приступайте, мистер Бакленд.

– Есть, сэр. – Бакленд выступил вперед, цепляясь за привычный ход дела. – Шляпы надеть!

Церемониал закончен; офицеры и матросы покрыли головы.

– Дивизионные офицеры, прикажите дивизионам разойтись!

Оркестр морской пехоты ждал этого мгновения. Тамбур-сержант взмахнул палочкой, и барабаны гулко зарокотали. Пронзительно и мелодично засвистели дудки. «Ирландская прачка» – отрывистая и бодрая. Щелк-щелк – морские пехотинцы взяли ружья на плечо. По приказу своего командира Уайтинга красные ряды пехотинцев двинулись в обе стороны по шканцам. Капитан Соьер смотрел, как течет нормальная корабельная жизнь. Теперь он заговорил громче.

– Мистер Бакленд!

– Сэр!

Капитан поднялся на две ступеньки по шканцевому трапу, так что всем его было видно, и заговорил нарочито громко, чтобы слышало как можно больше народу:

– Сегодня каболкино воскресенье.

– Есть, сэр.

– И двойная порция рома моим славным ребятам.

– Есть, сэр.

Бакленд изо всех сил пытался скрыть недовольство. Вместе с предыдущими словами капитана это было уже слишком. Каболкино воскресенье означает, что матросы проведут остаток дня в праздности. Двойной ром в таком случае почти наверняка вызовет ссоры и драки между матросами.

Буш, идущий по главной палубе в сторону кормы, отчетливо видел, как в команде, избалованной капитаном, нарастает беспорядок. Невозможно поддерживать дисциплину, когда капитан игнорирует любой неблагоприятный рапорт со стороны офицеров. Задиры и скандалисты оставались безнаказанными; хорошие матросы начали отлынивать от работы, а плохие сделались и вовсе неуправляемы. «Славные ребята», – сказал капитан. Матросы прекрасно знают, как вели себя последнюю неделю. Раз капитан после такого назвал их «славными ребятами», в следующую неделю они будут вести себя еще хуже. Кроме того, все матросы прекрасно видели, как капитан обращается с лейтенантами, как грубо им выговаривает, как жестоко их наказывает. Пословица гласит: «Что сегодня в кают-компании на жаркое, завтра будет нижней палубе на похлебку» – все, происходящее на шканцах, в искаженном виде обсуждается на баке. Трудно ожидать, что матросы станут подчиняться офицерам, которых откровенно презирает капитан. Буш, поднимавшийся на шканцы, был обеспокоен.

Капитан ушел к себе. Бакленд и Робертс стояли возле коечных сеток. Они были погружены в разговор, и Буш присоединился к ним.

– Эти статьи относятся к моим офицерам, – сказал Бакленд, когда он подошел.

– Каболкино воскресенье и двойной ром, – добавил Робертс. – Все для этих славных ребят.

Прежде чем продолжить, Бакленд украдкой огляделся. Жалко было видеть, как первый лейтенант линейного корабля озирается, боясь, что его подслушают. Но Хорнблауэр и Уэллард стояли по другую сторону штурвала. На полуюте штурман вел занятия по навигации: мичманы с секстанами проводили полуденные наблюдения.

- Он сумасшедший, – сказал Бакленд так тихо, как позволял северо-восточный ветер.
- Мы все это знаем, – ответил Робертс.

Буш ничего не сказал. Он не хотел себя компрометировать.

- Клайв пальцем не шевельнет, – сказал Бакленд. – Дурак набитый.

Клайв был судовым врачом.

- Вы его спрашивали? – поинтересовался Робертс.

- Пытался. Но он не скажет ни слова. Он боится.

- Ни с места, джентльмены, – вмешался резкий голос – хорошо знакомый голос капитана.

Он раздавался на уровне палубы у самых их ног. Все три офицера вздрогнули от изумления.

- Налицо все признаки вины, – гремел голос. – Вы свидетель, мистер Хоббс.

Офицеры оглянулись. Световой люк капитанской каюты был приоткрыт, и капитан глядел на них в щелку; видны были только его нос и глаза. Росту он был высокого и, став на что-нибудь, на книги или на скамеечку, сумел заглянуть за комингс светового люка. Замерев, офицеры ждали. Еще одна пара глаз выглянула из светового люка. Они принадлежали Хоббсу, исполняющему обязанности артиллериста.

- Ждите, пока я подойду к вам, джентльмены. – После слова «джентльмены» капитан фыркнул. – Очень хорошо, мистер Хоббс.

Оба лица исчезли из светового люка. Офицеры едва успели обменяться отчаянными взглядами, как капитан уже поднялся по трапу.

- Я полагаю, это мятежная сходка, – сказал капитан.

- Нет, сэр, – отвечал Бакленд.

Все, кроме категорического отрицания, было бы признанием вины – вины, способной затянуть веревки на их шеях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.